

Ксения Резко

*Госпожа
сочинитель*

Даниэль молод, женат на красивой женщине, но после аварии не может ходить. Никто не знает, что он лишь игрушка в руках своей сумасбродной супруги. Чтобы не потерять над ним власть, она запрещает его попытки встать с инвалидного кресла. Устав от положения подкаблучника, мечтающая обрести свободу и мужественность, Даниэль доверяется первой встречной — загадочной миллионерше, которая "похищает" его у жены, чтобы умчаться в новую жизнь, где всё будет так, как он захочет.

Никакой другой дом господин Рэмбл не посещал с таким удовольствием, как уютный дом супругов Элинт. Быть может, отношение это складывалось из-за того, что Элинты считались едва ли не самыми достойными людьми в округе, а может, из-за их целеустремленности. От холла, где приветливые слуги принимали из рук гостя пальто, в гостиную вела светлая галерея, представленная в виде зимнего сада с прозрачными стенами и потолком. Здесь приходилось уклоняться от ветвей пышно разросшихся пальм, при этом рискуя поскользнуться на гладком полу. Но не это было главным. Сама атмосфера здесь была пропитана дружеским участием и сосредоточенным проживанием жизни. Здесь знали, как понять и окружить вниманием, как оказать помощь и дать совет, минуя боль ущемленного самолюбия.

Оказавшись в дельно обставленной зале, больше напоминающей библиотеку — так много было в ней книг — вы начинали чувствовать себя своим среди своих. В этом доме почти всегда было много народу и почти всегда решалась чья-то судьба... на ближайшие несколько дней. Госпожа Элинт — подвижная, увлекающаяся особа лет двадцати двух, ловко управляла собственным «предприятием», которое специализировалось на организации отдыха для одиноких людей — тех, кого деньги лишили любви и дружбы. Ни для кого не секрет, что малейшее уклонение от понятного и общепринятого в маленьком провинциальном городке сразу воспринимается в штыки, поэтому когда в один прекрасный день над воротами перед домом Элинтов появилась вывеска с интригующим названием «Досуг для одиноких», по округе прокатилась волна сплетен. Недолго думая, обыватели установили аморальное назначение данного нововведения. Поначалу и сам господин Рэмбл был возмущен смелостью, с какой среди бела дня открывали бордель в доселе приличном доме. Как рьяный представитель консервативных взглядов, на правах старожилы этих мест, он не мог удержаться от вмешательства в столь неслыханное дело. Именно это и привело Рэмбла под крышу дома Элинтов, где скоро он стал желанным гостем. Толком не уяснив что к чему, Рэмбл тогда ворвался к «похотливым мерзавцам» в намерении учинить разнос, но один только вид молодой четы вмиг смешал его мысли, заставив притихнуть и остановиться. Эти скромные, воспитанные люди не могли затеять ничего дурного. С первой секунды Рэмбл понял, что это, в сущности, еще дети: наивные, пылкие, восторженные. Они горели искренним желанием скрасить чье-то безрадостное существование. Предприятие затевалось вовсе не с целью наживы. Несмотря на подозрения, здесь действительно могли хотя бы на неделю развеять скуку, и те, кому доставало мужества признаться самому себе в своем одиночестве, рассчитывали на интересное общество в полной мере.

А теперь вернемся к сути. В тот самый день, когда господин Рэмбл (нервный, издерганный недугами человек) ворвался в «гнездо разврата», то увидел там очаровательную пару. И девушка, и юноша глядели ему прямо в лицо и улыбались, как улыбаются только старым знакомым. Хозяйка была хороша собой, а главное — приветлива и сердечна. Джоанна Элинт, или Джой, всем своим деловым, подвижным обликом напоминала не по годам серьезную девочку. Коротко стриженные темно-каштановые волосы, большие серые глаза, быстрый, но сосредоточенный взгляд, порывистые движения и ощущение ответственности за всех и вся. Худенькая, с плохо сформированной фигурой, она была искренна и совсем нечванлива, однако ей повсюду сопутствовало чувство нетерпеливого

самоуверенности; она считала, будто она одна отлично знает что и кому нужно. Джой была одержима жертвенностью. Ей хотелось направлять, удерживая людей от опрометчивых поступков. Свое мнение относительно чьей-либо участи она находила единственно верным. Ее честолюбию, от природы не лишённому благородства, претило подчинение. Джоанна сама хотела подчинять, что делала весьма энергично. Будучи старшим ребенком в семье, она неизбежно взрастила в себе чувство превосходства. Ей нравилось ощущать свой опыт в решении проблем, свою невозмутимость при затруднительных обстоятельствах, поэтому каждая встреча с человеком аналогичного склада становилась для нее болезненным ударом. Рядом с тем, кто мог поколебать запал ее честолюбия, Джой чувствовала себя скованно. Вот почему вокруг себя госпожа Элинт начала собирать людей исключительно ведомых — тех, кто безоговорочно признавал ее лидерство.

Задумка сопровождения одиноких от начала до конца являлась идеей Джоанны. Именно ее рвение способствовать развитию чужого счастья направило силы молодой женщины к новым горизонтам. Джоанну тянуло к людям, рядом с которыми она выглядела сильнее, и эта странная для девушки тяга во многом определила ее судьбу.

Конечно же, Рэмбл находил Джой «занятой» и относился к ней как к дочери, милостиво позволяя ей демонстрировать свое покровительство над собой, однако иногда женская необузданность все же раздражала его. Гораздо более глубокую симпатию старик питал к супругу Джоанны. С тех пор, как Рэмбл начал регулярно посещать этот дом, один только вид Даниэля Элинта пробуждал в его очерствелой душе самые нежные чувства. Больше всего в подобные мгновенья он хотел иметь такого сына, как этот «простодушный мальчик».

С рождения Дэни Элинт был довольно хил. Все подмечали миловидную внешность юноши, но никогда не ставили его в один ряд с бравыми парнями города. Дэни не обижался. Природа наделила его слишком добрым сердцем, чтобы в нем могла зародиться обида на людей. Сублильный и узкоплечий, словно в насмешку наделенный высоким ростом, с нежными чертами правильно вычерченного лица, Даниэль скорее вызывал в женщинах умиление, нежели влечение и страсть. Невинное выражение синих глаз, в глубине которых сквозила неискоренимая робость; щеки, при всяком случае готовые вспыхнуть румянцем; узкое, непропорционально хрупкое и как будто вовсе бесплотное тело; от густоты темных, падающих на лоб волос кажущаяся большой голова — все это делало Элинта похожим на девушку. Частенько он становился объектом насмешек и жил в тени собственной кротости.

Родители юноши не располагали большими средствами, поэтому Даниэль был вынужден носить один и тот же костюм из грубого серого сукна, за что в насмешку был прозван гимназистом. К сожалению, несчастья для парня тогда только брали разгон.

Всё началось с покупки старого автомобиля, который отцу Даниэля уступил его начальник по работе за четверть цены. Машина была капризной, но Элинт-старший пребывал на седьмом небе от счастья за свое выгодное приобретение. Сын вполне разделял его взгляды: автомобиль казался ему настоящим чудом. Кто бы мог подумать, что долгожданное «чудо» принесет семье столько бед!.. В один из редких случаев, когда Даниэль выпросил у отца позволение покататься за городом, у машины отказали тормоза и она врезалась в дерево. Горе-водитель получил травмы ног и с тех пор не расставался с инвалидным креслом.

Когда всё случилось, вряд ли кто-нибудь посочувствовал бедняге. Даже родители отнеслись к аварии с холодной досадой — отец больше горевал по поводу разбитой машины,

нежели из-за увечий сына. Автомобиль являлся единственным предметом гордости Элинтов, а юноша такой ценности не представлял... Скорее, он был помехой. Даже тогда не обошлось без насмешек. Более здоровые и более наглые размышляли недолго: хоть несчастье случилось по вине отказавших тормозов, сплетники пустили слух, будто всему виной выскочившая на дорогу кошка. Во имя спасения животного простак, якобы, и принес себя в жертву. Над этой жестокой шуткой еще долго смеялись, пока сам Даниэль был прикован к больничной койке... Он не понимал одного: почему все к нему так жестоки? Неужто его поведение, его образ жизни кому-то мешали?

Между тем и в судьбе юноши наконец произошли перемены к лучшему. Именно тогда его, отвергнутого, искалеченного и вконец обнищавшего, избрала себе в мужа предприимчивая особа. Несомненно, их брак был заключен по любви — решили все вокруг, — ибо каким бы симпатичным ни был Даниэль, он отнюдь не являлся выгодной партией.

С тех пор нужда и насмешки для Даниэля отошли в прошлое — он угодил под надежное покровительство жены. Отныне без ее позволения он не смел сделать и вдоха. Понятное дело, что женщине такого склада, как Джоанна, было на руку беспомощное положение супруга. Будучи его ровесницей, она, в сущности, стала ему и матерью, и гувернером. Ей нравилось давать советы, отчитывать за непослушание, возиться и хлопотать, чувствовать себя ответственной. Забота о слабом поистине окрыляла ее.

Джоанна и Даниэль, столь разные на первый взгляд, отлично подходили друг другу. Женитьба пошла парню на пользу. Поправлялся он медленно, хронически ослабленный организм плохо поддавался лечению, однако уход сделал свое дело: несчастный уже мог передвигаться при помощи костылей, но странное дело — чрезмерно заботливая супруга не позволяла ему вставать. При каждой новой попытке Даниэля опробовать свои силы в доме бушевала гроза. Джой металась по комнате, заломив руки, и нещадно отчитывала его, словно маленького. Он покорно возвращался в кресло, ибо не смел ослушаться своей благодетельницы. А Джоанна, кажется, пугалась улучшений в состоянии мужа, без устали повторяя ему, что он еще слаб, что делать какие бы то ни было попытки пока опасно. Она боялась того дня, когда Даниэль окрепнет и вырвется из-под ее опеки, а она больше не будет иметь на него такого влияния, как прежде.

Старый Рэмбл не раз становился свидетелем стычек. Непонятное ожесточение исходило только с одной стороны — со стороны женщины. Даниэль сносил всё молча, с присущей себе выдержкой. На протяжении долгих месяцев он оставался весел. Увечье вовсе будто не тяготило его. День за днем Рэмбл заставлял юношу то за игрой в шахматы, то за чтением книги, то за разговором с одним из гостей. Поразительно, откуда бралось в этом не по-мужски нежном теле столько энергии! Даниэль любил высказывать вслух свои возвышенные стремления. Когда дрожащие от возбуждения губы произносили речи о путешествиях и далеких странах, о познании главной жизненной цели и собственном предназначении, кротость растворялась в сияющих огнем решимости глазах. Но подсказывала Джоанна. Ее рука мягко ложилась на плечо Даниэля, и он мгновенно сникал, возвращенный к реальности.

— Ты можешь переутомиться, — с беспокойством говорила женщина. — Тебе давно пора отдыхать.

И Даниэль повиновался, а Рэмбл понимал, что Джоанна держит супруга в заточении; он — пленник ее заботы.

Старику нравилось посещать этот дом еще потому, что на протяжении лет он оставался

рьяным противником механизации, и хотя многие давно обзавелись личными автомобилями, Рэмбл в знак протеста ходил пешком. А здесь его взору представала жертва новых порядков — искалеченная и обездвиженная по вине машины.

— Механизация ведет в тупик! — любил повторять Рэмбл в те редкие минуты, когда его хотели слушать. — Зачем торопиться? Зачем куда-то спешить? Ведь жили же без машин, жили веками!

Но несмотря на жгучую ненависть ко всяким нововведениям, старику были по нраву идеи Джоанны Элинт. Ее кипучая энергия вносила разнообразие в его одинокую жизнь. Почти всегда Джой расхаживала — нет! — летала по комнате, держа в руках какие-то списки и планы, то и дело хватаясь за телефон, делая пометки в блокноте... Вокруг нее суетились верные помощники. Она кивала им стриженной головкой, умело распоряжалась, и по традиции рядом с ней в неприметном углу сидел Даниэль. Он с кроткой улыбкой взирал на жену, изредка вставлял в деловой спор свои советы, но в основном был непричастен. Благодаря женщине, которая со скуки выдумывала себе массу хлопот, бедный юноша стал совладельцем этого дома и соучастником этих идей. Он был вынужден от заката до рассвета жить тем, чем из прихоти жила она.

Быть может, для Джоанны всё это представлялось игрой, но нельзя было не подметить ее такта в решении нравственных вопросов.

— Ботвиль! Что скажете вы? — без усталости звенел торопливый голос. — Нет, посещение оперы, ужин в ресторане — это посредственно. Она должна запомнить этот вечер на всю жизнь! Она одинока, и сегодня рядом с ней должно быть только то окружение, которое способно без следа развеять скуку.

Рэмбл и сам не раз принимал участие в затеях госпожи Элинт. Не отличаясь особым красноречием, он всё же сопровождал однажды престарелую вдову, которую водил по театрам и выставкам и даже (смешно сказать) катал на каруселях в парке. За несколько увлекательных часов богатые одиночки не жалели денег. Некоторые были безмерно рады простой теплой беседе.

И вот однажды случилось так, что в дом Элинтов Рэмбла привела личная просьба. Он вошел и вместо приветствия с порога воскликнул:

— ОНА — ваш клиент! Подкину я вам работенку на выходные!

Джоанна порывисто обернулась, и церемониальная радость сменилась в ее лице профессиональным азартом. Молодая женщина радовалась встрече с судьбой очередного «одиночки» так же, как коллекционер радуется свежему приобретению.

— О господин Рэмбл! Вы настоящий друг! — вскричала она, готовая заключить его в объятия, но нетерпение побудило ее перейти к расспросам: — Говорите! Кто эта отчаявшаяся душа, готовая доверить нам свое свободное время?

Рэмбл поудобнее расположился в кресле, предварительно кивнув Даниэлю (юноша как всегда сидел в уголке и со вниманием прислушивался к разговору). Джой оставила насущные дела — по правде, их было не так много, ибо к «Досугу» многие относились с недоверием. Хозяйка уселась напротив гостя, но живущий в ее тельце беспокойный дух не позволил ей долго оставаться без движения. Она вскочила и взволнованно заходила по комнате.

— Помните, на прошлой неделе я рассказывал вам про своего ныне покойного друга? — основательно начал Рэмбл.

— Да, — поспешно ответила Джой, хрустнув пальцами, и заставила себя подумать. — Кажется, его звали Суаль. Я не ошиблась?

— Всё верно. Когда-то мы вместе учились в университете, сколько лет прошло с тех пор!.. Так вот, теперь его взрослая дочь (по моим подсчетам ей немного за тридцать) проездом будет в нашем городе. Ей нужно проведать дальних родственников по материнской линии... Впрочем, это не столь важно! Важно то, что она совсем одинока! Она и едет-то сюда лишь затем, чтобы обрести моральную поддержку. Мы переписывались, я поведал ей о вашем семейном деле, о том, как вы могли бы ей помочь, и дочь моего друга дала согласие. Ей хватит вечера, проведенного в теплой атмосфере, где она бы почувствовала свою значимость...

Рэмбл умолк, опустив седовласую голову на грудь. Молчание длилось не дольше секунды. Джой проворно подбежала к столу, на котором громоздились кипы каких-то бумаг, и с видом величайшей сосредоточенности принялась составлять план грядущих мероприятий.

— Так значит, ей немногим более тридцати лет, она одинока, жаждет внимания, — вскользь резюмировала Джоанна.

— Да, — кивнул гость, и взгляд его потускнел. — Экла не хотела, чтобы вы поняли ее превратно. По сути она открытый, приветливый человек...

— Экла? Какое странное имя! Дэни, — Джой обернулась на мужа, — ты когда-нибудь слышал такое?.. — и, не дождавшись ответа, снова заметалась из угла в угол. — Она вдова или в разводе?

Рэмбл смутился.

— Видите ли, насколько мне стало известно из ее писем, Экла никогда не была замужем. Она старая дева — про таких именно так говорят...

Джой смотрела перед собой уже совсем другими глазами. Если до того она готова была порхать на крыльях вдохновения, то последние слова Рэмбла разом лишили ее энтузиазма. Тонкие губы женщины сложились в усмешку, в которой не наблюдалось и капли сострадания.

— Всё хуже, чем я думала, — мрачно заключила Джоанна. — Старые девы самый непредсказуемый народ. Они привыкли винить в своих бедах всех вокруг, но только не себя. В конце концов, они сами толком не знают, чего хотят от жизни. Им всё кажется, что кто-то норовит посягнуть на их дражайшую честь, тогда как на самом деле уже давно никому неинтересны.

— Джой, ты помнишь госпожу Волар? — вмешался Даниэль. Его голос зазвучал свежо и энергично; с трудом верилось, что он принадлежит калеке.

— Ах да, я помню. Это та девица, которая забросала Ботвиля пончиками, когда он начал рассказывать ей про свой счастливый брак. Вдобавок ко всему они еще и завистливы, — неприязненно добавила Джоанна. — Хотя... что это мы торопимся с выводами? Быть может, ваша знакомая совсем не такая.

Единогласные обвинения заставили старика стушеваться. Пунцовый от волнения, он неловко отирал пот со лба и растерянно переводил сверкающие из-под очков глаза с хозяйки на ее мужа. Поистине, если на свете существуют люди, напроочь отрешенные от проблем, то Даниэль Элинт из их числа. Молодой человек по-прежнему благодушно улыбался, как улыбаются дети, слушая интересный рассказ. Казалось, он один из всех присутствующих доволен жизнью. Он, обиженный судьбою страдалец! Приветливая улыбка не сходила с его лица; он был здесь, но в то же время мыслями вращался в потустороннем мире.

Джоанна была противоположностью мужа. Категоричная и смелая, подвижная и живая,

рассудительная и беспринципная, она неслась по жизни в круговороте мелких хлопот, в коих усматривала свой подвиг.

И Рэмбл впервые пожалел, что пришел сюда с просьбой. Он, старый холостяк, меньше всего умеющий разбираться в характерах, действительно не подозревал, какие это может повлечь за собой проблемы.

— Я не знаю, — наконец приглушенно вымолвил гость, — я видел Эклу всего однажды. Тогда она была очаровательным пятилетним ребенком. Веселой босоногой девчушкой с пушистыми хвостиками... Хихикая, она украдкой дергала меня за край пальто, а потом пряталась за дверь... Сейчас я не располагаю даже фотографией. Имеется только письмо, но почерк вам ничего не скажет.

Тем временем к Джоанне вернулся ее «боевой настрой», она снова сделалась решительна и непоколебима.

— В любом случае мы окажем этой особе достойный прием, — объявила госпожа Элинт. — Мы организуем настоящий праздник в честь ее приезда. Думаю, ресторация «Три камелии» подойдет. Там поистине родственная атмосфера. В такой даже чужестранец почувствует себя как дома. Помимо вас и меня для теплоты компании можно пригласить Аманду и Ботвиля...

— Нет-нет. Сутолока ни к чему. Я пойду на встречу один, вас же попрошу всё как следует устроить. Пятого дня в девятнадцать тридцать.

— Как скажете. — Джой пожала плечами.

То, как Рэмбл сначала преподнёс «живую» идею, а потом всё отменил, слегка обескуражило Джоанну. Наверное, радеющий за честное имя джентльмен попросту испугался дурной славы в случае, если его Экла и в самом деле окажется мегерой, готовой бросаться пончиками во всех неудобных. И в правду, он ведь совсем не знает ее! Пара вежливых писем, поздравительная открытка и телеграмма с датой прибытия. Рэмбл не представлял себе ни ее лица, ни нрава, ни привычек. Одно имя — отрывистое, с оттенком французской фривольности, — рисовало капризную куртизанку с багажом амбиций. Нет, уж лучше он отправится на эту встречу один, чтобы принять на себя возможный удар.

Экла Суаль. Фамилия добавляла ее имени малость изящества. «Экла годится мне в дочери, — примирительно подумал Рэмбл. — Она одинока так же, как и я. Возможно, мы сумеем понять друг друга».

Он уже достиг середины застекленной галереи, как вдруг услышал позади себя знакомый скрип инвалидного кресла. Никогда Даниэль Элинт не выглядел так возбужденно. Лихорадочным движением рук он вращал тугие колеса. Его лицо пылало, а от обычной умиротворенности не осталось и следа.

— Господин Рэмбл! Пойдите!

Хоть старик уже остановился около двери, ведущей в холл, юноша продолжал отчаянно спешить, словно ожидание стоило денег. Раскрасневшийся, взлохмаченный, с закушенными от натуги губами, он цеплялся головой за ветви пальм и выглядел так жалко, что Рэмбл не выдержал:

— Даниэль, успокойтесь, говорите! Я располагаю временем для обстоятельного разговора.

Но тот как будто не слышал. Волнение побуждало его снова и снова толкать свою коляску; она остановилась лишь тогда, когда ее колеса почти коснулись ног господина Рэмбла. Элинт поднял глаза.

— Простите, я недолго задержу вас, — смятенно пролепетал он, испуганно оглядываясь назад — туда, откуда еще доносился голос Джой. — Она не должна слышать: ей не понравится то, что я вам скажу...

Ну конечно! Рэмбл догадывался, что Джоанна имеет над мужем колоссальную власть; в ее присутствии он был вынужден сдерживать свои настоящие чувства. С трудом верилось, что тот спокойный, довольный жизнью юноша и этот взбудораженный человек — одно лицо, почти в одну минуту. Зная Джоанну, Даниэль терпеливо ждал возможности побыть с гостем один на один, и вот наконец его тайное желание осуществилось. Можно себе представить, сколько воли потребовалось на то, чтобы в присутствии жены ничем себя не выдать.

Элинт жестом велел гостю наклониться и торопливо зашептал, чтобы не потерять ни секунды:

— На прошлой неделе, когда Джой была в отъезде, я тренировался... Я делал попытки... Мне удалось пройти эту галерею от начала до конца. Самому! Без чьей-либо помощи! Представляете?! Я снова могу ходить — пришло время по-настоящему испробовать свои силы! Но Джой... Я не в праве ее упрекать, ведь она желает мне счастья! Но порой ее забота загоняет меня в тупик, лишает терпения. Она просто не оставляет мне выхода! Уж лучше действовать самому... Когда я действительно окрепну, это будет для нее приятным сюрпризом.

Молодой человек говорил много и быстро, едва успевая переводить дыхание. Чистая, благородная целеустремленность делала ему честь. Рэмбл больше зауважал Элинта, однако в своей наивной мечтательности тот не ведал, насколько опасна может быть его самостоятельность. Именно этого опасалась Джоанна!

— Я очень рад за вас, но... чем, собственно, я могу быть вам полезен? — виновато спросил Рэмбл.

Юноша порывисто вскинул на него свои бездонно-синие глаза, под немигающим взглядом которых старик совершенно терялся.

— Я не попрошу много. Я вовсе никогда ничего у вас не просил... Мне не в радость навязываться и создавать проблемы, но... Я больше не могу! Не могу сносить заточение, где все по тайному сговору стремятся к чему-то меня принудить! Я хочу быть личностью, а не игрушкой! Помогите мне. Помогите вырваться отсюда!

Он произнес эту речь надломлено и горько, но сколько отчаяния прозвучало в его просьбе! Рэмбл не мог отказать. Его старчески обостренные чувства мгновенно выдали ответ: ради благополучия «мальчика» он готов на любой подвиг.

— Говорите: что я должен сделать? Что облегчит ваши муки? — спросил Рэмбл.

— Возьмите меня с собой на вашу встречу, — последовал четкий, заранее приготовленный ответ.

— И только?! — Рэмбл ждал чего-то значительного, что могло бы кардинально изменить жизнь Даниэля, и мелочная просьба, проникнутая всё тем же наивным романтизмом, порядком его разочаровала.

Ничуть не смущаясь, Элинт повторил:

— Господин Рэмбл, я так давно не был в обществе! Мне бы хотелось вновь понаблюдать счастливых людей, послушать музыку, окунуться в мир, в который для меня закрыты двери... Да, раньше мне частенько приходилось слышать в свой адрес насмешки; порой они были очень обидны, — но тогда я жил, понимаете? Жил, а не существовал. Джой желает сделать

всё как лучше, она оберегает меня от посторонних, но я больше не хочу этого унижительного покровительства!

— Понимаю, — пробормотал сконфуженный Рэмбл, — только сомневаюсь, что это пойдет на пользу вашей впечатлительной натуре... Я еще не сказал, что Экла очень богата. От отца к ней перешла мебельная фабрика, конезавод, яхт-клуб. Кроме того, она владеет акциями крупнейших компаний. Поверьте мне, Даниэль: ворочать такими деньгами и оставаться одной — на это нужны серьезные причины. Подозреваю, что с годами у девчушки выработался скверный характер.

Даниэль был неумолим:

— Мне всё равно, какая она! Чтобы не стеснять вас, я вовсе могу отсесть за другой столик. И потом... вы же знаете — я не боюсь насмешек, пусть даже теперь их станет втрое больше!

Рэмбл долго не мигая смотрел на своего собеседника. Фанатичное нетерпение, присущее впечатлительным людям, не знало обратного хода. Безвольный юноша теперь страстно хотел хоть в чем-то настоять на своем, и Рэмбл его, как ни странно, понял.

— Хорошо. Я же обещал, что выполню любую вашу просьбу, а это ведь суший пустяк!

Даниэль напряженно кивнул. На том они распрощались. Всё то время, пока старик шел к выходу, он каждой клеточкой спины ощущал на себе молящий взгляд. Элинт заслуживал понимания как никто другой, ибо его рабское положение было унижительным для мужчины.

Даниэль проводил послеобеденные часы на скамейке в саду перед домом. Слуги то и дело сновали вокруг калек: ему не нужно было звонить в колокольчик или кричать, чтобы тотчас получить желаемое. Но теперь Даниэлю вряд ли было что-нибудь нужно. Вот уже битых полчаса он неотрывно смотрел вверх — на окна кабинета Джоанны, где происходил решающий для него разговор. Господин Рэмбл начал добросовестно выполнять данное обещание. Он явился к хозяйке, чтобы уведомить, а если точнее — спросить у нее разрешения на поход Даниэля в ресторан этим вечером.

Даниэль хотел пойти и знал, что пойдет в любом случае. Да-да, именно пойдет, а не поедет в своей проклятой коляске. А Джой... Когда Дэни вспоминал обстоятельства знакомства со своей женой, его охватывало молчаливое возмущение собственной безвольностью; возмущение, которое он усиленно скрывал от других.

Два года назад совсем юная девушка каким-то образом прознала про неудачника и его горькую судьбу. Под видом сиделки она навещала Элинта каждый день, очаровывая его, уже отвыкшего от ласки. Через месяц после знакомства Джой огорошила Даниэля прямым намеком на свадьбу — ей требовалось срочно объяснить окружающим свои частые визиты к постороннему мужчине. Но восемнадцатилетний Даниэль совсем не представлял себе семейной жизни! Тогда он мечтал выздороветь, и эта малознакомая девушка рождала в его сердце одну признательность.

Джоанна не сдавалась. Она не выпускала его из своих сетей. Боясь получить окончательный отказ, она металась и плакала у постели Даниэля, заверяя в вечной любви. И Даниэль сдался. Его глубоко поразило уже один тот факт, что его наконец безвозмездно, самоотверженно полюбили. Он понял, что не простит себе, если жестоко откажет влюбленной. К тому же Джоанна успела навестить к его родителям, и те, завороченные ее пламенными речами и возможностью сбросить с себя заботу о больном сыне, надавили на Даниэля с другой стороны.

Именно так, почти против воли, лишь на основании любви Джоанны был заключен их брак. Однако Даниэля ждал сюрприз. В первую брачную ночь Джоанна сбросила с себя притворную маску влюбленности. «Я обманула тебя, — бесстрастно объявила она, не глядя в сторону мужа. — Обманула ради твоего же блага. Я не испытываю к тебе ничего, кроме сестринской нежности. Я искренне хочу помочь тебе. Зная правду, из честолюбия ты бы отверг мою помощь. А так ты думал, что женишься из жалости, но на деле ты спас себя. Ведь ты пропадешь без меня! Пропадешь!» — с тем она сдержанно чмокнула его в лоб и вышла, пожелав спокойной ночи.

Подобным образом Элинт был вовлечен в кабалу — круговорот одухотворенных жертв и возвышенных целей. Присутствие Джоанны тяготило его, хоть он и не питал к ней неприязни. Скорее, он презирал себя за слабость, благодаря которой до сих пор оставался в подчинении у фанатички. Даниэль не подал на развод: он понял, что кроме Джоанны никому не нужен — даже родителям.

Всё в задумках Джой от начала до конца казалось Даниэлю слащавой игрой. Игрой в бескорыстие, игрой в показное супружество... Кротость помогала ему терпеливо сносить унижительные обстоятельства своего положения. Элинт с неугасимой надеждой глядел теперь на окна, ибо чувствовал, что этот вечер сильно изменит его жизнь. Как? Трудно

сказать. Предчувствие всегда туманно.

Наконец появился Рэмбл.

— Готовьтесь, Даниэль: вечер вы проведете вне дома! — торжественно объявил он, хлопая по плечу своего молодого друга, но тут что-то заставило его посмотреть вверх — у окна стояла Джоанна. Ее лицо, отягощенное противоречиями, белело за одним из оконных проемов. Спорить с этой женщиной было ох как трудно. Она противилась любой отлучке мужа из дома, однако Рэмбл был тверд. «Ладно, — устав, сообразовала Джоанна. — Только пусть Даниэль обойдется без самостоятельности. Он еще очень слаб, ему вредны нагрузки. Он может потерять равновесие, упасть — тогда всё лишь усугубится». Самостоятельностью она, как правило, называла попытки мужа встать на ноги. «Не беспокойтесь. Всё будет исполнено в лучшем виде», — ответил Рэмбл, скрестив за спиной пальцы...

...— Джоанне нужно поскорее стать матерью, — совершенно серьезно заметил он Даниэлю. — Только так она перестанет вас опекать, словно малое дитя.

Даниэль густо покраснел.

* * *

Сегодня был особенный день, сегодня всё шло не так, как обычно. Вопреки своим принципам Рэмбл нанял автомобиль — черный, блестящий, похожий на большую игрушку. Именно в нем надушенные, облаченные в выходные костюмы, наши герои отправились в ресторан.

Присутствие Даниэля смущало Рэмбла. Этот взрослый мальчик глядел на него так, будто ждал какого-то чуда. А тот просто боялся его разочаровать, боялся убить в нем последнюю надежду на лучшее... Помимо обострения чувств на старости лет у господина Рэмбла выработался дар предвидения: обычно интуиция его не подводила. Вот и теперь он чувствовал, что этот вечер многое решит если не в его судьбе, то в судьбе Даниэля. Рэмбл брал на себя груз ответственности за инвалида. В случае чего Джоанна потребует у него объяснений, а, надо признать, даже он — пожилой человек — побаивался порывистой, эмоциональной Джой. Госпожа Элинт доверила ему самое дорогое — мужа, и Рэмбл знал наверняка, что она долго не усидит на месте. Джой отправится следом, чтобы своей властной рукой пресечь малейшее ослушание подопечного.

Ровно в половину восьмого вечера черный лакированный автомобиль преодолел мост через канал и мягко притормозил напротив сияющих россыпями огней окон ресторана «Три камелии». Это было уютное двухэтажное здание, которое располагалось в старой части города. Ресторан справедливо называли клубом: в просторном зале сочетались столики, сцена для музыкантов, площадка для танцев и бильярдные столы — в самом дальнем углу. Сюда Даниэль вошел на своих ногах, с одной стороны поддерживаемый другом, а с другой опираясь на трость. Больше всего он боялся, что в этот чудесный, сказочный вечер ноги подведут его — они дрожали и почти не сгибались в коленях, а если и сгибались, то неожиданно и резко, лишая равновесия.

Рэмбл с содроганием наблюдал за Даниэлем. Опасно шатаясь, словно былинка на ветру, юноша ничего не замечал вокруг и был целиком погружен в свои ощущения, но глаза его, исполненные праведной цели, лучились энергией и надеждой.

— Интересно, она уже там? — сказал старик, неизбежно вспомнив о виновнице грядущего заседания.

— Кто «она»? — спросил Даниэль, и Рэмбл понял, насколько тот далек от реального мира.

Пожилой джентльмен успокоился лишь когда Даниэль сел за столик и можно было не бояться, что он грянется оземь. По лицу юноши расплзлись красные пятна, свидетельствующие о крайнем возбуждении нервов. Да, этот малый действительно легко впечатлялся: легко впадал в панику, легко обретал радость и восторженный пыл... В сущности, он был ребенком, которого хотелось взять под опеку и утешить. Было бы лучше, если бы Даниэль постепенно, через ежедневные тренировки возвращался к нормальной жизни. Позиция Джоанны скорее вредила больному. Истосковавшись по свободе, он отважился на рывок, не задумываясь о последствиях, которые могли затронуть не только его здоровье, но и совесть друга.

Рэмбл с удовлетворением разглядывал стол, сервированный на трех персон: Джой организовала всё как надо! Здесь, наравне с декоративным оформлением в виде живых цветов и фигурно разложенных салфеток, ждали своего часа бутылки с вином и шампанским. В стороне люди только начинали занимать другие столики. Несколько завсегдатаев играли в бильярд. Разморенные скукой музыканты брали первые аккорды. Звуки шагов, шорохи, глухие удары кия о шары... Сейчас здесь царит покой, но ближе к полуночи грянет разгул: польется музыка и хлынет в бокалы спиртное. Рэмбл боялся, что именно тогда его юный друг заскучает. Даниэль был очень рад своей вылазке в свет, но вместе с тем ему явно чего-то не хватало... Ему не хватало свободы. Напрасно глаза вновь и вновь рыскали в поисках отдушины — они ее не находили. Быть может, Элинт увидел среди присутствующих неприятно знакомые лица, а может, разочаровался в самом себе, но ему всё сильнее хотелось покинуть место, куда он только недавно стремился.

Судя по всему, Экла Суаль опаздывала. Рэмбл еще раз пожалел, что подробнее не объяснил ей дорогу, понадеявшись на таксистов. Очень может быть, что Экла заплутала. Однако на вопрос официант ответил:

— Госпожа Суаль уже здесь. Она прибыла час назад.

Рэмбл растерялся. Если гостья приехала раньше них, то куда же она испарилась? Оглядевшись и не найдя никого, подходящего под описание ее внешности, он впал в замешательство. Может, они разминулись? Может, просто не поняли друг друга? Однако, право, как нехорошо! Дама наверняка жутко обиделась. Вспомнив отзывы о старых девах, Рэмбл почувствовал себя так скверно, что залпом осушил бокал вина.

Даниэль тоже казался удрученным и уставшим. «Уйдем?» — взглядом спросил он. Рэмбл молчал. Ему стало безмерно жаль беднягу.

Вдруг от группы игроков в бильярд отделилась женщина. Рэмбл сразу ее не разглядел за широкими спинами мужчин, но она была здесь и сейчас направлялась именно к столику наших героев. Незнакомка шла, плавно покачивая бедрами, обтянутыми узким шелковым платьем, и каждый ее жест излучал спокойствие и благородство, чувство меры и такта. Это была дама средних лет небольшого роста, не худая, но и не полная. Она была просто «нестандартной» — отличной от всего, что мы привыкли видеть.

Да, она была далека от классической красоты. Лицо ее — яркое, резко очерченное, — надолго отпечатывалось в памяти, стоило только задержать на нем взгляд. Его черты выдавали крикливый характер: такой же крупный, как и скулы, нос с горбинкой; губы из-за выступающей вперед верхней челюсти придающие лицу улыбчивый вид; большие бледно-зеленые глаза под черными дугами бровей — в контраст светлым прядям.

Облик дамы выявлял человека, который устал упиваться достатком. На ней не было драгоценностей, а на лице почти отсутствовал макияж, что шло ей только на пользу, ведь всё

это отвлекло бы внимание от чистой кожи шеи и плеч, щедро покрытых загаром. Конечно же, незнакомка без ума от пикников, верховой езды и загородных прогулок.

— Как я рада! — воскликнула Экла, и нельзя было заподозрить ее во лжи — слишком ярко сверкали притягательные глаза, а голос звучал сочно, словно от него исходила жизненная сила. Госпожа Суаль не походила на старую деву. Возникал справедливый вопрос: неужели она могла хотя бы минуту прожить в одиночестве? Неужели могла быть независимой, самой управлять огромным состоянием?..

— Приношу свои извинения. Я просто не смогла удержаться: джентльмены так заразительно играют! — проговорила Экла и широко улыбнулась, обнажая ряд крупных, ослепительно белых зубов. Кто-то бы назвал ее улыбку вызывающей, но и грации этой улыбки никто бы не отнял.

Рэмбл порывался пожать ее руку, потом заколебался: не поцеловать ли ее на старинный манер? Ему не пришлось делать ни того, ни другого, ибо Экла первой заключила его в крепкие, родственные объятия. Получилось это не совсем ловко, однако Экла сгладила заминку своим заразительным смехом, от которого на душе стало светло. После она то же проделала и с Даниэлем, даже не спросив его имени. Прежде пребывающий в состоянии полета, теперь юноша смотрел на странную особу во все глаза. Она же вела себя естественно; поведение мужчин ничуть ее не смутило. Помимо воли все они приободрились. «Вечер удастся на славу!» — с облегчением вздохнул Рэмбл. Экла совсем не изменилась за прошедшие десятки лет. Старик узнал в ней маленькую девочку, какой видел ее однажды.

Рэмбл помог гостье занять место за столом и кликнул официанта. На удивление вкусы миллионерши оказались скромнее запросов людей со средним достатком. Была ли она скупа? Вряд ли. Просто Экла устала от собственных денег. Они тяготили ее.

Ребячески передернув плечами, госпожа Суаль оглядела своих новых знакомых.

— Позвольте вам представить: Даниэль Элинт, мой друг, — сказал Рэмбл.

Женщина улыбнулась и, перегнувшись через стол, повторно схватила Элинта за руку и с чувством потрясла ее. Ей, такой энергичной, жадной на внимание, хотелось снова и снова как-нибудь соприкоснуться с людьми, дарованными ей встречей. Казалось, стоит Рэмблу еще раз упомянуть имя Даниэля, как Экла возьмется приветствовать его вновь (чего юноша и опасался, и смутно ждал). Появление этой женщины было подобно буре после затишья. Экла их обоих огорошила своей простотой.

Вскоре подали блюда, чему гостья обрадовалась, ведь с утра почти не ела. Не переставая улыбаться и щебетать, госпожа Суаль наполняла бокал в случае, если мужчины запаздывали ее обслужить, ловко орудовала приборами сервировки, ела проворно, но без спешки.

...Отпив очередной глоток бордо, Экла, уже успевшая поддаться чарам вина, пытливо взглянула на своих кавалеров: седовласого старика и застенчивого юношу.

— Значит, Даниэль ваш друг? — спросила она нараспев. — Странно, но я сперва подумала, что вы отец и сын.

— Я был бы счастлив, будь по вашему, — скорбно вздохнул Рэмбл. — Увы, судьба не наградила меня потомством.

— Не слишком ли быстро вы говорите «увы»? — лукаво улыбнулась Экла, встретившись с вопросительным взглядом пожилого человека. — Вы хотите, чтобы Даниэль являлся вашим сыном. Что мешает вам выдать желаемое за действительное? Отчего вы не решите для себя раз и навсегда, что он — ваш сын?

Повисла пауза.

— Признаться, я сама так делала, и не однажды. Так интересней. Например, своим мимолетным знакомым я говорила, что у меня есть муж... Что сейчас он в деловой поездке или ждет меня дома... И мне верили, даже я порой верила самой себе! Вы мои друзья, и вам я могу открыть свои секреты.

Рэмбл насупился.

— Я не согласен, — возразил он. — Самообман не выход, это лишь путь к помешательству на почве фантазий. Поверьте моему опыту: если вы не смиритесь с одиночеством, рано или поздно оно погубит вас, если, конечно, вы не пожелаете с ним бороться. Мечты уводят нас от реальной жизни, и в том нет ничего хорошего.

Госпожа Суаль пожала плечами и принялась за овощной салат. Она ничуть не обиделась расхождению во взглядах, но и не была переубеждена — просто отказалась от спора. Как и Джоанна, Экла сама создавала свою реальность. Одно было неясно: то ли госпожа Суаль действительно относилась к числу целомудренных дев, то ли предпочла одиночество в силу распущенности. Рэмбл силился это понять, ибо от истины зависело его уважение.

У Даниэля тем временем были совсем иные заботы. Появление Эклы перевернуло весь его намеченный путь, его отношение к самому себе и к жизни. Мысленно юноша сравнивал госпожу Суаль с Джоанной, смущался, досадовал и недоумевал, однако не подавал вида. Экла часто обращалась к нему, но он отвечал ей односложно: «да», «нет»... И она понимала... Общительные люди зачастую имеют склонность относиться к замкнутости других с большой долей снисхождения. Между тем угрюмость задевала Эклу, поэтому она осмелилась растопить лед.

— Даниэль, почему вы такой грустный? Почему всё время молчите, всё о чем-то думаете?

Когда над самым ухом Даниэля прозвучал сопереживающий голос, он вздрогнул — Экла сидела совсем близко. Ее бледно-зеленые глаза смотрели в упор, изучая. «Она еще не видела, она еще не знает! — мрачно подумал Элинт, стискивая под столом ручку трости. — Сейчас она увидит. Посыплются ахи-вздохи, тщетные соболезнования...» Как жаль, что в глазах этой жизнерадостной женщины он не будет выглядеть достойно! Почему-то именно близость госпожи Суаль, ее дружеское обращение, ее искреннее желание помочь — пробуждали в безвольном человеке стремление к тем качествам, которые делают мужчину мужчиной. При ней ему хотелось быть лучшим...

— Позвольте пригласить вас на танец. Пусть я уже не молод, я постараюсь быть достойным кавалером, — вмешался Рэмбл, спеша выручить друга.

Экла обернулась, кивнула, затем опять обратилась к Даниэлю. На сей раз в ее взгляде сквозила тревога.

— Не грустите. Я скоро. Потом и мы с вами будем танцевать, — мягко сказала она. — О, вы такой бледный!

Он не успел оглянуться, как ее теплая сухая ладонь нежно потрепала его по щеке...

К тому времени в зале стало оживленнее. Музыка играла громче, люди приободрились, послышался смех... «Танцевать!» — в ужасе подумал Даниэль, посмотрев на свои непослушные ноги. Нет, сейчас он еще не готов, еще слишком рано! Своей попыткой пуститься в пляс он лишь опозорит Эклу. Быть может, выполняя он упражнения регулярнее, дела обстояли бы лучше, но строгие приказы Джоанны лишили его возможности вернуться к нормальной жизни.

— Он грустит, потому что очень несчастен, — пояснил Рэмбл, глядя в глаза внимательно слушающей его партнерши. — Не знаю даже, кому из нас пришлось хуже, ведь я, по крайней мере, свое отжил и... был свободен. А быть под каблуком у собственной жены — участь не из приятных.

— Даниэль женат? — воскликнула госпожа Суаль, и по ее лицу скользнула едва заметная тень сожаления.

— Да, — сдержанно кивнул Рэмбл.

— Но он так молод и... совсем не похож на семейного человека!

— Ну, знаете ли, можно состоять в браке, но семейным человеком не быть, — хмыкнул тот.

— Почему же тогда он один? Почему сейчас с ним нет его жены? — продолжала недоумевать Экла.

— О, это странный брак, весьма странный! — вздохнул старик. — Скорее Джоанна не жена Элинту, а его опекун. Но не тревожьтесь, она еще посетит нас сегодня. Джой не оставит Даниэля без присмотра надолго!

Казалось, слова Рэмбла укрепили непонимание Эклы. Она озадаченно хмурилась, покусывала губы. Юноша не на шутку заинтересовал ее — понял Рэмбл. Скучающая дама не отступится, пока не удовлетворит свое любопытство.

— Вы сказали, что Джоанна является опекуном Даниэля, — проговорила Экла. — Не почему опекуном? Разве он ребенок?

— Как, я разве еще не сказал? Это мое упущение, госпожа Суаль. Вряд ли Даниэль сможет составить вам пару в танце... Дело в том, что после аварии он утратил способность передвигаться. Ему очень трудно ходить. Реабилитация проходила бы скорее, если б не упорство Джоанны. Она запрещает мужу вставать с кресла, потому что опасается осложнений. Понимаете ли, властная женщина завладела волей столь кроткого и слабого существа, как Даниэль. Джой явится сегодня сюда, и вы сами всё увидите. Бедный мальчик всецело подчинен ей, а она чувствует власть в своих руках, и это ей нравится.

Рэмбл был вынужден говорить без умолку, потому что реакция Эклы превзошла все его ожидания. Она побледнела, и лицо ее исказило такое явственное выражение боли, как если бы теперь ей сообщили о злключениях очень близкого человека. Экла взглянула туда, где по-прежнему сидел Даниэль, и послала ему улыбку.

— Это неправильно, — решительно сказала женщина, повернувшись к Рэмблу. — Он должен жить, должен радоваться! — запальчиво воскликнула она, и в ее поведении не осталось и следа былой беспечности.

— Наверное, вы правы, но семейные дела не терпят вмешательства посторонних, — рассудил Рэмбл.

Она как-то странно улыбнулась. Напрасно он старался разгадать смысл этой улыбки.

Тем временем плавная мелодия вальса сменилась ритмами танго.

— Боюсь, для этого танца я слишком стар, — остановившись, сказал Рэмбл.

— Боюсь, для этого танца я слишком устала, — вежливо поправила Экла.

Она торопливо подошла к одному из официантов. Перебросившись с ним парой слов, Экла возвратилась к столику со стаканом воды.

— Ничего. Я просто слегка запыхалась, — предупредила она вопрос Рэмбла, который успел заметить перемену в поведении дамы. Едва ли теперь она казалась опечаленной, просто бывшая подвижность сменилась в ней каким-то иным оживлением. Госпожа Суаль вплотную под села к Даниэлю и протянула ему обе своих руки. Недоумевая, он скорее в силу инстинкта вложил в них свои ладони, которые были стиснуты крепко и горячо.

— Я научу вас танцевать иначе, — ласково сказала женщина. — Сплошь и рядом люди танцуют, совсем не подозревая, что не умеют этого делать. Они двигаются, семят ногами, но при том совсем не чувствуют музыку, не соперживают ей. А ведь это так просто! Вы только расслабьтесь, забудьте обо всём и повторяйте за мной... Доверьтесь мне! — Зеленые глаза Эклы казались такими проникновенными, а от ее рук исходило пульсирующее тепло.

— Не знаю, получится ли у меня, — смущенно шепнул Даниэль. — Я попытаюсь...

Она ответила ему лучезарной улыбкой. Он еще не ведал, что последует дальше. Он до замиранья сердца боялся угодить впросак, вызвать усмешку... Однако почему-то именно эта чужая женщина казалась ему близкой и родной. Ее внимание доставляло ему ничем необъяснимую радость, ее прикосновения были нежны и приятны. Отчего-то сейчас Даниэлю вспомнилось, как однажды в порыве упоения собственной властью Джоанна нагнулась и быстро коснулась своими губами его губ. Тот черствый, безжизненный поцелуй не шевельнул в душе Элинты никаких чувств, кроме гнетущей неловкости. Он до сих пор представлял себя отдельным от Джоанны, ибо она была ему кем угодно, но только не женой.

Экла закрыла глаза. Ее руки, по-прежнему крепко сжимающие руки Даниэля, начали двигаться в такт музыке; они будто порхали — то подавленно сникая, то вновь обретая силу. Ее лицо покраснелось, его выражение стало упоенным и мечтательным; в тот миг она была далека от реальности, как далеки от земли облака. Ее тело слилось с духом танца. Плечи трепетали, сама она то подавалась вперед, то неистово отклонялась, слегка запрокинув голову. Пример госпожи Суаль оказался так заразителен, что Даниэль действительно почувствовал себя полноценно танцующим на середине зала... Пару закружил вихрь страсти, который в мгновение ока отгородил их ото всех. Они остались наедине в ином, чудесном мире, где на пути простого понимания не существует преград...

Рэмбл с грустью смотрел на «детей», не смея прервать их самозабвенного порыва. Пусть этот вечер станет для них радужным островом среди серых будней, ведь уже завтра всё вернется на свои места.

Старик отвернулся и поднес к губам бокал вина. Он бы ушел, если б не ответственность за Даниэля. Да и для того, чтобы устранился, нужно приличия ради известить своих спутников, а отвлекать их друг от друга ему хотелось меньше всего.

— Простите: господин Рэмбл?

Старик поднял близорукие глаза и увидел перед собой официанта.

— Да, это я...

— Вас к телефону. Очень срочный звонок.

— Звонок? Не иначе Джоанна. Наша неутомимая благодетельница звонит проверить, не

украли ли ее мужа, — усмехнулся он и засеменил в направлении аппарата. Честно говоря, Рэмбл был рад возможности отлучиться из-за стола.

...— Алло! Говорите! Я слушаю вас! — Он кричал несколько раз, но в трубке молчали. — Алло!..

Послышались короткие гудки.

— Сорвалось? — участливо осведомился официант.

Рэмбл с досадой кивнул.

— Подождите. Может, звонок повторят, — посоветовал тот.

— Что означает ваше имя? — спросил между тем Даниэль у своей новой знакомой. Его всё откровенней восторгала эта удивительная женщина. Она казалась ему образцом душевности и простоты.

Утомленные пережитым, они сидели плечом к плечу, не в силах отвести друг от друга глаз. Маленькие руки Эклы теперь мирно покоились на коленях, но Даниэль до сих пор не мог забыть упоительной страсти, какой недавно был охвачен каждый ее пальчик. Даниэлю хотелось прикасаться к этим волшебным рукам вновь и вновь.

— Мое имя? Не правда ли, оно кажется вам странным?

— Немного. Оно интересное, как и вы...

Он потупился и покраснел.

— Вы не менее интересны, — с улыбкой заметила она. — Хорошо, я удовлетворю ваше любопытство. В переводе с французского мое имя означает «осколок». Помню, мама в детстве говорила, что я однажды «засяду» в сердце полюбившего меня мужчины осколком, который уже ничем не удалить. До сих пор ее пророчества не сбылись.

— Они сбудутся, уверяю вас! — искренне воскликнул Даниэль, ибо сам не представлял женщины прекрасней, чем эта. Он говорил что-то еще, пытаясь выразить полноту своей симпатии посредством путанных фраз.

Вдруг Экла резко подалась вперед и схватила его руки.

— Вы хотите уехать? Сейчас, сию минуту? Хотите обрести свободу? Ответьте скорее. От вашего желания зависит всё.

Ее горячий тон туманил разум. Она говорила быстро, возбужденно, неистово. Даниэль даже не сразу постиг смысл ее слов — до того они были фантастическими, особенно если учесть его образ жизни.

— Уехать? Сейчас? — переспросил юноша, и растерянность в его взгляде сменилась отчаянием.

— Да! Уехать! — заговорщицки прошептала Экла. — Сегодня ночью я еду в провинцию близ Бель-Канты, где проживают мои родственники. Я не видела их раньше. По сравнению с ними вы будете мне гораздо роднее и ближе! Мы погостим там с месяц, а потом вы вернетесь домой, а я — в свой город. Вы не пожалеете! Мы станем друзьями!

Ее взгляд умолял, ее руки судорожно ласкали его ладони.

— Это невозможно, — ответил он, кивая на трость. — Я инвалид. Моя жена...

— Доверьтесь мне, — как всегда ласково настояла она. — Мы объясним ей позже. Мы всем всё объясним позже, когда уже никто не сможет нас удержать.

— Я...

— Всё будет хорошо, — прервала его госпожа Суаль.

Они воровато оглянулись на Рэмбла, который, ничего не подозревая, дежурил у телефона.

— Ну — что?!!

Даниэль терзался. Угрызения совести, страх перед будущим и стремление к мечте разрывали его пополам. Он то ощущал себя гадким и жалким, то досадовал на свое промедление. Почему он никогда не может что-то решить всерьез? Почему так слаб и телом, и волей?!

— Я согласен, — выдохнул он, прикрывая глаза.

Через секунду заговорщики украдкой пробирались к выходу. Женщина шла очень быстро, поддерживая Даниэля под локоть, а он едва поспевал за ней. Порой ему думалось, что он волочится следом, словно тряпка. От волнения стучало в висках, лихорадочное возбуждение разливалось по телу.

— Быстрее! Быстрее! — в беспокойстве торопила его Экла.

И Даниэль спешил, как мог. Что будет, если Рэмбл остановит их при попытке к бегству? О, это было даже страшно вообразить! Дело пахло скандалом.

Наконец — успела пройти целая вечность — пара достигла лестницы, вверх по которой Элинт взбирался с таким трудом. Разве думал он тогда, чем обернется его «вылазка» в свет?

— Быстрее! — вновь повторяла Экла, увлекая всё дальше и дальше в пучину невозможности. Весь этот головокружительный побег был подобен смерчу, вырвавшему тихого человека из его тихой жизни. Даниэль не чувствовал под собой ног. Кругом всё кружилось и мелькало... В один такой миг удерживающая его рука Эклы рванула сильнее, и он, потеряв равновесие, полетел в пустоту. Сквозь грохот ударов собственного сердца Элинт слышал чей-то вскрик, видел, как раздаются в стороны чьи-то фигуры. Боль, смятение и оцепенелый страх. По инерции упавший силился подняться, и спутница предпринимала отчаянные попытки помочь ему в этой нелегкой задаче.

— Тебе больно? Потерпи... Еще немного... У дверей нас ждет автомобиль. Ну же Поднимайся!

В глазах Даниэля помутнело. Лишь голос, вселяющий надежду, звучал громче и громче:

— Поднимайся!

Он послушался. Прилагая невероятные усилия, он пополз к дверям — не было сил думать об унижении.

— Молодец! Умница! Еще! Еще! — откуда-то сверху звучал голос Эклы.

Они оказались на улице. Госпожа Суаль бросилась к машине. Шофер дремал за рулем, уткнувшись в развернутую газету.

— Густав! Скорее!

Низкорослый полноватый мужичок, вскочив, ошалело протер глаза тыльными сторонами ладоней.

— Да, госпожа! — вытянулся он по струнке.

— Помоги этому человеку. Как можно скорее подними его с пола и перенеси в машину.

Густав отогнал от себя вопросы и проворно подскочил к распластанному на крыльце Даниэлю. Совместными усилиями они перетащили несчастного под кров автомобиля.

— Теперь в гостиницу, да поживее! Надеюсь, Люси не распаковывала мои вещи.

Устроившись на заднем сиденье, Экла положила голову юноши себе на колени и накрыла сверху своими руками. Он тяжело дышал, ибо еще не пришел в себя после пережитого.

— А это?

Густав сомнительно повертел в воздухе тростью, которую подобрал рядом с Даниэлем.

— Дай сюда, — потребовала Экла и жадно схватила вещь, словно это была драгоценность.

Шофер плюхнулся к рулю. Прежде чем тронуться в путь, он еще раз оглянулся на своих странных пассажиров. Госпожа Суаль помогала Даниэлю поудобнее устроиться на мягких сиденьях.

— Всё будет хорошо. Не жалея о принятом решении. Мы что-нибудь придумаем. Обещаю, тебе больше не будет больно.

Автомобиль поехал по городу, окутанному плотными сумерками. Скоро остались позади и ресторан, и мост через воды канала. Подняв ворох листвы, машина умчалась в неизвестность, и ворчание мотора стихло вслед за только что звучавшими здесь голосами...

Когда Рэмбл, ничего не добившись от телефона, обернулся на зал, где за одним из столиков сидели Даниэль и Экла, то решил, что глаза его обманули. Места пустовали.

— Господи, где они?! — вскричал он во весь голос, ибо вновь предчувствовал что-то дурное.

Рэмбл долго не мог заставить себя поверить в отсутствие этих двоих, ведь внезапный уход не имел под собой никаких оснований. Только что они мирно разговаривали — и вот их уже нет! Тревога Рэмбла усилилась, когда он заметил, что официант, который до того был так заинтересован его разговором по телефону, теперь с отрешенным видом разносит шампанское. Нахмурившись, Рэмбл окликнул слугу:

— Где люди, что сидели вон за тем столом? — Голос его гневно клокотал, а тон не обещал ничего хорошего.

Официант невинно пожал плечами:

— Если не ошибаюсь, они только что ушли.

— Но почему?! И куда?!

— Сожалею, но я не могу этого знать, — ответил слуга, после чего возвратился к своей работе.

Мысли Рэмбла путались. Он совершенно не понимал, что к чему. Это была какая-то новая игра, за основу которой бралось любое правило, кроме уважения к старшим. Подумать только! Они просто взяли да ушли, даже не изволив попрощаться! Но постойте. Куда он мог с ней пойти — он, который едва встал на ноги после двух лет, проведенных в инвалидном кресле? С какой целью? Конечно, здесь не обошлось без участия впечатлительности Даниэля. А Экла... О, да она себе на уме! Рэмбл отчетливо представил госпожу Суаль, ее детскую простоту и приветливое обхождение с новыми друзьями. Сладкие речи плюс максимум внимания — и Даниэль побежал за ней, словно собачонка.

Рэмбл в отчаянии обратился к недавно пришедшим посетителям ресторана:

— Прощу прощения! Вы видели двоих? Мужчину и женщину?

«Мужчину! Женщину! — про себя усмехнулся он. — Да разве могут они быть таковыми после того, что совершили? Они дети, думающие только о себе!» Возмущенный, он вспомнил лицо Даниэля, когда госпожа Суаль держала его за руки: впервые юноша выглядел по-настоящему счастливым, а его лицо словно светилось изнутри... И этот свет сумела вдохнуть в него она, случайная знакомая.

Рэмбл описал внешность своих друзей.

— Точно! На лестнице мы видели именно их! — подтвердила девица, а ее спутник добавил:

— Они так отчаянно спешили, что чуть не сбили нас с ног!

— Действительно, их было трудно не заметить, ведь парень упал! Мы решили, что он пьяный.

— Упал?! — в ужасе переспросил Рэмбл.

— Ну да! Упал и отсчитал несколько ступенек!

Схватившись за голову, старик бросился вон. Как одержимый, он оббежал вокруг ресторана, поочередно заглядывая в окна припаркованных автомобилей, однако не добился ничего, кроме строгого окрика шофера. Самые худшие догадки подтвердились. Они уехали.

Рэмбл опоздал на какие-то доли секунд. Теперь оставалось лишь ехать к гостинице, где остановилась Экла. Нужно любой ценой спасти брак, пусть даже такой нелепый, как брак Даниэля и Джоанны. Ведь кто знает, что на уме у одинокой миллионерши? Она может позабавиться чувствами простофили, а после исчезнуть так же внезапно, как и появилась. А Даниэль навсегда потеряет то, что имел до сего дня.

Сил старика хватило бы на погоню до гостиницы; он бы, наверное, даже отважился требовать объяснений, но тут как на грех появилась Джоанна. Она быстро приближалась, всем своим видом демонстрируя праведный гнев. Следом за Джой шествовал рослый молодой человек — Ботвиль, неизменный компаньон и верный друг семьи, — который катил впереди себя опустевшее кресло Даниэля. Вид Джоанны говорил сам за себя: она не намерена тратить время на предисловия.

— Вы обманули меня! — вскричала взбешенная госпожа Элинт. — Я доверилась вам, как порядочному человеку! Вы обещали мне, что Даниэль не подвергнется риску, а сами спрятали это в садовых кустах! — она указала на кресло. — Вы подвергли опасности жизнь моего мужа, потому что не представляете, какого труда мне стоило выходить его. Вы не видели Даниэля таким, каким он был два года назад. Он был слабее котенка!

Серые глаза Джоанны гневно сверкали в темноте. Ее выкрики врезались в душу, от резкого звука ее голоса начинала звенеть голова. Рэмбл стоял перед обвинительницей, словно нерадивый школьник, и с тревогой отмечал растущее жжение в груди.

— Брось, Джой! — сказал Ботвиль. — Господин Рэмбл не при чем. Сама посуди: перевозить эту штуку в машине очень проблематично. Да и потом, Дэни, кажется, сам уже неплохо ходит!

— «Кажется»! — свирепо передразнила его она.

И Джой ринулась к дверям ресторана, веля приятелю следовать за ней со своим грузом.

— Его там нет, — бесцветным голосом остановил их Рэмбл. Прислонившись к стене, он тяжело дышал и вытирал со лба пот. — Даниэль уехал вместе с госпожой Суаль... Стоило мне отвернуться, как они сбежали... Ведь вы звонили мне?

Джоанна замерла.

— Нет, — тихо промолвила она. — Я вам не звонила. Я была слишком зла на вас, чтобы тратить время на звонки. Но... где Даниэль?

Слова Рэмбла только сейчас начинали обретать в ее понимании смысл, однако старик молчал: он всё понял — его вероломно подставили... Не сказав ни слова, Джой вихрем взвилась по лестнице в твердом намерении увидеть отсутствие мужа своими глазами. Через минуту она вновь была на улице, еще более злая, чем прежде. Ее лицо побледнело, глаза зловеще сузились, губы подрагивали в судорожной улыбке.

— Предатели! Вы все предатели! — истерично кричала госпожа Элинт. — Признайтесь же, Рэмбл, что вы намеренно свели вместе эту парочку! Вы целенаправленно разрушили наше счастье!

— Перестань. Не стоит убиваться из-за сопливого мальчишки, который предпочел тебе другую, — безуспешно подсказал Ботвиль.

— Она похитила его! — не унималась Джоанна. — Черт возьми, кто такая эта ваша Экла Суаль?! Старая дева, крадущая чужих мужей?

— Боюсь, что Даниэля похитили не без его согласия, — хмыкнул Ботвиль, который был посвящен в странные взаимоотношения супругов.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась односторонняя атака, если бы Рэмблу вдруг

не стало плохо. Исчезновение Даниэля и упреки Джоанны настолько потрясли его, что вмиг отняли все силы. Мир закружился перед его взором со скоростью света. Неужели Даниэль, этот милый мальчик — почти сын! — мог так гадко обойтись со своим другом? Другом, который искренне любил его?..

Лишь когда старик начал медленно оседать, Джоанна пришла в себя.

— Ботвиль! Скорее врача! — вне себя от ужаса закричала она.

Подхватив под руки обмякшее тело, они вдвоем усадили Рэмбла в освободившееся кресло Даниэля...

Нельзя сказать, что Даниэль сильно мучился угрызениями совести. Но и то, что он не испытывал их совсем, тоже было неправдой. Поначалу, пока они ехали в автомобиле по спящим улицам города, смутная тревога тяготила его; когда же полутемный салон сменился светлыми помещениями гостиничного зала, Элинт вовсе будто потерял самого себя. Он попал в сказку, где его уважали и любили. Лишь здесь молодой человек смог по-настоящему осознать, насколько богата и могущественна эта чудаковатая леди. Несмотря на скромность в выборе одежды, при желании она могла кутаться в парчу и шелка, украшать себя золотом и жемчугами. Из распахнувшейся двери номера навстречу новоприбывшим выскочил персиковый кокер-спаниель, который принялся вертеться под ногами хозяйки и с любопытством обнюхивать незнакомца.

— Бесси, прекрати! — смеясь, воскликнула женщина. — Когда-нибудь я растянусь на полу по твоей милости!

Сказав это, она будто о чем-то вспомнила, и тень печали коснулась ее черт.

— Мне нужно тебя осмотреть, — озадаченно промолвила Экла, памятуя о падении Даниэля.

Услужливый шофер довел юношу до ближайшего стула и, пользуясь моментом, поспешил прошептать ему на ухо:

— Вижу, вы бежите не от хорошей жизни... Мой вам совет: держитесь отныне госпожи Суаль. Она ши-ирокий человек!

Даниэль плохо понимал, что говорит ему этот полный мужичок с кустистыми бровями. Роскошная обстановка номера и присутствие Эклы заставляли его трепетать от восторга. Экла тем временем слышала хвалебную речь шофера. Ничуть не смутившись, она обратилась к нему с лаской, какой останавливают фантазии детей:

— Густав, позволь мне самой всё объяснить Даниэлю. Своими стараниями ты меня пересластишь.

Несмотря на возраст, она сама выглядела ребенком. Одно только согласие Даниэля вселило в старую деву больше энергии, чем что-либо на свете.

О, она отнюдь не была старой девой — по крайней мере, Даниэль не хотел так считать. Для него Экла стала волшебницей, которая помогла ему вырваться из будничной жизни. Элинт был одинок так же, как и она — быть может, это поняла Экла. На первый взгляд раскованная и смелая дама решила сделать то, что прежде доверяла лишь страницам своего дневника: пойти наперерез законам морали. Она осмелилась позвать за собой мужчину, к которому сразу прониклась глубокой симпатией. Пусть ей исполнилось тридцать два, а ему пошел двадцать первый. Госпожа Суаль не стремилась к плотской любви. Она нуждалась в друге. Да, для своего возраста Экла мыслила весьма своеобразно. Выхоленное в атмосфере достатка дитя совсем не знало жизни. Высокие стены родительского дома оградили ее от реальности, только вот от одиночества они ее не спасли. Окружение слуг да невинные забавы — это всё, чем располагала госпожа Суаль.

Собачка скакала вокруг Даниэля, игриво облизывая ему руки.

— Бесси разделяет мои симпатии, — заметила Экла и заглянула Элинту в глаза, после чего виновато осведомилась, не испытывает ли он боли после падения. Опьяненный переменами, Даниэль вряд ли помнил, что такое боль. Он был счастлив. Счастлив вопреки

чувству вины. Джоанна и господин Рэмбл по-своему любят его, однако с ними он никогда не будет самым собой.

В нерешительности остановившись подле Даниэля, Экла выглядела смущенной, как и он. Было очевидно, что ее самоуверенность есть не что иное, как действие самовнушения и выпитого вина. Она тоже боялась сделать что-то не так, нечаянно отведя от себя нового друга.

— Брюки нужно заштопать, — послышался рядом чей-то голос. Подняв взгляд, а затем посмотрев на свою одежду, Даниэль увидел сначала блеклое лицо девушки со строго убранными в косу волосами, а после — дыру на одной из штанин.

— Познакомься: моя горничная Люси, — со счастливой улыбкой пояснила Экла. — Она очень усердна... А это господин Элинт. С этой минуты он твой хозяин наравне со мной.

На непроницаемом лице служанки промелькнуло удивление — но только на секунду. Уж слишком счастлива была сегодня госпожа, и это доставляло преданным ей людям не меньшую радость.

Даниэль же был поражен. Ему и в голову не приходило, что он может кем-то повелевать. Слуги в доме Джоанны привили Элинту чувство опаски. Они вечно следили за ним по приказу жены, докладывая ей о малейшем его проступке. Эти же люди охотно стали бы его друзьями, ибо в услужении у Эклы не могло быть иначе.

— Забудь о штопке, — сказала Экла Люси. — Нашему очаровательному денди мы купим новый костюм, — она задорно подмигнула Даниэлю. — Вернее, он сам выберет себе то, что ему понравится. Пусть даже это будет малиновый пиджак.

Невзирая на горячие протесты Даниэля, госпожа Суаль опустилась на пушистый коврик у его ног и изловчилась засучить до колен изрядно пострадавшие брюки. Даже когда смоченный йодом ватный тампон осторожно скользил по свежим ссадинам, это не доставляло пострадавшему дискомфорта. Лишь одно повергало его в грусть: он не хотел, чтобы Экла питала к нему жалость, как многие другие до нее. Еще он не хотел выглядеть в ее глазах нахлебником.

Пока Экла была занята перевязкой, Даниэль изучал содержание комнаты, чтобы как-то отвлечься. Стены здесь были бирюзовых тонов, способствующих успокоению. Под ногами лежал толстый мягкий ковер, гармонирующий по цвету со стенами и поглощающий звуки шагов. Украшенный инкрустацией диван уместно пристроился в уголке перед входом в спальню апартаментов. На столе, рядом с окном, громоздилась ваза с роскошными цветами.

— В гостях у моих родственников будет хорошо. Просто и хорошо, — уверенно сказала Экла, проследив за направлением его взгляда. — Настало время познакомиться с ними, ведь я почти ничего о них не знаю. Да и они обо мне тоже.

Даниэль зачарованно наблюдал, как она суетится, собираясь в дорогу, а Люси со знанием дела помогает ей в этом. Черное обтягивающее платье из атласной ткани приятно шуршало и лоснилось в мягком освещении комнаты. Растрепавшиеся волосы госпожи Суаль были длиной чуть ниже плеч. В каждом жесте этой женщины не обходилось без грации и некой кошачьей мягкости. Она была дружелюбна и внимательна, и всё же, когда восторженный пыл поостыл, Даниэль возвратился мыслями к тем, кого оставил. Как он будет смотреть им в глаза? Что за безумие! Где была его голова, когда он давал свое согласие на авантюру?

Один вопрос мучил нашего героя. Когда Экла остановилась возле зеркала, чтобы поправить прическу, он не удержался:

— Зачем вам я?

Экла вздрогнула. Ее рука застыла в воздухе в тот самый миг, когда вправляла в прическу непокорные пряди. Не оборачиваясь, так как видела Даниэля в зеркале, она тихо ответила:

— Каждой даме нужно сопровождение. Ты не представляешь, как это для меня важно!

Она обернулась. Когда их взгляды пересеклись, Даниэль почувствовал вину — настолько грустным показалось ему лицо Эклы.

— Одиночество утомляет, — пожаловалась она с кислой улыбкой, которая совсем не шла к ее облику, в коем радость была единственным украшением.

Даниэль молчал. Она же, по всей видимости, покорно ждала его окончательного решения.

— Нам следует поторопиться, пока за тобой не пришли, — напомнила Экла. — В случае чего всю вину я возьму на себя, и если тебе дорог твой брак, ты сохранишь его... Обещаю.

Ее доброта и кротость умиляли. Она умела подобрать слова, чтобы расположить к себе даже закоренелого упрянца. И теперь, увидев Эклу — такую хрупкую, беззащитную, одну среди холодного великолепия роскоши, — перед глазами Даниэля будто промелькнула вся ее жизнь. Он впервые узнал, что значит сострадать кому-то...

Воцарившееся молчание прервал стук в дверь. Люси, которая до этого делала вид, будто совсем не интересуется разговором господ, вопросительно взглянула на Эклу. Та растерялась. Пожалуй, она только сейчас поняла, сколь дика ее затея. Черное пятно интриги надолго заклеямит ее имя, ведь Экла, немного-немало, увезла с собой чужого мужа; более того — больного человека, чье шаткое здоровье висит на волоске.

Даниэль судорожно вздохнул. Он так и знал, что это невозможно... Джоанна найдет его и воротит назад — она так просто не расстанется со своей властью! Однако гордость не позволила госпоже Суаль прятать голову в песок. Кивнув служанке, она приготовилась достойно встретить скандал, ведь это, конечно же, явился кто-то из опекунов Даниэля.

Четко отрепетированным жестом Люси распахнула дверь. Не обременяя себя вопросом о позволении войти, в номер ввалился неопрятный господин, от которого явственно пахло перегаром. Его пиджак был вывернут наизнанку, измятая рубашка — частично заправлена в брюки, шарф рисковал угодить хмельному джентльмену под пятки. Его физиономия не поддавалась описанию: это была смесь свеклы и карнавальной маски.

— Добрый вечер! — заплетающимся языком промямлил незнакомец, делая косолапое подобие книксена, что Бесси не преминула прокомментировать возмущенным лаем. — О, вы не одни...

— Господин Райд, прошу побыстрее. Мы опаздываем, — железным тоном объявила Экла. Вид алкоголика привел ее в негодование, но она продолжала держаться достойно, и Элинт в который раз почувствовал гордость за то, что эта женщина — его друг.

Пьяный напруг извилины. Он говорил невнятно, впрочем, его намерения были просты: он остался должен, играя в карты, и теперь просил у щедрой дамы займы.

— Это вопрос жизни и смерти! — оттопырив нижнюю губу, заверил он. — Мы виделись с вами всего однажды, но даже одной встречи хватило, чтобы вы признали во мне приятеля. «Отныне мы друзья! Ваши беды всегда найдут отклик в моей душе!» — говорили вы. Нет-нет! Не отпирайтесь! Вы говорили это при свидетелях! — развязно пригрозил новоявленный «друг».

Экла отвернулась к зеркалу. Она держалась превосходно, но всё-таки Элинт заметил,

как дрожат ее плечи и брезгливо кривится лицо. Госпожа Суаль вынула из расшитого бисером кошелька несколько бумажек и безучастно положила их на край столика.

— Я отвечаю за свои слова, — сказала она с видом величайшего одолжения. — А теперь уходите. В следующий раз идите куда угодно — только не ко мне.

Было видно, насколько неприятна ей эта сцена, насколько пьяный человек ей омерзителен. Никогда прежде Даниэлю не случалось видеть столь мертво-сухого выражения лица, какими стали добрые черты Эклы.

Незванный гость приблизился к столу и жадно сгреб добычу растопыренными пальцами. Деньги обжигали ему руки: даже не пересчитав полученной суммы, он исчез, чтобы продолжить кутить вплоть до опустошения карманов. С его уходом Экла вздохнула свободно. Она расправила поникшие плечи и с прежней улыбкой обратилась к Даниэлю — невольному свидетелю ее переживаний.

— Подумать только, ведь еще утром я разговаривала с этим человеком так же, как сейчас разговариваю с тобой! — воскликнула она. — Сейчас я понимаю, почему на протяжении всей нашей беседы его так упорно интересовали доходы моих фабрик... Я видела в нем друга — он видел во мне источник легкого обогащения.

Погруженная в свои мысли, Экла на цыпочках прошлась по мягкому ковру.

— Довольно одной этой причины, чтобы никогда не выходить замуж, — тихо призналась госпожа Суаль. — Претендентов было предостаточно, среди них были люди разных социальных слоев. Только всех их одинаково интересовал размер моего приданого, количество комнат в моем доме, расходы и прибыль. Но почему-то никто не интересовался состоянием моей души! Никто из них не утруждал себя любовью! Никто из них не любил меня! А это отвратительно...

Даниэль почувствовал себя неловко. Он не знал, что ответить на откровения едва знакомой женщины, ибо сам презирал браки по расчету. Элинт вспомнил день своей женитьбы на Джой. Свадьбу играли скромно, прямо в больничной палате, которая до отказа наполнилась любопытствующими пациентами и медперсоналом. Кто-то был с перебинтованной головой, кто-то — на костылях, кто-то улыбался беззубым ртом, наблюдая чудаков, которые решились на подобный спектакль...

Даниэль хотел рассказать Экле о своем случае, когда брак был заключен не по денежному, а по иному расчету, но она уже наспех сочиняла послание господину Рэмблу.

— Ты хочешь добавить что-нибудь от себя? — спросила женщина после того, как кончила вслух читать записку.

Даниэль плохо слушал. В тот момент он думал о горькой участи богатой дамы и о склонности некоторых людей везде искать наживу — пусть даже в связи с таким чудесным существом, как Экла. Элинт понял: если она усомнится в его честности, если решит, что он также заинтересован лишь вымоганием денег, то ни секунды не раздумывая укажет ему на дверь. Она не простит ему своего сомнения, ведь в настоящих друзьях сомневаться нельзя.

— Даниэль!

Когда Элинт очнулся от размышлений, то снова увидел ее сидящей на ковре у своих ног. С тревогой в зеленых глазах, которые казались сейчас огромными, Экла смотрела ему в лицо, надеясь выяснить, что случилось.

— Я в порядке, — смущенно отмахнулся юноша.

— Не верю, — строго осекла его она и опять, совсем как в ресторане, завладела его руками, которые начала тискать и гладить. — Я не хочу, чтобы ты меня стеснялся. Мы

должны чувствовать себя друг с другом легко, как если бы были знакомы сотню лет.

«Нет, какая же она всё-таки милая!» — подумал Даниэль, и восторг к нему возвратился.

— Вот так-то лучше!

Он слабо улыбнулся в ответ, а она приобняла его за плечи.

— Нам пора. Ты не передумал?

— Нет.

Он смутно понимал, что должен как-то ответить на ее доброту: пожать руку, сказать комплимент, — но не отваживался даже на самую малость.

— Ты не такой, как все. Я сразу поняла это, — сказала Экла. — Ты честный. Ты не станешь преследовать корыстных целей.

Ее проникновенный тон добавил ему уверенности.

— Вам не подходит ваше имя, — чуть слышно признался Даниэль.

— Почему же? — воскликнула она удивленно.

— Потому что осколок острый и бездушный — а у вас есть душа. И она исполнена мягкости и сострадания...

Экла звонко рассмеялась, склонив голову к нему на грудь. Он чувствовал, как трепещут ее плечи, чувствовал счастье, переполняющее всё ее существо от того, что они наконец нашли друг друга.

— При необходимости осколок может и кольнуть! — сказала она, кивнув в сторону двери, в которую несколько минут назад вышел хмельной проситель. — Райд получил от меня деньги сейчас, но вряд ли когда-нибудь он получит их снова.

Они отправились в свое странное путешествие глубокой ночью и в пути увлеченно проговорили до утра, пока, уставшие, не прикорнули на плече друг у друга. Экла взяла с собой Люси, которая обязывалась ухаживать за спаниелем. Люси являлась идеальной прислугой: вы не замечали ее присутствия, ибо она была тиха и неразговорчива, зато всегда могли по достоинству оценить ее помощь. Даже самые мелкие поручения Люси исполняла с присущим ей усердием. Но если служанка держала свои симпатии к госпоже Суаль при себе, то шофер, напротив, только и ждал возможности лишний раз выказать ей свое благоговение. А Экла любила простоту. Ей претило пафосное выражение преданности, доходящей до самоуничтожения; наверное поэтому Густав не был взят в эту поездку.

Восторженный же Даниэль не переставал радоваться своей удаче. Он до сих пор не верил, что ему нескоро придется возвратиться в дом жены, что впереди его ждет целый месяц упоительной сказки. Рядом с госпожой Суаль жизнь походила на сон, от которого так не хочется пробуждаться... Порой Элинту казалось, что стоит ему открыть глаза — и всё исчезнет. О, он так боялся потерять Эклу из вида! Они были посланы друг другу судьбой, и вряд ли кто-нибудь был юноше ближе, чем эта добрая душа, эта чудо-женщина. В полумраке уютного купе Даниэль с легкостью рассказывал ей свою жизнь, а она внимала ему с чуткостью и сопереживанием.

Нет, Экла не просила о многом. Одинокая дама просто устала от насмешек и косых взглядов. Она устала от того предвзятого мнения, каким обыкновенно встречали ее; устала от того, что каждый пытался отгадать в ней роковой недостаток, способный всё объяснить. Экла хотела предстать перед родственниками (совсем, в сущности, посторонними ей людьми) не в образе старой девы, а в образе счастливой женщины, которая жаждет поделиться своим счастьем с другими. В образе женщины, которую сопровождает молодой муж; в образе женщины, которая довольна жизнью и знает себе цену... Едва ли это большой труд — выдавать себя за супругов в компании малознакомых людей. Пусть это будет игра. Быстротечная игра.

И на сей раз Даниэль ответил согласием. По своему опыту он знал, что играть роль примерного мужа не так уж и трудно, тем более ему не терпелось сделать своей новой знакомой приятное. Как оказалось, перспектива подобного розыгрыша радовала Эклу больше, чем что-либо. Это в самом деле представлялось ей важным.

Итак, решено: в доме родственников Эклы они примут образ семейной пары. Женщина и ее спутник еще много смеялись, делая предположения о том, кто из них будет играть правдоподобней... Тема волнительного притворства одновременно и забавляла, и обжигала им сердца. словно малые дети, они с возрастающим азартом обсуждали каждую мелочь и при том ни секунды не сомневались, что навсегда останутся друзьями.

Окрыленная столь быстрым единодушием, Экла вовсю отдалась мечтам. Она мечтала вслух о том, как в скором будущем Даниэль будет гостить в ее доме, как она покажет ему Сальдаггар — свой родной город; как они вдвоем организуют пикник и покатаются на яхте. О, она была такой дружественной! В ее обращении юноша не заметил ничего предосудительного. Он начал воспринимать Эклу как свою старшую сестру, и она, в свою очередь, относилась к нему, как к брату. Вместе им было покойно и хорошо.

Откровенностью госпожа Суаль отвечала на откровенность. С удивлением Даниэль

узнал, что она вовсе не имеет знатного происхождения. Экла была единственной в роду, кому посчастливилось жить в достатке. Ее мать состояла компаньонкой при богатой капризной вдове, а отец был непутевым студентом, который из кожи лез вон в намерении получить благословение госпожи на свадьбу с ее прислужницей. Вскоре он его получил, и молодые сочетались браком. Немного погодя в жизни Робера Суаль наступил «момент истины». Причина его внезапного обогащения крылась в исключительном везении игрока. Суаль и прежде играл увлеченно, что частенько загоняло его в долги, но в один прекрасный день крупный выигрыш заставил его вовремя остановиться, ведь теперь он был женат и ждал прибавления в семействе. Робер понял: такое везение не выпадет дважды. И он сделал всё, чтобы приумножить добытые деньги. Это ему удалось. Отец Эклы крутился, как мог: скупал акции, играл на бирже, экономил и осторожничал, однако больше никогда не полагался на вероломную фортуна. Ему уже однажды повезло — дальше он предпочитал действовать, исходя из трезвых соображений. Даже сделавшись богачом, эдаким коллекционером прибыльных объектов, Робер Суаль не перестал быть любителем «ленивой экстравагантности». Когда родилась дочь и пришло время подумать об имени, счастливый отец схватил с полки одну из книг, открыл ее и ткнул в первое благозвучное слово.

— Назовем ее так! — сказал он обескураженной жене. Поупрямившись, та согласилась, зато их дочь стала обладательницей редкого имени.

В характере Эклы сочетались черты обоих родителей. Мать наделила ее добротой, а отец оставил в наследство кипучую энергию и неукротимую волю. Экла любила мечтать и, на счастье, у нее подчас имелись все возможности, чтобы претворить свои грезы в реальность. Она была свободна в деньгах, а жизнелюбие и подвижность лишь способствовали ей на пути к желанной цели. Госпожа Суаль хотела хотя бы немного пожить в гармонии со своими мечтами. Хотела — чего греха таить — правдиво «поиграть» в замужество. А этот милый юноша оказался единственным, с кем она почувствовала себя легко. Он понимал ее, он восторгался каждой ее невинной ласке и, главное, был бескорыстен. Экла всё сильнее хотела вовлечь его в свой мир, где им было бы так хорошо друг с другом...

Что плохого в том, что они отдохнут на природе и заодно немного подурчат незнакомых людей? Зато никто не будет с укором смотреть вслед одинокой женщине, никто с усмешкой не скажет, что она «старая дева». Да и Даниэль наконец забудет о своей неволе. Нет, в их затее решительно нет ничего дурного!

Прежде, чем сойти на крохотной станции, госпожа Суаль тщательно разъяснила своей служанке подробности «игры», а также дала указания, как следует вести себя Люси. Затем обернулась к Даниэлю с вопросом, которым проверила степень его готовности к предстоящему «спектаклю»:

— Как настроение, милый? — Она спросила это ласково, но тон ее уже был совсем иным. В нем сквозила обволакивающая, интимная нежность. Если Люси встретила затею госпожи терпимо и не выказала возражений, то Даниэль впервые почувствовал сомнения. При мысли, что эта прекрасная женщина — его друг — теперь всегда будет обращаться к нему с такой искусственной слащавостью, он помрачнел и смутился. Даниэля никогда не восторгали идеи Джой, ему претило притворство. Однако согласие уже не раз прозвучало его устами, да и Экла опять заверила, что всё это «несерьезно».

На станции кроме них никто не сошел. Вид безлюдной местности, погруженной в бледно-розовые блики предрассветной мглы, бескрайние поля и перелески, по периметру обрамляющие сонный пейзаж, — поначалу взволновали путешественников. Поблизости не наблюдалось ни единого намека на жилье и хоть какое-нибудь средство передвижения. Когда перестук колес затих вдали, повисла такая тишина, что без труда можно было вообразить себя на необитаемом острове. Однако Экла не теряла присутствия духа.

— Они должны нас встретить, — сказала она, поочередно глядя в воодушевленное лицо юноши и исполненное терпения лицо Люси. — Перед отъездом я отправила им телеграмму. Если только она не дошла или мы выбрали не ту остановку... В любом случае выход будет. А пока, Даниэль, обопрись на меня. Тебе нужно сберечь силы, ведь никто не знает, как далеко еще предстоит идти.

Так, своей маленькой отважной процессией они медленно двинулись в путь: мужчина, две женщины и собака, которая бежала впереди на тонком кожаном поводке, подгоняемая новыми впечатлениями. Ноги промокли от обильной росы, стоило только спуститься с насыпи. Даниэль уже не испытывал прежнего энтузиазма, однако и не думал тосковать по сидячему образу жизни. Всё то новое, что ждало его впереди, давало ему возможность впервые почувствовать себя Человеком наравне со всеми. А Экла... Он восхищался ею. Поистине, более удивительной женщины ему еще не приходилось встречать. Перевернуть всё с ног на голову в одночасье, приблизить к себе постороннего человека, доверить ему самое дорогое — свои мечты, — всё это было для нее естественно. Экла умела самозабвенно заботиться и бескорыстно любить, но в то же время оставалась ребенком. Она не жила, она парила в беспрестанном танце иллюзии и верила, что однажды сыграет свою судьбу по заранее писаным нотам. Ее нельзя было в чем-либо винить, ибо она попросту не умела жить иначе. Покорность и четкое осознание цели, наивность и слепое стремление обходить корыстолюбцев, простота ребенка и изящество светской львицы — неотделимо обитали в ней. Ее душа излучала тепло и свет, и Даниэль тянулся к ней, как к факелу своей надежды...

Путникам не пришлось долго утруждать себя пешей ходьбой — из-за поворота проселочной дороги, которая огибала лес и устремлялась в море яркой зелени полей, со скрипом показалась повозка. На козлах сидел коренастый мужчина средних лет в побитой пылью одежде, с клетчатым кепи на большой голове, обладающий скуластым лицом и непроницаемым взглядом. Соскочив на землю, он молча отнял у служанки чемодан и забросил его на сиденье. Затем бегло оглядел путников, поскреб затылок и лишь потом произнес глухим басом, обращаясь к белокурой женщине, чей облик больше соответствовал облику госпожи:

— Вы... та самая? Ну... это... тогда я буду мужем вашей троюродной сестрицы.

Экла быстро нашла себя в разговоре с родственником. Она обезоруживающе улыбнулась и представила Робу (так звали фермера), своих спутников.

— Муж? Вы приехали с мужем? — удивился он, взглянув на Даниэля с высоты своего роста.

Рядом с гигантом, что возвышался над ним подобно скале, юноша почувствовал себя букашкой. По сравнению с мужественностью Роба, для которого выражение силы было обычным делом, Даниэль выглядел тщедушно. Кажется, родственник госпожи Суаль

подумал о том же, и в его взгляде промелькнула насмешка.

— В письме вы не писали про мужа, — заметил он, стискивая маленькую ладошку Эклы в своей огромной руке.

— Я хотела сделать вам сюрприз, — нашла та, и ее обворожительная улыбка предотвратила дальнейшие расспросы.

Уже сейчас игра вызывала у Даниэля опасения. Это было пусть и невинное, но всё же притворство, а Элинт никогда не любил лгать. Сказать по правде, они меньше всего походили на супружескую пару. Может, на репутации Эклы лучше сказало бы одиночество, чем брак с человеком, который младше нее на двенадцать лет?..

— Значит, муж, — без улыбки сказал фермер, до хруста сжимая руку Даниэля. — Да вы просто счастливчик!

Он еще раз взглянул на улыбающуюся женщину. Простой покрой ее дорожного костюма, растрепанные белокурые волосы на фоне загорелого лица и большие глаза, сияющие зеленым блеском, — делали ее богиней путешествий. Затем Роб бросил взгляд на спаниеля, который в страхе жался к ногам хозяйки.

— Дама с собачкой! — хмыкнул фермер. — Что ж, забирайтесь. До фермы чуть больше двух миль, так что вы покрыли бы это расстояние и без моей помощи.

С тем он уселся на козлах; повозка отчаянно заскрипела и едва не опрокинулась под весом его тела.

Конечно, человеку, от природы наделенному здоровьем и силой, нагрузки казались мелочью. Даниэль же сомневался, что проделал бы пешком и половину пути. На миг Элинт представил себе выражение лица Роба, когда тот увидит его, ковыляющего к повозке, опираясь о плечо женщины... Грубый крестьянин вряд ли удержится от смеха. Поэтому когда Экла вновь предложила ему свою помощь, Даниэль отверг ее так решительно, что женщина растерялась. Нет, он не допустит, чтобы над ней смеялись! Пусть смеются над ним — он стерпит. Она же заслуживает только восхищения. И Даниэль, хромая, достиг повозки с высоко поднятой головой, однако под конец уже не смог противиться заботе двух женщин.

— Все в сборе? — осведомился Роб и оглянулся именно в тот момент, когда Экла и Люси с усилием втаскивали молодого человека на повозку. В глазах фермера скользнула ледяная усмешка — на этот раз презрения. «Сопляк!» — подумал он, но вслух сказал:

— Анна будет рада. Я велел ей готовить праздничный обед.

— Вы очень добры. Вся семья за одним большим столом — это так замечательно, не правда ли? — заметила Экла.

Он ничего не ответил, только опять усмехнулся: беззлобно, но как-то отстраненно. Так реагируют взрослые, слушая бредни детей. Хоть в целом Роб не выказывал в отношении гостей явной неучтивости, Даниэль почувствовал скрытую вражду, исходящую от этого человека. Великан с каменными мышцами и бычьей шеей обладал на удивление блеклым лицом. Оно казалось расплывчатым, незаконченным, как старый рисунок: нос, похожий на большую пуговицу, сросшиеся брови и щелочки-глаза, сквозь которые с периодичностью маятника сновали темные, без блеска, зрачки.

Ничто не мешало Робу приветствовать гостей: в доме честного труженика всегда найдутся и хлеб, и соль, и сочный окорок. Но один тот факт, что Экла обладает состоянием, что она, проще говоря, миллионерша, — являлся камнем преткновения на пути сближения. Экла «не додумалась» навестить свою троюродную сестру раньше именно по этой причине — по причине богатства, а теперь «соизволила» вспомнить о ее существовании. Да, госпожа

Суаль была богата, не ударив для этого и пальцем о палец, что будило в фермере зависть и гнев. И сейчас, яростно хлестнув кобылу, Роберт был исполнен противоречивых чувств...

Повозка тронулась и нехотя покатила по утрамбованной земле. Всю дорогу, помимо широкой спины Роба впереди себя, путники наблюдали живописные виды. Холмистая равнина была обтянута пухом изумрудно-зеленой травы, а свежевспаханный грунт резко контрастировал с девственной зеленью. Скоро замаячили крыши домов с печными трубами; вдоль дороги замелькала плетеная изгородь. На небе только занималась заря, и первые лучи солнца нежно пригревали путников, уставших после долгой дороги. Экла была беззаботна. Легкий ветерок нёс лепестки с цветущих фруктовых деревьев, и женщина с наслаждением вдыхала волнующие ароматы весны.

Ферма Пэмбертонов расположилась на отшибе от остальных построек деревни. Стоило проехать еще немного в сторону от железной дороги, как начинались дебри провинции, где всё дышит простотой и хлопотами трудовых будней. Люди пахали, сеяли, собирали урожай — так день за днем проходила вся их жизнь. Приезд богатой дамы стал здесь настоящим событием. Сестра Эклы, Анна, худая женщина примерно ее лет, с рано постаревшим лицом, тонкими губами и сединой в темных волосах, — встречала гостей на пороге. Пожалуй, из всех она одна была искренне рада их приезду.

Ее пятнадцатилетняя дочь Эйприл казалась диким агрессивным зверьком. Внешне это была вполне милая девочка. Бархатистая округлость щек, курчавые волосы цвета перезрелых пшеничных колосьев и миндалевидные черные глаза обещали в будущем превратить Эйприл в завидную невесту, если бы не ее отвратительный характер. Она была открыто невежественна, замкнута и груба. Если Анна и Роб приличия ради пытались сделать из себя воспитанных людей, то их дочь не скрывала своей неприязни. Прибытие гостей вселило в девочку необоснованную ярость. Стоя на крыльце, она свирепо грызла ногти и враждебно косилась в сторону прибывших. Когда Экла стала раздавать подарки, супруги неловко вертели безделушки в своих огрубелых пальцах и, сконфуженные, лепетали слова благодарности. Эйприл же умчалась вглубь дома, громко хлопнув дверью.

— Прилли немного нервничает, — пояснила Анна, теребя фартук. — Не каждый день к нам приезжают новые люди.

Гостей определили на втором этаже деревянного дома. На открытых настежь окнах вздымались белые занавески, ветви цветущих яблонь заглядывали в комнату, а лепестки, осыпаясь, падали на белоснежное покрывало широкой кровати. Обстановка отличалась скромностью: на стенах — пара семейных портретов, в углу — громоздкий платяной шкаф, на тумбочке — глиняная ваза с цветами. Под ногами — дощатый пол, который перед кроватью застилался круглым тряпичным ковриком. В новой обители Эклы ничто не напоминало о роскоши гостиничного номера. Одна единственная вещь — лакированный чемодан с инициалами его владелицы — указывал на ее статус. Зато сама здешняя атмосфера навевала мысли о покое. В воздухе витали запахи парного молока и свежескошенной зелени, а громкое пение птиц в саду возвещало о беззаботности жизни. От этих чудес захватывало дух, и Экла не трудилась скрыть силы своего восторга.

— Всё как я обещала! — воскликнула она, усаживаясь на подоконник.

Даниэль охотно разделил бы ее радость, если б не боль в уставших ногах. Калеке оставалось лишь тихо сидеть на краешке постели, со стороны наблюдая светящееся лицо госпожи Суаль. Она тонула в потоке солнечных лучей. Занавески временами скрывали ее светлый образ, но он чувствовал ее радость каждой клеточкой своего существа.

— Ты думаешь о Джоанне? — вполголоса спросила Экла, когда заметила его грусть. — Она, должно быть, уже получила мою записку. И вообще: она не в праве тебя неволить! Здесь нам будет хорошо. Вместе ты, я и эти замечательные люди... Они ведь понравились тебе? Они такие простые!

Нет, Даниэль не разделял ее взглядов, но и не мог опровергнуть ее возвышенных чувств. Своим поведением она напоминала маленькую девочку, которая в зоопарке по неведению тянет руку к ощеренной пасти тигра; которой кажется, что все вокруг ласковы и желают ей только добра.

Праздничное застолье решили перенести на вечер. Гости временно были предоставлены самим себе, чтобы как следует отдохнуть с дороги. Маленькая светлая комната, в которой лже-супругам предстояло жить вместе (Даниэль пока не думал об этой стороне вопроса), в одночасье наполнилась предметами дамского обихода: флакончиками духов, зеркальцами, какими-то украшениями, шляпными коробками. Здесь были и коричневые шерстяные платья примерно одного и того же фасона, и черные маркизетовые жакеты с шелковыми лентами, и длинные накидки из тонкой пряжи. Весело напевая, Экла порхала из двери в дверь, возилась с чемоданом, давала распоряжения Люси, которой отвели место в соседней, не менее благоустроенной комнате. Глядя на оживление госпожи Суаль, Даниэля посещал необъяснимый порыв что-то сказать ей, прикоснуться, но он не знал, с чего начать. Всё это выглядело до ужаса нелепо! И его растущая привязанность к ней, и ее забота о нем, как о слабом человеке...

Иногда Экла взглядывала на него и одаривала своей непревзойденной улыбкой, а он мучился тем, что не понимал, почему его сердце вновь и вновь сжимается тоской. Страдал ли от своей беспомощности? Сожалел ли о мягкости своего характера?

Он думал о женщине. О женщине, которая впервые пробудила в нем интерес. О женщине, которая волновала его и повергала в смущение. Долгих два года Даниэль был прочно связан с женой. Она, бесспорно, была привлекательна, она была его ровесницей — она была моложе Эклы и не уступала ей в энергичности. Почему же рядом с Джоанной он не испытывал и сотой доли того трепета? Наверное потому, что Экла была иной. Джоанной руководило желание покровительствовать, притеснять и приказывать, тогда как госпожа Суаль избрала для себя мягкость. Она помогала, а не шефствовала, она ни в коем случае не подавляла личность другого человека, а делала всё, чтобы тот поверил в себя.

На какой-то миг голос Эклы затих в глубине соседних комнат. Стало тихо. Никто не появлялся в течение нескольких минут. Должно быть, Анна повела сестру осматривать дом. Даниэль остался один. О, сколько раз ему предоставляли это порой желанное, порой унижительное право — право одиночества! Сколько раз про него забывали, поворачивались к нему спиной! И лишь теперь он пожалел об этом. Если бы в его силах было всегда находиться рядом с Эклой, слышать ее голос, наслаждаться ее присутствием...

Толком не осознавая своих действий, Даниэль протянул руку, взял со столика шифоновый шарф и также инстинктивно поднес к лицу. Материя источала тонкий аромат. Закрыв глаза, Даниэль отдался во власть воображения: он представлял Эклу идущей среди ландышей и роз; ветви смыкались над ее головой, ветер ласкал белокурые волосы... Глаза женщины искрились от смеха. Она шла, утопая в густой траве, кружилась и подставляла лицо навстречу жаркому свету... Она была так близко, что от этой пьянящей близости кружилась голова. Чувства захлестнули Даниэля, и он не знал, как их назвать. Благодарностью ли, симпатией? Но он точно знал, что желает ей счастья...

...Легкий вздох вернул его к реальности. Юноша торопливо вернул шарф на место и только потом осознал, что Экла застала его за столь странным занятием. Она стояла в дверях, стараясь улыбнуться, между тем как удивление от увиденного еще сквозило в ее широко открытых глазах.

— О Даниэль! — воскликнула она, подходя ближе. — Тебе нравятся мои духи? Я очень

рада.

На сей раз они оба ощутили неловкость, но не колючую, а сладостную. Даниэль знал, что Экла не будет смеяться над ним, какую бы он не отчебучил глупость, поэтому доверял ей, как никому другому.

* * *

Вечером, как и хотела Экла, за одним столом собралась вся семья вместе с почетными гостями. В просторной комнате на первом этаже в полумраке коптящих газовых рожков им были предложены простые яства: жирное мясо, сдобная выпечка, домашнее вино. За окном сгущались сумерки, в дом из раскрытых окон доносилось прощальное пение птиц. Где-то в сениях стрекотал сверчок. Но даже под гнетом любопытствующих лиц Даниэль не мог не смотреть на Эклу. Он любовался ею, он благоговел перед ней — она стала его ангелом-хранителем. Среди атмосферы сельского быта, на фоне угрюмости фермерской семьи Экла казалась светочем в царстве скуки. Она чувствовала себя легко в любой компании и уже без труда заговаривала с диковатой Эйприл, которая по наказу матери одела к ужину лучшее платье.

Мирно тянулась беседа, но за столом ощущалась неловкость. Хозяева стеснялись своего скромного жилища и своих далеко не изысканных манер, а Даниэль помнил об обязанности исполнять роль ее мужа в то время, пока дома о нем беспокоится его законная жена, которую он... попросту бросил. Осознание своего поступка давило на Элинта. Временами он даже чувствовал себя виноватым. Но Экла оправдывала всю его вину. В эту женщину можно было влюбиться с первого взгляда. Одета в темное платье с узким вырезом, она выглядела прекрасно. Собранные высоко на затылке волосы позволяли видеть плавные изгибы плеч и точеные линии шеи. Элинт поймал себя на мысли, что хотел бы увидеть Эклу с распущенными волосами — тогда бы она, наверное, выглядела еще более молодой.

В домашней обстановке Роберт уже не казался грозным великаном. Подогретый вином, он то и дело посматривал на Эклу и ее «мужа», как бы прощупывая их материальное состояние. Похоже, это заботило его больше всего, ибо помимо черной зависти из их встречи можно было извлечь кое-что полезное...

Даниэлю сразу не понравился здоровяк-фермер. Уже один только взгляд его маленьких колючих глаз, исполненных скрытой усмешки, пробуждал в Элинте дрожь. Под личиной зубоскальства таилась ответная антипатия — Даниэль знал это, поэтому не мог расслабиться.

А Экла не замечала растущего напряжения. Смеясь, она переговаривалась с Анной, которая расцвела от внимания к собственной персоне. Вынужденная кротко блюсти семейный быт, она смогла наконец отвлечься от повседневных тягот.

— Это, конечно, не мое дело, но позвольте полюбопытствовать... — вкрадчиво начал глава семьи, кивая в сторону Даниэля. — Давеча я заметил, что вы хромаете. С вами что-то приключилось?

— Мне не хотелось бы говорить об этом, — сказал Даниэль.

Уклончивый ответ только подогрел любопытство хозяев. Супруги переглянулись, а Эйприл, уловив недоумение родителей, переняла эстафету атаки у отца:

— Интересно, что это было за несчастье, о котором вы не хотите рассказывать? — ехидно заметила девочка. — Вы упали с лестницы? Или с дерева? А! Точно! Вы упали с кровати!

Юноша вспыхнул, но больше него побагровела госпожа Суаль. Теперь ее зеленые глаза

металли молнии.

— Бога ради простите мою дочь, — пролепетала Анна, тронув Даниэля за плечо. — Она сама не смыслит, что болтает.

В прищуренных глазах девочки не наблюдалось и тени раскаяния. В любом случае извиняться было поздно — Экла уже воспылала праведным гневом. Оскорбление друга задело ее за живое.

— Думаю, падение с кровати обошлось бы Даниэлю дороже, — звенящим голосом возразила она. — А так это был сущий пустяк. Подумаешь — автокатастрофа. Человек два года не мог ходить!

Повисло тягостное молчание. Не вынеся осуждающих взглядов, девочка порывисто вскочила из-за стола.

— А пошли вы!.. — с ненавистью крикнула она и умчалась, словно непокорный ветер. Так Эйприл поступала всегда, если не находила сказать ничего более остроумного.

— У, бешеная, — лениво пробормотал Роб и обыденным жестом поднял стакан вина. — Выпьем! Мерзавка. Что с нее взять?!

С тяжелым чувством гости последовали совету хозяина. От того, что перед ними во всей неприглядной форме обнажились проблемы семьи, им меньше всего сейчас хотелось пить и веселиться, но Роб произносил тосты снова и снова.

Спустя полчаса об инциденте забыли. Вконец охмелевший фермер вплотную подсел к Экле, чтобы, не обращая внимания на Анну и Даниэля, горячо что-то шептать ей на ухо. Порой Экла вспыхивала, порой заливалась громким смехом, порой смятенно опускала взор, а когда медвежья рука родственника накрыла ее колено, она не нашла в себе мужества на то, чтобы ее убрать. Экла выглядела уставшей. Хмельные бредни грубого человека, его красное лицо, отупелый взгляд и отвратительный перегар — всё это окончательно лишило ее сил. Она кивала в ответ, а фермер пуще распался. Речь шла о давней мечте Роба. Земля, отданная в его пользование, принадлежала сельскохозяйственной компании, которой он обязывался ежегодно выплачивать долю от стоимости собранного урожая. Постоянные выплаты изнуряли его. Зачастую он работал себе в убыток, мечтая однажды стать полноправным хозяином своего надела. Но для того, чтобы выкупить участок, нужны были деньги, которых Пэмбертон не имел. Его прибыль расходилась на нужды семьи, оплату долгов и налогов, а также выплаты наемным рабочим. В пьяном угаре Роберт жаловался Экле на несчастную судьбу и откровенно клянчил денег, чего бы никогда не сделал в трезвом рассудке. Он то и дело бесцеремонно хватал женщину за плечи, перебивал ее, заваливался на нее всем своим весом... Глядя на это, Даниэль содрогался от ярости. Он сам не понимал, почему не выносит присутствия здоровяка рядом с Эклой, но уж точно знал, что, имея он побольше сил, то не раздумывая вздул бы пьяного нахала. А так Даниэлю оставалось сжимать под столом кулаки и ждать окончания пытки. Раньше, бывало, мужчины при нем обнимали его законную жену и он относился к этому спокойно; Джой была ему безразлична, но Экла...

Наконец начали убирать со стола. Ужин был кончен. Даниэль едва дождался минуты, когда остался с Эклой наедине.

— Подумать только! — сказала она, когда они рука об руку вышли из гостиной. — Анна всего на год старше меня, а у нее уже взрослая дочь! Пусть моя троюродная сестра рано вышла замуж, всё же это невыносимо!

Даниэль угрюмо молчал. Он не понимал, почему мысль о поведении Роберта жжет его

каленным железом.

— Я не хочу, чтобы он тебя лапал! — вдруг выпалил Элинт.

Экла так устала за прошедший день, что не нашла в себе сил удивиться перемене, случившейся с Даниэлем. Прежде он был, как говорят, «не рыба не мясо»; теперь же его брови свирепо сдвинулись, глаза ревниво блестели.

— Он больше не будет, — счастливо засмеялась она и приобняла друга за плечи. — В любом случае мне приятно...

— Что «приятно»?! — с обидой вскинулся юноша, думая, что ее слова относятся к Роберту.

— Дэни! — Она погрозила ему пальцем. — Иногда женщинам приятно, когда их ревнуют. Что ж, ты в праве ревновать. Более того, ты можешь закатить мне сцену на глазах у всех. Пока ты впереди. Пока ты играешь свою роль правдоподобней. Но что будет потом? Потом, так и знай, я наверстаю упущенное!

Существуют люди, которые отказываются взрослеть с годами. Которые с легкостью пускаются в рискованные авантюры, которые не забегают вперед, а живут насущной минутой, которые готовы довериться первому встречному. Именно к такому типу относилась Экла. Сейчас она уютно сидела в постели, и рассветные лучи, только начинающие пробиваться сквозь зашторенные окна, призрачно скользили по ее обнаженным плечам. Тонкая кружевная сорочка открывала взгляду несомненные достоинства ее упругого, подтянутого тела; золотистые завитки волос наконец-то вольно струились, окутывая шею. Женщина держала на коленях блокнот в обтянутой красным бархатом обложке и что-то записывала в него, периодически грызя карандаш, когда задумывалась о чем-то. Она была всецело погружена в свои мысли. Иногда ее лицо расцветало улыбкой, иногда хмурилось, иногда — делалось непроницаемым. Но до чего же приятно было наблюдать со стороны столь непосредственное создание!

Такой Даниэль видел Эклу в их первое совместное утро на ферме, пока притворялся спящим, лежа на своей половине кровати. Кровать была достаточно просторной для того, чтобы двое могли расположиться там, не стесняя друг друга. Даниэль и Экла были настолько наивны и чисты в своих мечтах, что даже не подумали о чем-то запретном.

Однако притворство Даниэля не могло долго скрываться от Эклы. Когда она резко бросила на него взгляд, он не успел снова закрыть глаза.

— Ага! Попался! Тут, между прочим, я пишу о тебе, — уже серьезно добавила она, понизив голос. — Но это мои личные записи, — предупредила она, словно опасаясь его просьбы.

Экла еще некоторое время повертела в руках карандаш, после чего решительно отложила дневник в сторону и полностью посвятила себя созерцанию друга. Ее лицо теперь казалось как никогда счастливым и расслабленным, большие выразительные глаза матово светились.

— Так интересней жить: выдумывать то, чего никогда не было и, наверное, никогда не будет, — сказала Экла. — Мы знакомы пару дней; я, можно сказать, похитила тебя из-под носа у старого Рэмбла, и вот уже сейчас мы живем здесь под видом добропорядочных супругов. Забавно!

Даниэль смотрел на нее со скрытой грустью. Напоминание об учиненной подлости, о людях, оставленных в глупом положении, о собственной безрассудности — вгоняло его в тоску. К сожалению, это всего лишь праздная выдумка, которая рано или поздно сменится реальностью. Мимолетный сон, фантазия! На самом же деле они совсем чужие друг другу... А Даниэль хотел быть Экле если не мужем, то хотя бы тем, кому дозволяется каждый день находиться рядом с ней, в ком она могла бы нуждаться: слугой, шофером, мальчиком на побегушках — лишь бы не возвращаться под опеку Джоанны.

— Они нам поверили, — тихо заметил он.

— Еще бы! Вчера за ужином твои ревнивые взгляды убедили бы кого угодно! — беспечно отозвалась Экла. — Продолжай в том же духе: побольше ревнуй меня... Мы можем сделать тебя, к примеру, компаньоном моего покойного отца. Твою хромоту можно преподнести в виде геройского поступка. Анна и Роберт будут в восторге, они заважают тебя! Да мы можем выдумывать что угодно и жить так, как нам вздумается!

Даниэль тяжело вздохнул: для Эклы всё это было лишь игрой, за которую она не собиралась нести никакой ответственности. Она выдумала ее — она в нее играла. Но он, Даниэль, не играл.

— Дэни, пообещай мне, что сохранишь нашу затею в секрете, что никому не проболтаешься, — прошептала вдруг Экла.

Даниэль резко вскинул голову и прямо посмотрел ей в глаза. «Она притворяется!» Почему-то эта мысль кольнула его в самое сердце. Нет, он не особенный. На его месте мог оказаться любой дурак, уставший маяться без дела. Он не был избранным. Он просто был тем, кто подвернулся ей под руку... И Экла не жалела его. Она обращалась с ним так, как обращалась со всеми. Он не более, чем податливый воск в ее руках, из которого можно слепить любую фигуру.

— Ты обещаешь? — серьезно повторила госпожа Суаль.

Молодой человек нахмурился и отвернулся.

— Я не смогу дальше смотреть честным людям в глаза, пока сам перед ними не чист. Я не буду разыгрывать из себя кого-то, кем никогда не являлся. Я не возьму на себя чужих заслуг. Экла! — он обернулся к ней с мольбой. — Ну кому нужна вся эта ложь?! Мне хорошо с тобой безо всякой лжи... ведь мы друзья! Мы друзья — помнишь? Зачем усложнять наше положение? Больше всего я боюсь однажды стать тебе врагом, ведь чем выше пирамида фальши, тем больнее будет в случае провала. Если всё откроется, ты меня возненавидишь, потому что сама угодишь в щекотливое положение. В конце концов, это глупо!..

Экла покраснела и надула губки, словно капризное дитя.

— Ах так! — Она выкрикнула это с такой злостью, что Даниэль испугался. Но уже через секунду она неожиданно — прямо-таки с ребяческой проворностью — очутилась на другой половине кровати и принялась нещадно его щекотать.

— Ах так! Ах так! — повторяла она, но уже без ожесточения.

Горячее дыхание, близость ее упругого, сильного тела, волнующий запах ее волос — всё это было ново и действовало, словно дурман. Даниэль не заметил, как, изворачиваясь от ее рук, с азартом, какого за собой не подозревал, бросился в ответную «атаку». Они оба, позабыв обо всем на свете, катались по постели в шуточной борьбе. Она взвизгивала и, от души хохоча, змеей извивалась в его руках, а он не отступал, вынуждая ее просить пощады. Их невинное сражение перенесло Даниэля в далекий мир детства. Он живо вообразил себя мальчишкой, играющим со старшей сестрой, ведь Эклу трудно было воспринимать иначе. Подвижность и эмоциональный подъем, озорство и ребячество, которые сопутствовали госпоже Суаль, стирали ее истинный возраст. Она была неукротимым сгустком энергии.

Но сочетание несочетаемого: облик привлекательной женщины и задорного подростка — волновали как ничто другое... Когда Даниэль видел в ней ребенка, с которым можно предаваться шалостям, ему было легко, однако стоило ей приоткрыть другую, более потаенную сторону своей природы, как откуда ни возьмись являлась робость. Даниэль вспомнил это, когда, устав, Экла расслабленно откинулась на подушки, а он на какие-то доли секунд навис над ней в роли победителя. Он ощущал под собой трепет разгоряченного тела, частое дыхание обжигало ему лицо. В пылу борьбы бретель ее сорочки соскользнула с плеча, обнажив изгиб загорелой плоти... Даниэль вздрогнул. Неужели она всегда была такой? Неужели он мог этого не видеть?.. Оглушительно застучало в висках, в горле пересохло. Он созерцал ее с упоением первооткрывателя. Его смутно тянуло к ней, ему хотелось протянуть руку и осторожно провести по нежной поверхности шеи и щек, ведь она

была так близко!..

Экла тоже почувствовала новую волну, которая таинственно овладела ими на исходе «битвы». Выскользнув из оцепенелых объятий, она накинула пеньюар и, с улыбкой оглянувшись, бесшумно скрылась за дверь.

Даниэль не смел дышать. Лежа на спине, он смотрел в потолок, но комната кружилась у него перед глазами. Мысли путались, отказываясь складываться в нечто определенное. Однако постепенно огненные буквы проступали в затуманенном мозгу: «Она нужна мне! Нужна!» Рано или поздно им придется расстаться, ведь он ей никто, он лишь один из тысячи! Он жалкий неудачник. Он не в праве называться мужчиной. Когда госпоже Суаль наскучит эта игра, она придумает себе другую; не вписавшись в новые декорации, Даниэль отойдет на второй план... Будет ли она вспоминать о нем? Вряд ли.

Послышался легкий скрип со стороны окна, и, даже не успев очнуться после пережитого, Даниэль имел «удовольствие» лицезреть перед собой Эйприл, хозяйскую дочь. В пестром платье с материнского плеча, перехваченном на талии бечевкой, девочка с хитрым прищуром смотрела на единственного постороннего мужчину, которого ей доводилось видеть за последние месяцы. Дикарка влезла в окно, игнорируя дверь. Словно верткая обезьянка, она вскарабкалась по столбам веранды, забралась на крышу, откуда до окон второго этажа было рукой подать. Чумазая и нечесаная, с грязными ногами и враждебно поблескивающим из-под спутанных кудрей взглядом, она явилась к гостям, чтобы еще раз выразить им свое презрение. Эйприл люто ненавидела всё, чего тайно желала, но не имела возможности получить. Взросление приходило к ней с первыми мечтами о мужском внимании. Где-то в потаенных уголках своей души она хотела быть элегантной и привлекательной, носить красивые платья и пользоваться духами, однако по жизни ее уделом оставалась затерянная в полях ферма, где дни сменяли друг друга чередой монотонного труда. Не зная, что делать со всем этим, панически боясь перемен, Эйприл инстинктивно тянулась к запретному плоду — комнате, в которой поселились гости.

Даниэль не сомневался: грубиянка подглядывала за ними, — и начинал всерьез опасаться, что она могла что-нибудь слышать.

Ничуть не стесняясь своего вторжения, девочка прошлась к шкафу, чтобы с тупым ожесточением пересмотреть и перещупать платья Эклы.

— Что ты делаешь? Это не твое, ты не должна трогать чужие вещи, — сказал Даниэль, но его слова действия не возымели. В последнюю очередь Эйприл задумывалась о собственной репутации, ибо вовсе не знала, что это такое.

— Гадкие, вонючие тряпки! — проворчала она в заключение о гардеробе госпожи Суаль и угрюмо отбрела от шкафа, после чего остановилась, как если бы вдруг забыла, зачем сюда пришла.

Даниэль старался вести себя с максимальной осторожностью, подобно тому, как обращаются с агрессивными зверьками.

— Чем ты увлекаешься? — мягко спросил он. — У вас в деревне, должно быть, есть школа...

— Я была там один раз, — пренебрежительно хмыкнула она. — Мне не понравилось. Ее речь была отрывистой и хлесткой. Ей словно не хватало воздуха, чтобы закончить начатую фразу, и она обрывала ее на полуслове.

— Почему я должна рассказывать? Вы же не хотите говорить, что у вас с ногами! И вы предпочитаете старух.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Даниэль, привстав с порядком измятой постели.

— Она, — девочка кивнула на шкаф, — она же старуха! А когда улыбается, то похожа на лошадь.

Сперва он даже не понял, о ком идет речь. То, что Эклу называют старухой, было немислимо.

— Это неправда! — вскричал он, но девочка уже пятилась к окну. Секунда, и пестрые юбки исчезли.

— Старуха! Старуха! Старуха! Старуха с большими деньгами, за которые она покупает таких, как ты! — донеслось с крыши веранды.

— Бедное дитя, — почти в тот же миг услышал он сзади. Экла стояла рядом. Она всё слышала, теперь-то она знала, как о ней отзываются в доме ее родственников!

— Спасибо, что вступился за меня, — поблагодарила госпожа Суаль, с чувством сжав его руку. — На девочку не стоит обижаться.

— В любом случае нам надо быть осторожней, — заметил Даниэль. — Не исключено, что она и дальше будет шпионить за нами.

Мать и дочь с любопытством поглядывали на беззаботно насвистывающего себе под нос отца семейства. Грузно ступая, Роберт пересек двор и уселся на ступенях крыльца. Вид фермера излучал беспричинную радость. Накануне он взялся показать гостям участок, которым мечтал завладеть вот уже много лет, чтобы стать свободным и извлекать стопроцентную прибыль. С прогулки Роберт вернулся один, и домашние ждали объяснений.

Глава семьи окинул взглядом стирающую под навесом жену и дочь, которая бездельничала, сплевывая шелуху от семечек.

— Пускай милуются! — кивнул он в сторону настезь распахнутых ворот. — Я оставил наших голубков наедине, а то, боюсь, мое общество их стесняет. Особенно этого хромоногого мальчишку. При мне он помалкивал, как рыба.

Анна оторвалась от лохани с мыльной водой, чтобы перевести дыхание. Ее широкоскулое влажное лицо лоснилось от пота и выражало безнадежность загнанной лошади. С юности эта кроткая женщина не знала лучшей доли. Побаиваясь крепких кулаков мужа, она привыкла тщательно обдумывать каждое слово, прежде чем решиться что-нибудь произнести вслух.

— Ты верно подметил, Роб: господин Элинт совсем мальчик. Ему на вид лет двадцать, а Экла — моя ровесница, — спокойно заметила Анна.

— Старуха! — зло прошипела Эйприл, топнув ногой.

— На твою долю тоже женихи найдутся, — криво усмехнулся фермер. — И не хромоногие, а получше!

— «Неравный брак» — кажется, так это называют? — вяло продолжала женщина, чтобы отвлечься от повседневной рутины.

Роберт беспокоился о другом. Он сдвинул кепи набекрень и сказал с деланным раздражением:

— Дался вам их возраст! Богатым дозволено всё: они могут и на осле жениться.

— Может быть, — с сомнением повела плечами Анна. — Неравный брак — это брак людей более свободных. Так говорит доктор Сормс, а он самый образованный человек в деревне. Но, живи Экла и господин Элинт в наших краях, их бы подняли на смех.

— Мне всё равно что было бы, если бы они жили в наших краях, — грубо перебил жену фермер. — Я знаю одно: скоро с их помощью мы заживем гораздо лучше!

Встрепенувшись, Анна долго смотрела на Роберта с затаенным страхом.

— Ты что-то задумал, Роб, — прошептала она, вытирая лоб тыльной стороной распухшей ладони. — Уж не собрался ли ты обобрать мою сестру?

— Ты близка к истине. Дамочка богата и глупа. У нее же на лице написано: «Обмани меня и возьми мои денежки!» Жаль только, что я честный человек... И за что только она так богата?! Зачем глупым ослицам такое состояние? Ведь они даже не знают, куда его потратить! Потому и заводят всяких там собак и хромоногих мужей, которые находятся у них на содержании...

Роберт вздохнул, посмотрев вокруг себя уже более осмысленным взором, в котором выражалась работа мысли, а не пустое злопыхание завистника.

— Я пока не знаю, как это сделать, но помочь нам выкупить землю для Эклы — раз плюнуть. Ты бы знала, какой доход она имеет со своих фабрик!

Жена отвечала ему немым укором, а он продолжал одержимо глядеть туда, где двое чистых людей по простоте душевной еще не ведали ни подлости, ни фальши. Держась за руки, они брели по склону холма, откуда открывалась перспектива на обширное пространство равнины. Потоки ветра с приглушенным свистом волнами гнали траву, и она бурлила, словно изумрудное море. По небу плыли грузные серые тучи, в воздухе пахло дождем. Но Даниэль вряд ли что-то замечал перед собой. Он видел только аккуратно вышагивающие женские ножки, мелькающие из-под подола. Он внимал одному присутствию Эклы, он слышал, как ветер пугается в складках ее одежды. Когда рядом была ОНА, он забывал обо всем на свете...

Ее маленькая сухая ладонь крепко и просто сжимала его руку; ее глаза мечтательно обращались вдаль и казались прозрачными, словно тонкое зеленое стекло. Ветер растрепал ей прическу, и Экла распустила волосы по плечам, чтобы они вольно трепетали вокруг головы пышным бледно-золотым ореолом...

Их связывало не только прикосновение рук. Со своей стороны Даниэль отдавал спутнице всю доброту и нежность, на которые был способен. Он наивно благоговел перед ней и целиком покорялся ее воле.

— Ты устал? — с беспокойством осведомилась госпожа Суаль, почувствовав, что юноша стал идти тяжелее.

Он кивнул, и они приняли решение усесться на траву, подставив лица теплым воздушным потокам. Долгое время они просто молчали. Узы дружбы окончательно укрепились в их сердцах, чтобы с успехом отражать давление трудностей, подобно тому как зеркало отражает солнечный свет.

— Земля красива, — задумчиво проговорила Экла, — но с океаном ее не сравнить. Когда видишь водную гладь, кажущуюся беспредельной, сердце в твоей груди бьется в такт ритму прибоя... Вода манит к себе, волнуя и суля несбыточное. Земля спокойна; море — таинственно. Вот сейчас я, кажется, начинаю скучать по нему. Как вспомню, как в детстве отец катал меня на яхте... У нас была огромная яхта... О Даниэль! — Она обернулась к нему с внезапным возбуждением. — Ты когда-нибудь видел море? Ты понимаешь меня?

Он был вынужден признать свою бедность по части путешествий. Всю жизнь Даниэль был привязан к земле не только по причине нехватки денег, но и потому, что просто боялся двинуться в путь. Он слепо держался за место обетованное даже когда вокруг не осталось ничего, способного радовать душу.

Нет, Даниэль никогда не видел моря. Экла посмотрела на друга с искренним сожалением. Она выросла у моря и вся была словно пропитана соленым ветром и крепким, не сходящим с кожи загаром; видеть море было для нее так же привычно, как дышать и ходить по земле, поэтому неискренность Даниэля показалась ей существенным несчастьем. Впервые Элинт уловил в ее голосе жалостливые нотки:

— Ничего, еще увидишь. Ты обязательно побываешь в моем доме. Сначала всё встанет на свои места, ты вернешься к Джоанне. А потом я напишу тебе письмо... Хотя, к чему письмо? Лучше я сразу пришлю за тобой Густава. Замечательно!

Он несмело улыбнулся, а она простодушно склонила голову к нему на плечо.

— О Даниэль! — воскликнула Экла так, как если бы засыпала — настолько расслаблено прозвучал ее голос. — Когда я думаю, как ты страдал, мне становится ужасно горько... Теперь всё изменится. Ты устроишь свою жизнь по собственному желанию, и я помогу тебе в этом. Хочешь, я куплю тебе дом? Хороший дом в живописном месте? Ты сможешь

перевезти туда свою жену, если не захочешь с ней разводиться. Она простит тебя за нашу шалость. Всё можно простить.

— Нет! — вздрогнув от одного упоминания Джоанны, Даниэль отстранился. Экла посмотрела на него с удивлением. — Нет. Если я чего-то добьюсь, то сам. Я не приму такой дорогой подарок... даже от тебя.

— Как знаешь, — озадаченно произнесла она, но потом, вздохнув, прижалась к нему еще крепче. — За это я еще больше уважаю тебя: ты бескорыстен.

* * *

Простота Эклы обезоруживала всех, кто относился к ней с предубеждением. Вечером она вызвалась помогать хозяйке на кухне. Анна сначала отпиралась, а потом согласилась. Образованная богатая женщина, способная интересно говорить и изысканно одеваться, без колебаний нацепила передник, обвязала голову косынкой и принялась хлопотать меж кастрюль, вызывая неподдельное восхищение троюродной сестры. Как видно, Экла была «своим человеком» не только на светских раутах, но и в душевной кухне, а если чего-то не умела, то с легкостью училась на лету.

Накрывая на стол, Экла весело подмигнула Роберту и Даниэлю. Последний с трудом узнал в порозовевшей от печного жара крестьянке черты прежней госпожи Суаль.

— Вам крупно повезло с женой, — сказал Роберт, а его глаза — маленькие и лукавые — с презрением добавили: «Сопливый мальчишка! Дохляк! Размазня! Ты просто дрянная тряпка, надетая на хорошую швабру!» Он думал именно так, и Даниэля покорило от этой фальшивой любезности. Вся семья не внушала молодому человеку доверия. От них — по крайней мере, от дочери и отца — исходила скрытая угроза. Тихая Анна боялась самостоятельно мыслить, ее голос здесь не имел веса. Пэмбертоны завидовали Экле. Когда-то ее отец разбогател, более того — удержал и приумножил богатство, обеспечив дочери блестящую жизнь, чего не могли простить ей ее бедные родственники. Она же в упор не замечала их потаенных упреков.

В кухне было душно, отовсюду валил пар, оседая на бревенчатых стенах. В воздухе пахло пряностями и жареным луком. Женщины умело справлялись с приготовлением пищи, пока мужчины ожидали в зале. После того, как Анна увидела искреннее желание Эклы участвовать в их быте, недавний разговор с мужем начал колоть ее чувством вины. Роберт вынашивает план легкого обогащения... Но что могла поделать Анна? Открыто предупредив сестру, она предаст мужа. Она предаст интересы своей семьи! Поэтому лучше начать разговор издалека.

— Роб мечтает стать хозяином своей земли...

— Его мечты сбудутся! — уверенно воскликнула Экла. — А вот мои... Мои уже сбылись... на мгновенье. Я встретила замечательного человека, но как долго мы будем вместе?

Теперь она впервые позволила себе не кривить душой, дав волю тем мыслям, что досаждали ей всё последнее время.

— Тебя беспокоит молодость Даниэля? Он моложе тебя и может польститься на свою ровесницу? — предположила Анна.

Экла стремительно вскинула на сестру свои большие глаза, в которых отразилось столько невыразимой боли, что та испугалась.

— Ох, дорогая, прости! Я такая неловкая!

— Нет, Анна. К сожалению, ты права. Я боюсь именно этого, — уже с притворным

чувством сожаления ответила Экла.

Больше она не позволяла себе пускаться на откровенность, ведь это могло выдать их с Даниэлем обман.

— Все мужчины непостоянны! — заключила Анна. — Мой муж старше меня — и туда же. Он изменяет мне. Я даже знаю с кем... Но он не уйдет из семьи — зачем ему это? Роберт труслив, когда дело касается будущего. Поэтому я прощаю его.

Прислонившись к стене, Экла с грустью глядела на сестру, но мыслями была далека от ее рассказа, ибо думала о Даниэле и его судьбе.

— Ты очень сильная, раз так спокойно говоришь об измене. Я бы так не смогла. Мое прощение не удержит нас под одной крышей. Я предпочту одиночество.

— Одиночество — хорошо, когда ты уверена в завтрашнем дне, — парировала Анна. — А когда ты бедна и с ребенком на руках, надо держаться вместе.

— О! — только и сумела вымолвить Экла, окончательно расстроившись. Прямой намек на ее благосостояние лишил ее желания продолжать разговор. Снова богатство чинило препятствия на пути простого общения.

С трудом Экла дождалась окончания трапезы. В желании сделать шаг навстречу она перебрала множество вариантов, а когда все, наконец, встали из-за стола, приблизилась к Роберту и с ласковой настойчивостью увлекла за собой в одну из комнат. Решение созрело, и Экла поспешила разделаться с проблемой как можно скорее.

Разговор получился коротким: госпожа Суаль осторожно предложила презентовать сумму, необходимую для выкупа земли, и Пэмбертон подхватил эту идею без зазрения совести. Он даже не потрудился изобразить удивление; он и правда знал, что будет именно так... Несмотря на отталкивающую внешность, великан стал удивительно приятен. Едва Экла извлекла чековую книжку, он с невиданной любезностью усадил ее за стол, снабдив всем необходимым. «Надеюсь, благодаря мне они станут немного счастливее», — думала женщина. Ее волновал не сам факт передачи денег, а осознание участия, выполнение своего долга перед родными. Она жила чувствами, тогда как люди вокруг нее делали своей целью иное...

В комнату влетела Эйприл — рука замерла над подписанием чека.

— Не марайте бумагу, мы всё равно не возьмем от вас ни цента! — истерично выкрикнула девушка.

Роберт метнулся к ней, его глаза налились кровью. Наверное, в эту минуту он был готов задуть дочь, но сохранить деньги.

— Вы не купите нас! Мы не продаемся! — дрожа от ярости, сыпала та. Со спутанными волосами, с глазами, горящими огнем, она стала маленьким бесенком, которого не усмирить.

— У, маленькая дрянь! — прохрипел Роберт, делая устрашающий рывок, но Эйприл выскользнула в дверь прежде, чем отец успел схватить ее за ухо.

— Не слушайте ее, госпожа Суаль! — в смятении пробормотал он, глядя на родственницу со страхом и мольбой.

— Я не слушаю, — машинально повторила она. — Это мое упущение. Я совсем не подумала, что такой подарок унижает ваше достоинство...

— Он не... не... — Роберт застыл посреди комнаты, словно рыбак, у которого сорвалась с крючка крупная добыча.

Экла не шелохнулась. Она прямо сидела за столом, сложив руки на коленях, только по

лицу ее скользнула тень.

— Простите... — пролепетал Роберт.

— Не вините себя, — ласково ответила женщина.

Приблизившись к нему, она приняла его огромное тело в кольцо своих рук, как если бы это был не сильный мужчина, а ребенок.

— Я не обиделась, честно! Я дам вам эти деньги... в долг. Только подумайте: земля уже будет ваша, вернуть же деньги вы сможете по частям, без процентов и когда угодно! Полагаю, такой вариант послужит удачной альтернативой. Итак, что скажете?

Роберт разочарованно всхлипнул, уткнувшись в ее плечо.

— Молчание знак согласия! — заключила Экла. — Завтра же переговорю со своим поверенным. Где здесь есть телефон?

— В забегаловке Джонса, — рассеянно ответил он.

— Вот и отлично. Нам подготовят нужные бумаги. Всё по-честному! Я не буду торопить с возвращением долга. Ступайте и скажите Эйприл о моем решении. — Экла подтолкнула его к двери. — Надеюсь, девочка не слишком сердится на меня...

«Ох уж эти богачи! — мрачно подумал фермер. — У них совсем нет нервов — сплошные манеры», — и он с горечью увидел, как выписанный чек обратился в клочки серой бумаги.

Даниэль разговаривал с Анной, когда увидел мелькнувшую в дверном проеме Эйприл. Повинуясь смутному порыву, он покинул собеседницу и вышел в коридор, опираясь на тросточку. Здесь было темно, лишь из щелей двери, за которой доносился голос Эклы, пробивался свет. Казалось, что он исходит от этой солнечной женщины...

По коридору затопали чьи-то торопливые шаги. Вздвогнув, Даниэль отступил под прикрытие мрака, и почти одновременно с ним поравнялся женский силуэт. Хозяйская дочь быстро шла, держа что-то перед собой в крепко стиснутых пальцах. В секунду, когда полоска света коснулась ее, Даниэль различил блеснувшую сталь.

— Эйприл! — непроизвольно вскрикнул он, а затем выбросил вперед слабеющие ноги, жалея, что не способен двигаться с бесшумностью кошки.

Окрик замедлил шаг — девочка оглянулась. Даниэль настиг ее и обхватил, стиснул в кольце рук, шатаясь, теряя равновесие и едва не падая сам. Она не сопротивлялась. Сведенные судорогой пальцы разжались, и нож ударился об пол. Даниэль не отпускал девчонку до тех пор, пока твердо не убедился, что опасность миновала. Тем временем Экла в сопровождении Роберта вышла из комнаты. Даниэль слышал, как она пожелала хозяевам доброй ночи, а затем спокойно поднялась к себе.

— Что она тебе сделала?! Что?! — вполголоса воскликнул он, как следует встряхнув Эйприл.

Девушка зарыдала. Зависть к счастливо сложившейся женской судьбе рвала ее на части.

— Не говори никому, ладно? Экла хочет купить моих родителей, как покупает всех вокруг! Я не собиралась ее убивать. Я хотела припугнуть, чтобы она поскорее убралась восвояси... Не говори! — снова молила она. — Отец прибудет меня, если узнает...

Даниэль видел перед собой море слез, слышал непрерывное шмыганье носом. Маленькое полудикое существо страдало рядом с ним от собственной злости. «Как, должно быть, она несчастна, — думал он, — несчастна от того, что не в состоянии понять чужой доброты, принять ее. От того, что видит во всем только дурное; от того, что живет по законам стаи...» Его охватила такая тоска и утомление, как будто само пространство вокруг наполнилось отравляющим смрадом. Захотелось вырваться на волю, без сожаления оставить этот дом и этих невежественных людей. Ах, как им обоим было бы тогда хорошо (ему и Экле), хорошо и спокойно. Они бы смеялись, шутили, резвились, бродили по зеленой траве, дышали прибоем... Не всё ли равно? Они были бы вместе навсегда. Но невидимые, неосознанные барьеры не пускали их в вольный мир, начинающийся сразу за порогом...

...— Дэни, что с тобой? Ты выглядишь так, как будто сражался с привидением!

Экла встретила его на лестнице, чтобы помочь преодолеть оставшиеся ступени. Он был взлохмачен и бледен. Горящие глаза искрились в полутьме нервическим блеском. Отказавшись сесть, юноша оперся о спинку кровати.

— Что с тобой? — повторила женщина, но его губы были плотно сжаты. Мысли роились тысячами новых опасений. Невидимое, враждебное плело вокруг нее — доброй и светлой — свои гадкие сети. Белый мотылек у открытого пламени, нежные ноги, ступающие по острию ножа... Быть может, минуту назад он спас ее от смерти — кто знает, как обернулась бы судьба...

Даниэль долго не решался заговорить. Боязнь испугать Эклу, осквернить доносом ее

чистое, храброе сердце боролась в нем со страхом непоправимых последствий. Люди не желали принять эту женщину такой, какая она есть; они загоняли ее в тупик, атаковали предубеждением... Даниэль понимал это как никто другой, ведь он сам прошел дорогой отверженных.

— Нам нужно уехать.

— Что? — Экла приподнялась в постели на локтях и поглядела на него так, как смотрят на шутника после неудачной шутки.

— Уехать, — повторил юноша, не смея дышать.

Непонимание росло, зудом разливаясь по коже. Медленно, но верно она разочаровывалась в нем — он чувствовал это. Если в ресторане, на фоне позолоты и праздной лжи его несчастье приобретало сходство с геройством, то здесь, в свете будней, «герой» утратил романтический лоск. Он оказался заурядным, скучным и тихим.

— Уехать? Зачем? — спросила Экла, зевая. — Прошло только два дня.

— Мы знакомы только три дня! — воскликнул он, теряя терпение.

— Тебе успело надоесть мое общество?.. — В ее спокойном голосе не слышалось обиды. Теперь он звучал с какой-то отчужденной насмешкой. — Даниэль, не пора ли спать? Ты не устал за день?

Экла тщательно взбила подушку и повернулась на другой бок. О, какой же далекой показалась она Даниэлю! Он будто рассматривал ее сквозь стекло, делающее предметы вытянутыми в необозримую бездну.

— Тебе грозит опасность. Прошу тебя, прислушайся к моим словам! Эти люди... они вряд ли относятся к тебе по-настоящему.

Экла поднялась и глянула ему в лицо — прямо, без тени любезности.

— Однако ж ты фантазер, Дэни Элинт!

Куда девалась ее дружественность, ее теплота? Он раздражал ее всё больше, и если вначале она пыталась понять, то сейчас просто отмахивалась от него, как от назойливой мухи.

— Ты соскучился по жене. Я понимаю. Но мне нечего терять! Я не спешу вернуться домой. Нам было хорошо, за что я тебе благодарна. Если ты больше не хочешь играть по моим правилам — уходи. Я не стану удерживать. Больше ты не друг мне. Ты был им.

С этими словами госпожа Суаль отвернулась. Она опечалилась, но Даниэль знал, что это легкая печаль.

Слезы отчаяния текли по его щекам; он не мог поверить, что всё кончилось так быстро. Он хотел сказать, что не намерен возвращаться к Джоанне, что хочет ехать с ней, с Эклой, хоть на край света! И он сказал:

— Ты не будешь одинока — я останусь с тобой. Зачем играть на публику, если игру можно сделать реальностью?..

Он говорил и сам боялся дерзости своих признаний. Его слова нелепо и грубо врезались в тишину, нарушаемую стрекотом сверчков, да мерным дыханием.

— Я уеду завтра, — упавшим голосом промолвил Даниэль. — Завтра.

Это слово звучало для него, как приговор.

Она молчала.

* * *

«Кончено», — подумал Даниэль, когда утром Экла не подала ему руки. Как мог он в ней ошибиться? С самой первой минуты знакомства госпожа Суаль казалась ему воплощением

простоты и понимания. Даниэль думал, что любое его признание найдет в ее душе должный отклик, но никак не ожидал, что ответом всему послужит суровое безмолвие.

Всё шло по-прежнему. Ничего не изменилось. Только его присутствие стало ей в тягость. Даниэль замечал, что при его взгляде на нее Экла отводит глаза, нервно покусывает губы. Подумать только: еще вчера им было легко друг с другом, и вот уже сейчас меж ними возникла непреодолимая стена. Кто был тому виной? Эйприл? Экла? А может, он сам? Может, он неправильно изложил то, что думал и чувствовал?

Меж тем госпожа Суаль нашла в себе силы играть до конца. Даниэль поразился, с каким спокойствием она сообщила Роберту и Анне, что ее «мужу» необходимо отлучиться по делам. Мало того, Экла даже пошутила на тему вечных командировок и чрезмерной занятости лже-супруга (это теперь, когда они расстанутся навеки!). С болью в душе Даниэль убеждался, что в жизни этой женщины он ровным счетом ничего не значит...

Что ж, спектакль окончен. Занавес спешит упасть.

Поезд, на котором Даниэль должен был возвратиться к прежней жизни, прибывал на станцию в полночь. Чтобы ускорить тягостную для обоих минуту прощания, Экла вызвалась ехать с Робертом в деревню, где сегодня проходила ярмарка, что обещала гостю много новых впечатлений. От фермы до поселка было три мили извилистой, мощенной булыжником дороги, поэтому они решили остаться в деревне до утра. Благо, у Роберта там имелось много хороших знакомых.

Словно во сне Даниэль видел Эклу и знал, что видит ее в последний раз. В ярком платье на провинциальный манер, в милой соломенной шляпке, она вприпрыжку сбежала по ступенькам крыльца. Ее движения были легки и непринужденны, от них веяло юностью. Вслед за госпожой спустилась Люси; спаниель принялся в который раз облаивать лошадь. Во дворе стояла повозка, и Роберт, поигрывая хлыстом, ожидал своих спутниц.

Даниэль ждал, что Экла подойдет попрощаться. Он тихо стоял, прислонившись к стене, и весь обращался в смирение. Он ждал ее слов, он ждал ее взгляда. Но она не подошла. Даже чтобы попрощаться. Лишь когда звуки женского смеха, собачьего лая и конского топота затихли вдали, Даниэль очнулся. На дороге клубилось облачко пыли — всё, что осталось в напоминание о первой женщине, которой он подарил свое сердце. Он полюбил ее с первого взгляда, только к нему, говоря в оправдание расхожей фразы, не сразу пришло осознание этой любви.

А Экла... Она наверняка испугалась нового серьезного приключения. Дожив до тридцати двух лет и оставшись в душе ребенком, она боялась что-либо менять. Страдание от одиночества — прикрытие, ширма. Экла привыкла к образу своего бытия, она привыкла быть независимой. Ей нравилось играть, и мысль, что вдруг прежняя жизнь будет сметена чем-то новым — настоящим — породила протест.

Экла боялась настоящего чувства! Только так Даниэль объяснил себе ее молчание и ее внезапную холодность. Их «дружба» протянула три жалких дня...

— Между вами что-то произошло? — участливо спросила Анна. — Ваша жена сама на себя не похожа.

«Жена!» — невесело усмехнулся он и почувствовал предательское желание всё рассказать, чтобы освободиться от груза лжи. Рассказать, чтобы отомстить Экле за ее черствость! Однако месть тут не поможет.

— Лучше следите за дочерью, — только и сказал хозяйке Даниэль.

Он не оставил Экле письма, ибо боялся, что оно будет прочитано посторонними. Элинт

злился на себя и на нее, но больше всего ненавидел тот глупый обман, который был учинен ими ради никому непонятной цели.

Даниэль покидал ферму с тяжелым сердцем, понимая, что остаться нельзя: его искренность внушает страх любительнице иллюзорного мира.

Она увлекла его за собой в головокружительный танец, а он безоглядно ей покорился. Он знал, что идет по тонкому льду — позади него остались смятение и хаос. Но он рискнул, чтобы впоследствии рисковать еще больше.

Женщина, которая еще вчера сулила близкое счастье, сегодня уходила, даже не повернув в его сторону головы. Что ж, с самого начала она не скрывала несерьезности своей затеи!

Без Эклы Даниэль чувствовал себя в доме ее родственников лишним. Анна хлопотала по хозяйству, Эйприл не казалась на глаза. Дождавшись вечера, молодой человек собрался с духом и тихо покинул ферму. Во всем этом нелепом приключении всё же заключалась некая польза, ведь каждый прошедший день прибавлял Даниэлю уверенности. Ежедневные нагрузки укрепили его настолько, что он сумел самостоятельно преодолеть расстояние от фермы до железной дороги, делая незначительные передышки. Раньше подобное казалось ему невозможным. Раньше он мечтал об этом во сне, не имея решимости вырваться из-под гнета опеки. Теперь же по возвращении в город Даниэль мог стать полноценным человеком, способным дать отпор любому притеснению.

В пути Даниэля не оставляли противоречивые мысли, ускользающие и возрождающиеся подобно земляному грунту под подошвами ног. Он представлял себе то, что ждало его впереди: презрение Джоанны, порицание Рэмбла. Простят ли они его гнусную выходку?

И Даниэль с остервенением загнанного зверя шагал вперед, тогда как отчаянный зов сердца неотступно манил его в прошлое.

С запада надвигалась гроза. Небо зловеще потемнело. Молния сверкала в тяжелых низких тучах, ей вторил рокочущий гром. Воздух сделался тяжелым и спертым, наполнившись наэлектризованной влагой. Далекий огонек поезда пронзил зыбкое пространство ночи. Взметнув облако пара, состав остановился у безлюдной платформы, и лишь Даниэль собрался порвать со своим сном, как сон вновь увлек его.

— Элинт!..

Сначала был голос, затем из темноты вынырнула мрачная фигура всадника.

— Хорошо, что вы еще не уехали, — как-то вкрадчиво начал Роберт, а это был он. Его грубое лицо еще хранило следы недавней попойки, но озабоченность и спешка выветрились из фермера хмель. — Случилось несчастье...

— Эйприл? — сказал Даниэль первое, что пришло в голову.

— При чем тут Эйприл?! Ваша жена! Или вы забыли, что женаты?!

Остановка на станции была пятиминутной. Вскоре вагоны пронеслись мимо, мелькнув вереницей озаренных окон. Стало темно. В эти мгновения Даниэль с тоской думал о поезде, должном умчать его прочь. Он плохо понимал, что ему говорит Роберт, почему он, Даниэль, не сел в поезд, а остался стоять на узкой платформе.

— Ваши вещи? — отрывисто спросил фермер после недолгого молчания.

— У меня нет вещей.

— Вот и отлично. Забирайтесь! — Он похлопал по крупу лошади.

Потрясение Даниэля было столь велико, что некоторое время он просто лепетал в ответ что-то бессвязное.

— Ваши дела подождут! Сегодня вы уже никуда не уедете, — на правах сильнейшего перебил Роберт и, без лишних церемоний обхватив молодого человека за талию, перекинул

его через седло.

От скачки вниз головой у Даниэля заложило уши. Перед глазами бешено подпрыгивала узкая полоска дороги, пространство кружилось и плясало, ударяя по спине холодными каплями дождя. Даниэль понимал унижительность своего положения, однако ухитрился выгнуть шею, чтобы потребовать у мучителя объяснений.

— Не время чесать языком! — хмуро откликнулся Роберт. — Ваша женушка наделала шума. Ее дела совсем плохи.

— П-плохи? — переспросил юноша, подпрыгивая на кочках. — Что с-с-случилось?

Больше фермер не сказал ничего. Он выглядел как никогда уставшим, поэтому его былая небрежность превратилась в открытую грубость. Даниэль уже не смел ни на что надеяться. Тяжелое предчувствие впивалось в мысли, отравляя их, словно яд.

Дальше всё было как во сне. Смутно Элинт чувствовал, что его несут, зажав под мышкой, будто тряпичную куклу. Боясь потерять сознание и тем самым еще больше опозориться, молодой человек усиленно таращил глаза, но они медленно заплывали туманом.

Впереди замаячили отворенные двери, из которых струился дымящийся пылью свет. Среди небогатой обстановки комнаты строго выделялся стол, за которым томились ожиданием две женщины. Нет, среди них не оказалось Эклы. Это были мать и дочь.

— Мальчишка совсем дохлый, — откуда-то эхом прозвучал голос Роберта. Казалось, фермер говорит из глубокой ямы. Но нет, он наоборот был сверху — Даниэль различил над собой его глыбообразную фигуру.

— Может, тебе не стоило возвращать его? — Анна опасливо склонилась над гостем, который полулежал в кресле без признаков ясного сознания.

— Да не знаю я! Чем может быть полезен этот слизняк?!

— Нет-нет. Ты правильно не дал ему сесть в поезд. Такое горе! Страшно сказать. Что мы будем со всем этим делать?

Фермер ответил жене потоком грязной брани. Реплики — взволнованные, гневные, преисполненные страха, — уносились под потолок и оседали в мыслях спутанным бредом. Даниэль ощущал это каждой клеточкой своего существа.

— Экла! — позвал он, оглядываясь в надежде найти ее где-то рядом. — Я не должен был оставлять тебя...

— Что теперь! — зло выкрикнул Роберт. — Вы оба словно малые дети! Глупо, глупо, трижды глупо!

И, сплюнув под ноги, он с ожесточением утерся рукавом.

* * *

— Глупо, — повторил Пэмбертон.

Его рассказ был предельно ясен, между тем это не мешало Элинту верить в него с трудом. Случилось несчастье, к которому юноша не имел никакого отношения, успеет он сесть в поезд до того, как был окрикнут Робертом. На этом месте заканчивался «невинный» обман: игра начала диктовать иные условия. Даниэль зажмурился, но сознание не прояснилось. Окружившие его люди были спокойны тем мрачным спокойствием, когда уже ничего нельзя исправить.

— Ярмарка удалась на славу, — иронически начал Роберт. — Вечером по традиции устроили танцы. Ваша жена была нарасхват — каждый в деревне хотел потанцевать с «настоящей леди»! А она никому не отказывала: всем улыбалась, улыбалась... Было весело,

но пошел дождь, и мы поспешили в укрытие. Я отвел Эклу вместе с ее горничной в дом Нирта. У него, понимаете ли, самые подходящие «апартаменты»: дом кирпичный, в два этажа, с террасой; там много пустующих комнат. Нирт порядочный семьянин, лучшего не пожелаешь! Сам я отправился с приятелями в забегаловку Джонса... Деньги быстро истратились, мы скучали за опустевшей бутылкой вина, как вдруг — видим вашу супругу. На ней лица не было. Всё ходила как заколдованная, не замечая ничего перед собой. «Что-то стряслось?» — спросил я. Экла ответила, что от дождя ей немного «взгрустнулось». Сами понимаете, в таких случаях есть проверенное средство... Кто-то из наших предложил леди пропустить стаканчик, но она отказалась, захотела кому-то позвонить, а затем резко отодвинула телефон — видать, передумала. После этого еще немного побродила из угла в угол, оставила нам денег и ушла. «Выпейте за здоровье моего мужа», — сказала на прощанье. Мы исполнили ее пожелание, лично меня не нужно долго упрашивать. Щедрость Эклы разогрела нашу компанию. Мы были порядочно навеселе, когда госпожа Суаль заявила во второй раз. Теперь от ее меланхолии не осталось и следа: голос срывался, глаза горели. Лессо вздумал распускать руки — ваша жена отбрила его так, что полетели пух и перья. Честное слово, раньше она была куда любезней! «Я забыла сказать кое-что Даниэлю (то есть вам), — сообщила она таким решительным тоном, что я вздрогнул. — Это важно. Я должна увидеть его, пока он не уехал. Срочно отвезите меня на ферму, — и крикнула, когда я заартачился: — Срочно!» Если бы вы увидели ее в тот момент, вы бы сами всё поняли. Признаться, я был без ног — я был пьян. Единственное усилие, которому еще не противилось мое тело — протянуть руку за наполненным стаканом или почесать затылок.

Тем временем на улице стемнело, ненастье разогнало людей по домам. «К полуночи не поспеете, если отправитесь на колымаге Роберта», — сказал Шерли, один из моих приятелей. Экла начала слезно умолять ей помочь. Простите мне, Элинт, мою прямоту, но я вам скажу: эти богачки... Каждый их каприз — закон. Они не останутся, если что-то на беду взбредёт им в башку! Экла обещала заплатить невероятную сумму за одно только исполнение ее бредовой просьбы. Она выгребла из сумочки смятые купюры, их было так много, что они падали на пол — ей-богу, с папиросной бумагой и то обращаются бережливей. Мы все ошалели. Зрелище такого отношения к деньгам отняло у нас охоту артачиться. Женщина была как в горячке: ее трясло, она чертовски переживала! Я, насколько это было в моих силах, пытался ее отговорить, но Экла заладила: «Он уедет. Я должна сказать...» Признаться, мне до сих пор любопытно, что это было за сообщение.

«Как хотите», — ответил я; мне надоела истерика. Шерли предложил даме свою лошадь, заверив, что это спокойное и послушное животное. У нас не было причин удерживать Эклу, ведь накануне она сама рассказывала, что с детства сидит в седле как влитая. Она в красках поведывала о своем таланте превосходной наездницы. Может, она врала?.. Ведь лошадь действительно была надежная — хозяин доверял ей, как самому себе.

«Дорогу запомнили?» — спросил я у Эклы, когда она уже была готова ускакать. «Не волнуйтесь за меня — сердце укажет мне путь!» Да-да! Так и заявила. Экое легкомыслие! Сейчас я понимаю: она была просто не в себе, а мы во хмелю умудрились принять ее блеф за чистую монету. Как бы то ни было, я прошу вас снять с меня ответственность за произошедшее. Виноваты обстоятельства, виновата ваша жена, виновато животное, которое следовало бы пристрелить... — Роберт уныло посмотрел на Даниэля, как бы желая, чтобы тот подтвердил правильность его суждений, но молодой человек молчал. Он с содроганием ждал окончания рассказа.

— Не тяни, — подсказала мужу Анна, когда юноша сделался непозволительно бледен.

Роберт остервенело стиснул край скатерти в своей огромной руке. На его крепких скулах буграми заходили желваки.

— Разве вы еще не догадались? Я повторяю: тут нет моей вины. Я просто исполнил прихоть дамы.

— Ты просто позарился на деньги! — с неприсущей ей доселе смелостью выпалила Анна. — Бестолочь! Как ты мог позволить женщине с ее поведением, с ее манерами отправиться одной в непогоду, на ночь глядя, верхом по незнакомой дороге?! Каким местом ты думал?! Пьяница!

Роберт вскочил, пунцовый от гнева и подспудно снедающей его вины.

— Молчи! Я же сказал, что не виноват! Она сама хотела; от деревни до фермы рукой подать!

— Ты не понимаешь, что теперь нас всех ждет! — и жена, яростно притянув мужа за ворот куртки, принялась что-то горячо шептать ему в самое ухо. Неизвестно, сколько бы еще выясняли отношения между собой эти двое, если бы не прозвучал дрожащий, озябший под напором страха голос:

— Она жива?..

Даниэль, не видя перед собой ничего, кроме образа почти любимой, почти родной женщины, с трудом сдерживал себя. Его смятенная душа трепетала, зубы выстукивали дробь. Сникнув, он вновь переживал воображением свои самые мучительные минуты и явственно чувствовал боль, которую сейчас, должно быть, испытывала Экла.

Анна и Роберт мрачно смотрели на юношу, который ждал их слов, как подсудимый — приговора.

— Жива, — произнес наконец фермер. — Она в доме доктора Сормса. Всё случилось прямо на глазах. Не успели мы войти под навес забегаловки, как услышали крик. Экла достигла конца улицы, когда грянул гром. Молния ударила в дерево, и это испугало лошадь. Животное вскинулось на дыбы, а всадница попросту не удержалась. Она рухнула наземь в тот же миг... Тогда у меня, кажется, перестало биться сердце. Мгновенно протрезвев, я бросился к ней, и пока остальные ловили лошадь, я попытался привести Эклу в чувства. Мои усилия пропали даром: она была без сознания. Послали за доктором. Дальнейшее происходило без меня — я бросился за вами вдогонку. Вы муж Эклы — вам расхлебывать эту кашу. Лично я умываю руки.

— Вы нужны ей... — Виноватой ужимкой Анна смягчила грубость Роба.

Даниэль поднялся и, прихрамывая, подошел к двери. Его лицо приобрело странный оттенок, как если бы вдруг утратило всякий живительный огонь, лишь воспаленные глаза засверкали нервическим блеском. Он шатался подобно тонкому хилому деревцу и, достигнув дверного проема, ухватился за косяк.

— На рассвете вы сможете навестить ее, — добавил Роберт.

Повисло молчание. Люди выжидающе смотрели друг на друга. Кто-то думал о грядущих последствиях для самого себя, кто-то — о зависти и мести, а кто-то — об упущенном и недоговоренном. Даниэль, вдруг распрямив согбенные плечи, с внезапным ожесточением посмотрел на Эйприл.

— Ты довольна?! — глухо воскликнул он.

В глазах девушки, казалось, промелькнула тень минувших событий, а в ушах вновь прозвучал стук упавшего ножа.

— Мне жаль, — прошептала раскаявшаяся дикарка.

Даниэль прикрыл рот дрожащей рукой, чтобы сдержать неосторожное слово.

Анна и Роберт переглянулись. Быть может, в их очерствелых сердцах всколыхнулись отголоски возвышенного: близкая любовь, близкое горе, острота чувств — освежили в памяти ушедшие дни юности... Супруги потупились, стараясь ненадолго побороть в себе рой низменных страстей.

Даниэль беззвучно плакал.

После известия о несчастье, так внезапно и нелепо постигшем Эклу, Даниэль по справедливости должен был лишиться сна, однако несмотря на всякую там справедливость уснул сразу, как достиг постели. Его сморила усталость.

С наступлением утра молодой человек еще несколько секунд заставлял себя поверить в случившееся. Он пробудился, ощутив болезненное томление сердца; на душе его сделалось горько и тяжело. С Эклой случилась беда. «С Эклой?» — в недоумении переспросил бы Элинт, скажи ему это кто-нибудь неделю назад. Но теперь из его памяти никто не изъял бы этого имени. Еще вчера она была рядом; ее вещи, ее платья, ее чарующий запах — по-прежнему обитали в спальне, только вместо нее самой здесь поселилась неотступная тревога. Как могло получиться, что жалкий юнец, прирученный щедрой дамой, одновременно стал причиной и следствием свершившегося? Почему он, совсем ей посторонний, имеет больше причин находиться с ней, чем ее родные? За что, за какие такие заслуги он ближе Экле, чем они? Он, который, говоря прямо, ничего для нее не значит?..

Он значит для нее не больше, чем все остальные — те, кто окружают ее вихрем мимолетных встреч. Он тот, кого можно обласкать, а после оттолкнуть, захлопнув перед носом дверь.

Между тем на дворе вступил в свои права ясный солнечный день, облагривший вспаханные поля нежным золотом рассвета. В оцепенении Даниэль глядел в окно, через омытые ливнем стекла. Ничто уже, кроме глубоких луж да грязи в канавах, в которых теперь копошились утки, не напоминало о минувшей грозе. На старый лад текла спокойная сельская жизнь: хозяйка гремела кастрюлями, в сарае сипло голосили петухи.

Почти в ту же минуту в спальню постучали со всей сдержанностью, на которую способен грубый по натуре человек, наделенный исключительным запасом силы.

— Вы готовы? — осведомился Роберт через дверь.

Даниэлю хотелось оказаться за много миль отсюда, чтобы навсегда распрощаться с неприятным ему человеком. Своей язвительной прямоотой он утомлял и вгонял в оцепенение. Всякий раз при встрече Роберт делал всё, чтобы выставить Элинта в дураках, а юноша еще не изобрел защиты от этих нападений.

— Если хотите видеть свою жену, советую поторопиться. У меня много дел, я не намерен уговаривать, — сухо предупредил хозяин.

Наскоро одевшись, Даниэль показался на пороге; Роберт подчеркнуто вульгарным жестом пропустил его вперед себя, чтобы иметь возможность вволю позлорадствовать.

Когда они вышли во двор, там их ожидала Анна.

— Бедняжка Экла! Я до сих пор не верю!.. — запричитала она.

— Здесь нет нашей вины, — пресек Роберт возможное развитие мысли. — За Эклой, как и за любой не вполне понимающей женщиной, нужен глаз да глаз. Ей необходим контроль сильного человека...

«А не заморыша», — молча добавил фермер, взглянув на Даниэля с тенью неприязни.

— Что поделать, она совсем еще дитя... — Даниэль почувствовал, как жилистая рука Анны, чуть дрожа, пожала его руку. — Крепитесь. Будем надеяться, что всё обойдется... Теперь вы должны быть рядом с ней.

«Должен», — при произнесении этого слова в нем что-то содрогнулось. Само звучание

даровало уму, живущему — как и мышление всякого мечтателя, — пищей безотчетных образов, осознание тупика, из которого хотелось освободиться. В конце концов, Даниэль был человеком, его не обходило стороной ничто людское. И в тот миг, когда он оказался втянут в коловорот, увлекающий прочь от правды, его жаждущей откровения душой завладел страх — страх осквернения глупой выдумкой. Даниэль хотел всё рассказать, объяснить, освободиться — пусть даже потом ему придется пройти через усмешки, обиду... Но рядом была Анна — единственное существо, относящееся к нему с теплом, и он, испытывая потребность что-то говорить, адресовал ей поток своих хаотичных мыслей:

— Захочет ли она меня видеть? И что так сильно хотела мне сказать?

Даниэль доверился ей так, как доверяются матери, лишь иногда вспоминая о том, что Анна — ровесница Эклы. Но Экла была совсем другой. Она не имела возраста, будучи отмечена улыбкой вечной юности.

— Вы поссорились, но теперь пора забыть о ссоре, — мягко сказала Анна. Они стояли на крыльце, пока Роберт возился во дворе, впрягая лошадь в повозку. Иногда он проходил мимо, бросал косые взгляды и красноречиво сопел.

— Я уверена, — продолжала Анна, — Экла спешила сказать вам, что простила, что более не сердится на вас. И потом... разве может женщина долго обижаться на горячо любимого мужа? Вы просто молоды, в вас еще живут подозрения, которые на деле совсем не нужны.

Он рассеяно внимал ее словам, но они не приносили ему успокоения. Разве можно было назвать сцену, произошедшую между ними накануне, семейной ссорой? Действительно ли было в ней место обиде, грубому слову, оскорблению, за которые после можно было прощать?

Нет. Они разочаровались друг в друге — и только. Они оба смутно ожидали от будущего чего-то иного, понятного каждому из них в отдельности, чего не получили. Они просто утратили друг для друга сказочно-волнующий ореол; слова и доводы были излишни.

Даниэль вздохнул, собираясь с духом.

— А что, если я ей не...

Он подавлено умолк, увидя в глазах собеседницы живейшее внимание, вызванное заботой и сопереживанием.

— Что «не»? — спросила Анна.

— Не... — Он пожал плечами; кровь прилила к его щекам; глаза нервно заблестели. — Не... нравлюсь?

— Не нравитесь? — Анна часто заморгала, после чего принялась горячо убеждать в обратном. Но теперь-то Даниэль точно не слушал ее. Он понял, что должен как можно скорее освободиться от лжи.

Доктор Сормс констатировал сотрясение мозга. Больную тошнило, полночи она тщетно боролась с беспамятством. Под утро ей немного полегчало, боль утихла, позволив несчастной отдохнуть. Ненадолго придя в сознание, она снова погрузилась в сон, который на сей раз был тих и покоен.

Хоть доктор Сормс и отличался завидным присутствием духа, вид Эклы заставил его содрогнуться от жалости. Еще несколько часов назад он самолично кружил ее в танце под хлопки и гиканье односельчан на ярко озаренной площадке, и вот уже сейчас эта самая женщина едва могла говорить. Упав с лошади, она сильно расшиблась о камни, которыми была вымощена дорога; ее голова была разбита в кровь. Опытный глаз специалиста отметил на редкость крепкое здоровье пациентки: там, где другая изнеженная дама испустила бы дух, эта отчаянно боролась за свое спасение. Жажда жизни прочно укоренилась в ее существе, и Экла, без сомненья, должна была скоро поправиться, однако, говоря откровенно, от нежелательных последствий ее уберегла лишь воля случая.

Пострадавшую никак нельзя было тревожить. Она нуждалась в покое, поэтому Сормс решил оставить ее в своем доме, так как жил один, имея множество пустующих комнат, в которых размещали пациентов, если больница оказывалась переполнена. Старый холостяк, доктор Сормс пользовался в деревне большим авторитетом. Живущий степенно и чинно, по мере сил просвещающий местное население, умеющий внушительно рассуждать с лицом философа, он виделся людям загадочным и благородным. Дожив до преклонных лет, этот человек сохранил подвижность; его открытый характер и чуткая душа притягивали тех, кто нуждались в поддержке. Люди шли к Сормсу за помощью или советом, и должный отклик не заставлял себя долго ждать. Высокий, с проступающей сединой в густых волосах, Сормс обладал правильными чертами лица — в них было что-то от аристократа, а именно строгость, за коей скрывалось доброе сердце.

Несмотря на внешне кроткий нрав, доктор имел над людьми бессознательную власть: перед ним благоговели, его высказывания передавали из уст в уста, а самый горячий спор в забегаловке Джонса утихал сам собой, стоило на пороге появиться Сормсу. В силу напутствий своей профессии доктор не злоупотреблял спиртным; самое большее — он иной раз позволял себе пару глотков сухого вина, и то не без повода. Ко всем без исключения он относился с равной терпимостью, выраженной в усталых морщинах щек и лба, что избородили лицо крупной сеткой.

Однако терпение Сормса исчерпало себя, когда Даниэль, подхлестываемый паникой, ринулся к дверям, за которыми находилась больная.

— Пустите! Я должен поговорить с ней! — вскричал молодой человек, сурово остановленный доктором.

— Вы не поняли, — почтительно кашлянув, приблизился к ним Роберт. — Он ее муж, ему можно.

— В таком состоянии вам к ней нельзя, — ровным голосом возразил Сормс, смотря широко раскрытые глаза Даниэля. — Успокойтесь. Жизни вашей супруги ничего не угрожает, однако своей паникой вы можете напугать ее.

Даниэль уронил голову на грудь...

Со двора вхолл чистого докторского дома стали входить незнакомые люди. Кашляя,

неловко расшаркиваясь, они снимали шляпы, после чего останавливались и принимались в упор глазеть на присутствующих в жадном ожидании драмы. Даниэль знал, что его теперь осматривают с самым что ни на есть пристрастием, и у каждого в уме уже сложилось свое мнение: «за» или «против».

— Это он?.. Ну что? Есть какие-то результаты? Она выживет? — со всех сторон слышался шепот. Среди волнующихся за здоровье госпожи Суаль были и те, кто накануне содействовал осуществлению ее сумасбродной затеи, а потому справедливо ожидали упреков со стороны мужа пострадавшей.

Но «муж» молчал. Он выглядел потерянным ребенком, который, дрожа, ищет в толпе знакомое лицо, ибо ничто не было способно так удручать Элинта, как ложь, какой бы безобидной она ни была.

В миг, когда он ощущал себя стоящим на острие иглы, кто-то мягко тронул его за плечо. — Идемте. Так и быть, вы сможете ее увидеть, — смягчившись, сказал Сормс. — Но не вздумайте говорить ничего такого, что способно взволновать: она сильно потрясена.

...Даниэль переступил порог на ватных ногах; то, что предстояло ему увидеть, было поистине ужасно. Перемена, разразившаяся подобно урагану, поражала, доказывая в лишней раз, насколько ничтожную роль играет внешность и сколь огромно влияние качеств, наполняющих ее, словно пустой сосуд — живой водою.

Без прежних своих привычек, без расточительной улыбки, без задиристого огонька в глазах лицо Эклы потускнело, точно скрылось солнце и наступили безвременные сумерки. Госпожа Суаль была из числа тех, кто, кажется, просто не умеет болеть, а если и вынужден, то не способен при этом оставаться самим собой. Вместе с живостью она потеряла саму себя; даже черты ее стали иными. Даниэль едва ее узнал — пусть теперь голова Эклы обхвачена широкой полосой бинтов, а на припухшем лице «красуются» отметины зеленки, всё равно это она: другая, но неизменно любимая...

Даниэль приблизился к постели больной и взял ее слабую, горячую сухим жаром руку. Слова не шли на ум — его в упор рассматривали огромные зеленые глаза. Напрасно ли он ждал от Эклы разрешения головоломки? В ее взгляде угадывались неловкость и томление... Она была так слаба, что ее усилий хватало только на бесполезные попытки оторвать голову от подушки. Экла закрывала глаза, после чего вновь открывала их с затравленным выражением муки. Ее губы затрепетали — Даниэль наклонился ближе, но ничего не расслышал.

Сормс подал знак, время свидания истекло. Увы! Даниэлю ничего не оставалось сказать ей. Она была беспомощна — еще беспомощнее казался он самому себе. Что могут передать пустые фразы, когда невозможно выразить мелодию души?!

— Здесь есть и ваша вина, — произнес Сормс, всматриваясь в неподдельно расстроенного Даниэля. — Напрасно вы оставили ее одну.

Тот силился обернуться: ему чудилось, что Экла по-прежнему глядит на него и жаждет что-то сказать. Но нет. Ее глаза уже были закрыты.

Они вышли в коридор, и доктор затворил за Даниэлем дверь.

— Она поправится быстрее, чем вы думаете. Вам следует отложить все дела до выздоровления вашей супруги. Поверьте, в вас она нуждается больше, чем в пилюлях.

— Во мне? — машинально переспросил он, но Сормс улыбнулся — нелепо прозвучал этот вопрос из уст законного мужа.

— Я предупреждал: нужно было уехать, — несколько раз повторил Элинт, пока Сормс,

окончательно проникнувшись симпатией к диковатому парню, не потрепал его по плечу.

— Вы устали. Ступайте в соседнюю комнату. После я зайду к вам.

— Что она сказала? Она потеряла рассудок? — бесцеремонно влез с расспросами Роберт, но его любопытство осталось без удовлетворения.

Даниэль был рад уединиться, однако увидел горничную Эклы, Люси — единственного человека, посвященного в тайну лже-брака. Девушка сновала из одного конца коридора в другой, нося ванночки с водой и бинты для примочек. При встрече с ней Даниэль смутился; ему казалось, что его вот-вот начнут сечь упреками, но Люси даже не подняла головы.

— Не думаешь, что пора открыть правду? — шепнул он, когда они на секунду поравнялись друг с другом.

От неожиданности Люси подскочила и едва не выронила свою ношу из рук. Если бы привидение задало ей тот же вопрос, она и то удивилась бы меньше. Уже один тот факт, что служанку спросили о чем-то, не имеющем отношения к ее работе, выходил за рамки ее понимания. За свое жалование Люси усердно гнула спину; решение глубокомысленных проблем не входило в оплату ее труда.

— Игра зашла в тупик. Глупо продолжать, — добавил Даниэль.

— Вы хотите знать мое мнение? — спросила служанка, а затем выразительно пожала плечами. — Это не моего ума дело. Решайте сами. Что у вас с госпожой, почему она вчера так заволновалась — мне знать не дано. О ней самой я знаю не больше вашего, ведь госпожа Суаль наняла меня в гостинице в день вашего знакомства. Да и шофера, кажется, тоже... Расспрашивать мы не смели, поняли лишь, что она женщина порядочная и нашего брата не обидит. Судите сами: как можно что-то советовать незнакомцу? Я делаю свою работу. Остальное — увольте.

— Постой, постой! — взволнованно воскликнул Даниэль. — Но мне показалось, что вы служите у Эклы много лет!

— С ней легко поладить, это немудрено.

— Не может быть! — Молодой человек в отчаянии всплеснул руками. — Так значит, ты ничего не знаешь о ее жизни? Ты никогда не была в ее доме?

Он удивился, почему сразу не предвидел такого расклада: на прежнее существование Эклы падала завеса тайны. Вокруг нее теперь чужие люди и во главе них — он сам. Кем в действительности является она, какие тревоги бередят ее душу? На эти вопросы могла ответить одна Экла. Именно ей Даниэль был обязан новой ролью, когда из вечного приспособленца, из робкого молчуна его возвели в ранг незаменимых. Оказывается, и в нем могут нуждаться. Оказывается, и он может стать объектом любви...

Полно! Так ли это? Во всяком случае, все вокруг словно сговорились, единодушно утверждая, что Экла нуждается в нем, что он должен быть рядом с ней...

Даниэль не осознавал, сколько времени он провел в большой, дышащей стерильной чистотой комнате. Что говорить? Что делать дальше? Чего желать? Пытаясь разложить по полочкам «за» и «против», Элинт впал в еще большую растерянность. Во-первых, на нем лежит ответственность за женщину, о которой он, в сущности, ничего толком не знает. Во-вторых, в глазах окружающих он является ее мужем и, следовательно, должен остаться. И Даниэль бы остался... Но хочет ли этого сама Экла?

Доктор Сормс действительно вскоре заглянул в комнату, как и обещал, но лицо его странно изменилось. На нем отобразилось подобие смятения, вызванного чувством вины.

— Видите ли, я поторопился с выводами, — начал он, то не мигая глядя на собеседника, то опуская глаза в пол. — Положение вашей жены несколько серьезнее, чем я предполагал. Быть может, ее состояние вызвано шоком. Случается так, что люди забывают только то, чего не желают помнить... Дело в том, что Экла частично или полностью потеряла память. Вскоре после того, как вы ушли, она спросила меня, кто вы. К сожалению, она не узнает ни себя, ни вас... О, не впадайте в отчаяние! — вскричал он, когда в ответ на его слова из глаз Даниэля покатались слезы немого ужаса. — Моя практика знает похожие случаи. Память можно и нужно вернуть! Постепенно вы восстановите утраченные фрагменты, Экла всё вспомнит и полюбит вас еще больше за ваше терпение и доброту... Сейчас она в первую очередь сильно напугана. В разговоре с ней нужно показать, что ничего страшного не случилось. Говорить следует спокойно и предельно ясно — она не должна запутаться или насторожиться. Лишь при условии, что вы окружите Эклу любовью и заботой, можно гарантировать положительный результат. Путем сотрудничества мы с вами возвратим ее к нормальной жизни.

Доктор в недоумении замолчал, видя, что его тирада вызывает неадекватную реакцию: схватившись за волосы, Даниэль издал возглас, свидетельствующий о потере всякой надежды.

— Что? Что вы сказали ей обо мне? — проговорил он наконец так тихо, что Сормсу пришлось переспросить.

— Как «что»? Что еще я должен был сказать?! Я сказал ей правду.

— «Правду»! — с горькой насмешкой передразнил Даниэль.

Сормс исполнился сомнений; он знал, что горе способно свести с ума, но даже не предполагал, какой была истина. Заезжая парочка... Что же еще? Да, жена явно старше своего мужа, но и такое бывает, особенно если дама располагает деньгами, которые привлекают падких на богатство юнцов.

Доктор вспомнил свой единственный разговор с Эклой накануне несчастья. Он, обычно не посещавший увеселительных сборищ, на сей раз заглянул на площадку для танцев и даже составил пару очаровательной даме. На это его толкнуло любопытство, ведь об Экле Суаль говорила вся деревня. Женщина и в правду оказалась приятной. Истая оптимистка: яркая, подвижная, веселая... А как блестели ее глаза, когда она говорила о «своем Даниэле»! Весь вечер она вела разговор лишь о нем и делала это с таким упоением, что в сердцах слушавших ее деревенских женщин рождалась невольная зависть.

...— Я сказал то, что накануне узнал с ее же слов, — пояснил Сормс. — Экла говорила, что ей посчастливилось выйти замуж за необыкновенно одаренного человека. Она поведала

мне, что вы — подающий надежды писатель. Давеча вам пришлось покинуть ее из-за назначенной встречи с издателем, от исхода которой зависит ваша будущность. Экла, конечно, высказывала свое сожаление по поводу вашего отсутствия на празднике, но никому бы и в голову не пришло, что она захочет воротить вас.

Даниэль не мог дальше молчать. Чутье подсказывало ему, что этому человеку можно открыться.

— Вы не знали, что верить словам этой женщины нельзя. Она придумывала на каждом шагу, со скуки разнообразя свою жизнь тем, что аферисты используют ради корысти. Но Экла действовала не ради корысти! Она простодушна и чиста. Фантазии — образ ее жизни...

Затем он рассказал всё и удивился, как легко ему это далось. Сормс не перебивал. Он молча слушал так, будто ему рассказывали о долгой, мучительной болезни. Богатый опыт и умение разбираться в психологии подготовили его к неожиданности. Когда юноша умолк, доктор спокойно посмотрел в его пылающее стыдом лицо.

— Да, ваша история весьма противоречива, — подытожил он. — Вы бежали от жениной опеки, чтобы стать самостоятельным, а теперь не способны помочь самому себе. Вы бессильны перед будущим, вы не знаете, что делать дальше. И женщина, которую вы полюбили, кажется вам опасной обузой.

— Я трус?! — воскликнул Даниэль. Справедливые слова Сормса больно его кольнули.

— Нет. Вы — ребенок. Вы еще не повзрослели для самостоятельной жизни и ждете, пока кто-то возьмет ваши проблемы на себя. Вы еще нуждаетесь в советах... Без поддержки друзей вы, чего доброго, захлебнетесь в бурном водовороте жизни, который утянет вас на дно. К счастью, я понимаю это. Мне ясно ваше положение, оно как нельзя лучше подходит для того, чтобы вам реализовать свою любовь к госпоже Суаль, заслужив ее расположение. Ваша мечта вполне реальна: всё «сыгранное» вами двоими может стать правдой, ведь сейчас сознание Эклы — чистый лист, куда вы можете вписать всё, что вам угодно.

— Но Экла прогнала меня! Мы расстались, даже не попрощавшись! — горячо возразил Даниэль, который, однако, воспрянул духом.

— Вы правы. Почему-то она не хотела на самом деле дать вам шанс, — начал рассуждение Сормс. — Здесь кроется несколько причин: во-первых, она могла по привычке опасаться, что вы охотитесь за ее состоянием; во-вторых, она воспринимала вас как друга; в-третьих, ей виделась препятствием ваша молодость, Экла не хотела нести ответственность за резкий поворот в вашей судьбе. В-четвертых, она боялась реальности. У каждого человека когда-нибудь была заветная мечта. Если одни капитулировали перед действительностью, то другие, напротив, — бросили ей вызов. Предположим, Экле страстно захотелось сыграть придуманную когда-то, еще в детстве, роль, и она, отбросив предрассудки, принялась подбирать нужного «актера», чтобы примерить, но не вжиться в вымышленный образ... Таким актером явились вы. Будем надеяться, что она вспомнит всё сама, но вы для себя решите: готовы ли бороться за ее любовь? Нужна ли вам взрослая, зрелая женщина? Может случиться и так, что впоследствии вы захотите заменить ее кем-то посвежее...

Сгорая нетерпением, Даниэль решительно кивнул:

— Да! Я готов. Мне нужна только она.

Сормсу не оставалось ничего иного, кроме как пожелать влюбленному удачи. Тогда, когда доктор уже собрался уходить, перед этим распорядившись о комнате для гостя, он вдруг вернулся; что-то смутно тревожило его.

— Даниэль (позвольте мне называть вас так), не думали ли вы, что Экла, имея

склонность к сочинительству — не хотелось бы говорить «к вранью», — и вам сказала неправду касательно своего прошлого? Вдруг и остальные ее слова — тот же «невинный» вымысел, что и прочие? Что мешало ей лгать и вам, придумывая историю про старую деву, на которую она совсем не похожа?

— Этого не может быть. Она назвала меня своим другом, она не посмела бы лгать!

Для Сормса слова юноши прозвучали не слишком убедительно.

— По-моему, для Эклы все люди были друзьями, равно как ее слова не были ложью. Но это уже ваше дело. Вам решать. В любом случае я сохраню вашу тайну.

Даниэль вздохнул с облегчением. Наконец-то он хозяин своей судьбы! Советы Сормса были сделаны так ненавязчиво и осторожно, что молодому человеку начало казаться, будто он додумался до них сам. Знание добавило ему уверенности в своих силах, ярко осветив путь, который вел к свободе.

* * *

Последующие дни показали, насколько верны суждения Сормса — они укрепили Даниэля в его любви и подарили надежду на взаимность. До выздоровления Эклы он должен был оставаться рядом с ней в доме доктора, чему Элинг был несказанно рад. Неприятных встреч с Пэмбертонами стало меньше, однако Роберт часто приезжал проведать родственницу жены — гораздо чаще, чем это делала сама Анна. Корыстолюбивый фермер еще не отделался от мысли получить деньги на выкуп земли даже после того, как по вине его оплошности пострадала Экла.

Госпожа Суаль поправлялась. Легкий нрав этой женщины быстро затягивал как душевные, так и телесные раны. Несмотря на потерю памяти, Экла вновь освоилась в окружающей ее среде; к ней вернулось доверие к людям. На ее лице всё чаще появлялась улыбка, но гораздо позднее она смогла смеяться и шутить. Не осталось в ней и прежней резвости. Часто Экла делалась задумчива, тщетно сясь вспомнить то, что так неосторожно забыла.

Однако нынешняя жизнь под покровом забвения нравилась Экле гораздо больше, и в том была заслуга Даниэля, который, не отходя от лже-супруги ни на шаг, окружил ее вниманием и заботой. Поначалу им обоим приходилось трудно. Они заново узнали друг друга, прежде чем возобновили доверие; когда же время выявило преданность Даниэля, Экла до того сильно привязалась к нему, что ничего не смела делать без его согласия. Теперь она была слаба, теперь над ней возвеличился авторитет молодого спутника; в нем она остро нуждалась, лишь его совет был для нее единственно важен, лишь его мнение имело цену и вес. Она ходила за ним по пятам, утром она будила его своими поцелуями, а ее ласки были настолько естественны и нежны, насколько это возможно между любящими супругами. Даниэль начинал понимать, что за удача иметь власть над кем-то.

Эклу всячески оберегали от потрясений. В ее присутствии боялись повысить голос или сделать резкое движение — она обитала в некоем вакууме, и никто не смел нарушить ее благословенный покой наедине с тем, кого она любила.

Иначе и быть не могло! Ведь Даниэль всеми силами пытался успокоить несчастную, он понимал ее, как никто другой. Он долго помнил первый разговор с Эклой после падения. Она, бледная, растрепанная, доверчиво льнула к нему с мольбами о помощи, бесконечно твердя:

— Я ничего, ничего не помню! Я стараюсь, но не могу! Вокруг туман... Мне всё кажется, что я упустила что-то, чего-то не сделала. Но что?! Помоги мне, прошу! Не

оставляй одну!

И он крепко прижимал ее к своей груди, целуя в залитые слезами щеки сначала неловко, потом смелее... Темень весенней ночи баюкала их в теплой колыбели, где даже в несчастье можно было обрести любовь. И Даниэль спешил защитить любимую от врагов; он был готов выхватить меч, чтобы подобно доблестному рыцарю кровью завоевать ее «да».

Несколько дней погодя Экла сказала, что восхищается им, и Даниэль впервые забыл о страхе. Взамен ему пришла уверенность и благодарность судьбе — несчастье он почитал за драгоценный дар, выше которого нельзя ничего желать от жизни. Конечно, радость Даниэля была бы сомнительной, не будь он уверен, что любовь Эклы — правда, а не очередное сочинительство.

Прошел месяц. Экла окончательно поправилась, если не считать провалов в памяти, о чем она, впрочем, не сильно тосковала. Женщина наслаждалась сегодняшним днем, амнезия милостиво освободила ее от оков прошлого. Влюбленные как обычно выходили к завтраку и дружно усаживались за стол, с неохотой размыкая крепкие объятия. Все, за исключением Сормса, любовались зрелищем безграничного супружеского счастья, какое встретишь нечасто. Их чувства были первозданно чисты, их отношения напоминали идиллию Адама и Евы до изгнания из рая. Любовь связала их одной из тех прочных связей, которые без труда сглаживают внешний изъян. Окружающие по праву считали Даниэля и Эклу идеальной парой...

Настораживал доктор Сормс, посвященный в тайну «идиллии». В его молчании сомневаться не приходилось: он был способен держать слово. Неясным было его поведение. Если Сормс присутствовал за ленчем и Экла обращалась к Даниэлю, одаривая нежной улыбкой или поглаживая по руке, — доктор нервно откашливался и морщился, как от боли. Что-то не давало ему покоя. Однажды Сормс открыл свои опасения Даниэлю, отведя его под уютную веранду перед домом.

На зеленой лужайке по задумке Эклы устроили «праздник цветов». Она сама резв выплясывала, водя хороводы вместе с женщинами и ребятами из деревни. Их одежду украсили полевыми цветами, на головах царственно красовались венки. Разрумяненные, здоровые, счастливые, они хлопали в ладоши и громко смеялись, забывая горести в восторженном единении с природой.

Как ему было хорошо там с ней и какой контраст Даниэль испытал теперь, когда доктор Сормс требовательно вырвал его из беспечной атмосферы праздника.

— Что вам нужно? — не очень вежливо спросил молодой человек, плохо скрывая досаду.

— Послушайте меня, — начал Сормс, и даже его тон показался Даниэлю покушением на их с Эклой счастье. — Вы обрели любовь, вы счастливы — я этому рад. Но всё же нельзя полностью отвергать реальность. Нельзя отпираться и закрывать глаза на правду! Вы молоды, беспечны... Задумайтесь: Экла по-прежнему мало что помнит, и вы несете ответственность за ее дальнейшую судьбу. Вы и я. Мы оба невольно ввели Эклу в заблуждение ее же собственным вымыслом, который в случае чего может ей очень дорого стоить. Представьте, что она вам солгала, что она вовсе не та, за кого себя выдавала. Неужели вам не хочется узнать о своей возлюбленной всё — всё до последнего?!

— Мне достаточно того, что я знаю, — сухо ответил Элинт.

— Ну не может быть всё так просто! — воскликнул Сормс. — Экла Суаль — это тайна, требующая разгадки. Ваша позиция мне крайне не по душе. Одумайтесь!

— Я внял вашим советам, — неприязненно возразил Даниэль, — я честно заслужил любовь Эклы. Не тревожьте нас — не тратьте силы впустую, ведь вы очень занятой человек. Кто, по-вашему, Экла? Аферистка, беглая преступница? Что может помешать нашему счастью?

— Неосторожное вскрытие правды. Расскажите ей подлинную историю вашего знакомства. Иначе будет хуже!

Оглянувшись назад, Даниэль увидел, что Экла ищет его, и его в который раз объял страх

— страх потерять всё то, что было обретено им по чистой случайности. Настойчивость доктора начала раздражать. Он выполнил свой профессиональный долг, остальное не было его заботой.

— Я расскажу... позже, — бросил Даниэль и нетерпеливо двинулся к группе танцующих.

Доктор сокрушенно покачал головой.

— Я понимаю: вам страшно, но с недомолвками лучше порвать. Чем скорее — тем лучше! — крикнул он вслед, но молодой человек не обернулся.

Сормс не отказался от своих намерений. Что-то заставляло его снова и снова втайне от Даниэля искать ответ на вопрос: «Кто такая Экла Суаль? Что утаила она от своих родственников?» Он слишком хорошо изучил жизнь, чтобы принять счастливый исход за окончательный и неизменный, а потому всё свое свободное время употребил на поиски зацепок. Сормс действовал осторожно. Он наведлся на ферму Пэмбертонов, где осталась часть вещей госпожи Суаль, и под видом их транспортировки в свой дом тщательно осмотрел каждую мелочь.

Словно опытный сыщик, Сормс издали расспросил Роберта и Анну. Те пожимали плечами: они мало знали свою дальнюю родственницу. «Ее отец был беден, как церковная мышь, — единственное, что смогла сообщить Анна. — Часто просил помощи у нашей семьи — это я хорошо помню. Мой отец гневался, называл его бездельником, ведь в нашем роду никто не чурался работы... Потом Суаль разбогател: подозрительно быстро, а вскоре оставил учебу за ненужностью».

Эти сведения мало помогли доктору Сормсу, разве что подарили намек на темное происхождение богатства госпожи Суаль. Ее отец выиграл в карты состояние — кажется, так объяснила Экла Даниэлю в день их знакомства.

Однако кто ищет, тот всегда найдет. И Сормс нашел кое-что другое...

Визит Пэмбертона сам по себе не предвещал радости; сегодня же он сулил что-то из ряда вон. Даниэль понял это, когда Роберт, приехавший без жены, не отправился напрямиком к Экле, а как-то странно, бросая косые враждебные взгляды, пожелал говорить наедине с ее мужем.

Даниэль не испугался; у него лишь тревожно заныло в коленях. Роберт смотрел так, как смотрят на врага перед нанесением сокрушительного удара. И Даниэль не сомневался, что удар будет. Алчный негодяй изобрел коварный план; более того — намеревался учинить сцену, к которой долго готовился.

Мужчины отошли к креслам милостиво предоставленной доктором гостиной, но Роберт пожелал высказаться стоя.

— Элинт, ты... Да, ты! Пользуешься болезнью женщины, и я, как порядочный человек, не могу молчать!

Даниэль побагровел. Его раздражало уже то, что ему приходилось смотреть на врага снизу вверх. Это было унижительно.

— Прошу вас объясниться.

Где-то в потаенных уголках сознания он уже всё знал, и ему казалось, что его с Эклой счастье зажали в грубый мужланский кулачище, словно пойманную птицу, чтобы бросить на дно колодца, где вокруг — холод и тлен.

— Я всё знаю, — с нескрываемым удовольствием пробасил Роберт. — Я с первого взгляда распознал в тебе мерзавца. Ты такой же муж Эклы, как я — губернатор. Решил присвоить весь куш себе? Не выйдет! — Он противно захохотал, потрясая книгой в бархатной обложке с металлическими наклёпками по углам. Вещь показалась Даниэлю знакомой. Безусловно, он видел ее раньше... в руках Эклы. Это был ее дневник.

— Плут! Мерзавец! Враль! По тебе тюрьма плачет, ведь ты успел сто раз обесчестить несчастную дамочку, а теперь собираешься ее еще и обокрасть. Ловко же у тебя получилось! Тебе и придумывать-то ничего не пришлось. Нехорошо, когда всё достается одному... Рано или поздно нужно делиться...

«Вот ты и выдал себя», — Даниэль скрежетал зубами. Пытаться отнять блокнот было ни к чему — слишком неравны силы.

— Где вы это взяли? — глухо спросил он.

Роберт смерил противника испепеляющим взглядом, в коем воплотилась вся мощь превосходства.

— Я не воровал, если ты об этом. Книженция выпала из сумочки Эклы в момент ее падения с лошади. Я поднял и прочел, не сразу — после... Молчи! Тебе остается помалкивать, да слушать мои условия! Мне нужно сто пятьдесят тысяч. Либо ты выпрашиваешь их для меня у своей ненаглядной и я отдаю дневник тебе, либо отдаю его ЕЙ и разоблачаю тебя в самой непотребной форме. Если не ошибаюсь, в своих записях Экла не горит желанием сделать тебя своим мужем или, на худой конец, любовником. От тебя ей была нужна игра, блеф, маскарад — не больше. Или ты забыл, что Экла потеряла память?! Не будь этого, она ни за что не стала бы твоей. Ты насильно подчинил ее себе, а это преступление. Я расскажу ей всё, и тогда она уже никогда не сможет доверять тебе, Элинт. Она тебя возненавидит, потому что ты поразил Эклу ее же оружием — ложью.

Дэни Элинт повержено внимал словам врага. Он любил и, панически боясь разрушить достигнутое, был готов пойти на любые жертвы во имя спасения любви, ибо без нее его жизнь теряла смысл. Без любви не было самой жизни...

Пойти на поводу совести — значило расстаться с Эклой навсегда, ведь в объяснении с ней Роберт не станет щадить Даниэля. Он приукрасит истину, дабы потрясти «одураченную» женщину до глубины души. Даниэлю оставалось выбирать, и в выборе этом на первом месте значилось спасение идиллии — во что бы то ни стало. Что будет с совестью? О, она не пострадает. Главное сейчас — не допустить Роберта к госпоже Суаль с его злосчастной уликой.

Поистине, что может быть могущественней для юного сердца, чем приторный любовный нектар, этот желанный, сильный наркотик? Однажды отведав его, хочется насыщаться им до последнего вздоха.

— Я готов на всё, — покорно кивнул Даниэль. — Я сделаю всё, что вы скажете, но боюсь, у меня ничего не выйдет. Как я смогу попросить денег у нее?

— А как ты до этого бессовестно лгал? — мгновенно атаковал Роберт. — Тогда, значит, мог, а теперь вдруг «не можешь»?..

Глядя в хищное лицо фермера, Даниэль понимал, насколько недооценивал его прежде. Невежественный провинциал казался ему откровенным тупицей, а тот, в свою очередь, завладел очень тонким оружием и дождался самого удачного момента для шантажа. Случись это месяц назад, Даниэль бы без сожаления позволил открыть Экле правду.

— Ладно, — презрительно протянул шантажист, — предоставь дело мне. Но только после — без упреков!

Юноша кивнул. Он чувствовал себя букашкой, которую раздавили тяжелой ногой, обувью в пыльный ботинок.

А Роберту оставалось следовать своему плану — козыри были у него на руках. Ленивой поступью фермер направился в сад — к беседке, где сидела, отдыхая, Экла. Незадачливый «муж» потянулся следом, хоть его ноги подкашивались от страха. Нужно было во что бы то ни стало присутствовать при очередном акте спектакля, ведь Роберт мог придумать что угодно. А вдруг он скажет, что Даниэль имел связь с его малолетней дочерью и потребует денег в виде компенсации? Что тогда?!

Между тем Экла приветливо шагнула Роберту навстречу, издали протянув ему руку, а заметив Даниэля, еще больше расцвела. Платье цвета топленого молока облагораживало ее загорелую кожу; собранные волосы открывали шею, украшенную тонкой жемчужной нитью.

— Дэни! Где ты пропадал? — с притворной обидой воскликнула Экла.

Он не видел ее с самого утра, ибо потратил день на блуждание по улочкам деревни. Прогулка требовалась ему для полного осмысления счастья; кто ж знал, что счастье это так скоро будет поставлено под удар?.. Еще секунда, и Роберт достанет дневник. Еще мгновение — и он навсегда уничтожит доверие. Нужно не сводить с шантажиста глаз, чтобы успеть перехватить подлую мысль.

Пэмбертон не спешил. Он всласть издевался над Даниэлем. Монотонно расспрашивал с здоровье, о планах на будущее... А Даниэль чувствовал, что не может справиться с волнением. О, как он жалок! Как слаб! Как безволен! Роберт прав, когда обращается с ним

оскорбительно, ведь настоящий герой не позволил бы держать в заложниках свои чувства.

Фермер пустился в пустопорожнюю болтовню и продолжал чесать языком до такой степени нудно, что Даниэль не заметил, как с пустого тот плавно перешел на главное.

— Ваш муж мне должен, — словно невзначай сообщил мужчина. — Утром изволил сыграть со мной партию-другую... Я отговаривал, но он настоял. Неопытность можно простить, но долг, сами понимаете, платежом красен...

Экла чуть отстранилась от ответно обнимающего ее Даниэля, с детским любопытством заглянув в его пунцовое лицо. Доверчивость этой женщины ошеломляла одних, другим же предоставляла шансы использовать ее в своих целях. И, что ужаснее всего, Даниэль стал соучастником гнусного плана.

Госпожа Суаль потеряла не только память; она потеряла значение и счет деньгам. В ее рассеянном понимании они утратили всякую важность.

— Дэни, ты играешь? Если тебе это нравится, я не против.

На секунду подняв глаза, он увидел ее беззаботную улыбку. Экла смеялась — светлая и добродушная фея, воспарившая высоко над земным, но милостиво позволившая другим развлекаться.

Даниэлю хотелось провалиться сквозь землю.

— Долг — дело святое, — упрямо напомнил Роберт.

— Да-да. Идемте в дом. Думаю, мы сможем ублажить эту святость, — веселс откликнулась Экла.

Даниэль проводил их взглядом: неряшливый великан и миниатюрная леди, само воплощение элегантности. Спаниель с глухим урчанием семенил за Робертом по пятам — вероятно, от него дурно пахло...

Когда Пэмбертон вновь предстал перед Даниэлем, последний явственно понял, что тот получил желаемое сполна. Толстые губы фермера расплывались в слюнявой улыбке.

— Элинт, ты гений! Это не дамочка, а золотое дно!

— Дневник, — зло процедил Даниэль.

С минуту враг испытывал его терпение, что-то жуя и посекундно сплевывая в траву.

— Такое дно можно качать до изнеможения... вернее, до разорения. Я бы даже начал завидовать тебе, но... Впрочем, об этом «но» ты узнаешь сам, когда прочтешь дневник.

Затем он с пафосным вывертом вручил Даниэлю записную книжку Эклы.

На том испытания для влюбленных не закончились. Спустя время дал о себе знать доктор Сормс. Почтенный джентльмен тоже не сидел сложа руки. Заявление, сделанное им, обязано было ошеломить, но Даниэль (равно, как и его спутница), осознанно возводил каменную стену меж собой и окружающим миром. Искренне, по-детски чисто веря в сны, они ненавидели реальность; они попросту не желали ее видеть, как не желают видеть скучное, порядком надоевшее лицо.

Когда Сормс показал Даниэлю какую-то карточку, юноша решительно ничего не понял. С недавних пор ему стало всё равно, что твердят окружающие. Он жил в летаргическом сне, он заболел свободой.

Но доктор не унимался, пытаясь достучаться до дремлющего сознания.

— Взгляните же, что я нашел в ее вещах! — противно нудил он над ухом.

— Что это? — без тени заинтересованности промямлил беспечнейший из землян.

— Визитная карточка. Здесь значится адрес и подлинное имя женщины, которую вы выставляете своей женой. У госпожи Суаль другая фамилия. Ну! Читайте же! Почему она записана здесь как Экла Олсен? Если она никогда не была замужем, то должна носить фамилию отца! Вас это не наводит ни на какую догадку?..

— Наводит. Иной раз мне кажется, что вы шпионите за нами.

— Если я и делаю это, то только затем, чтобы вы не наломали дров!

Что-то подобное раньше говорил Рэмбл — такой же старый холостяк, от скуки жаждущий записать в «сыновья» любого неразумного мальчишку. Но Даниэль больше не нуждался в опеке. Он окреп и возмужал — так, по крайней мере, считал сам господин Элинт. Он был обеспеченным семейным человеком и пусть пока жил на деньги жены, будущее обещало всё исправить. Поэтому Даниэль принял независимый вид, словно у него за спиной высились собственные капиталы.

— Вы правы, доктор. Кое-какая догадка посетила меня: раз такой порядочный человек, как вы, докатился до игры в детектива, это прямой намек... Мы загостились в вашем доме. Зачем вы унижаетесь? Если мы надоели вам, скажите прямо!

— Что вы! Я только пытаюсь предотвратить беду: состояние Эклы нестабильно. Ее психика ослаблена. Леди забылась! В разговоре с ней боязно обмолвиться о чем-то негативном. Она воображает себя в некой сказке, где вокруг одна любовь и солнечный свет. А это дурной признак. При столкновении с правдой она может не выдержать.

Но молодой человек уже не слушал — в нем пробудилась дремавшая доселе гордость. Даниэль не мог не воспользоваться дарованным ему шансом. В охватившей его горячке он торопился выказать силу и авторитет, которые на деле были фикцией.

Дальше гостить в доме Сормса стало небезопасно. С прочтением Робертом дневника круг посвященных в тайну мог расшириться, ведь такие, как Пэмбертон, не способны долго молчать. Спиртное развяжет им язык в два счета. Что же касается дилеммы с фамилией Олсен, то дневник быстро разрешил бы эту загадку. Но Даниэль в страхе потерять любимую сжег его, не прочитав и строчки.

Уже с вечерним поездом влюбленные отправились «домой», в Сальдаггар — город, которого Даниэль не знал, а Экла — не помнила. Они ждали продолжения сказки, но что поджидало их впереди?

Широкую подъездную аллею, обсаженную по бокам пальмами и яркими цветами, венчал огромный величественный особняк, возведенный на возвышении, чтобы еще издали пленять взоры своей недостижимой мощью. Словно праздная обитель богов, он был светел и далек, чинно паря над голубизной и изумрудной зеленью взморья. Нижние этажи дома тонули в листве деревьев, которые окружали его на подступах к холму, и лишь высокие башенки — плоды неординарной мысли, — упирались в безоблачное небо, раскинувшее свой шатер в знак милости к молодым и богатым. Безусловно, внутренняя жизнь обитателей подобного чуда просто обязана быть такой же прекрасной, как и внешний облик усадьбы.

Прежде, чем оказаться в роскошных апартаментах госпожи Суаль, нужно было подняться по широкой мраморной лестнице, и в этом таилось больше удовольствия, чем затраты сил, ибо то там, то здесь на лестничных пролетах предусмотрительно расположили удобные скамейки по соседству с благоуханием роз. Даниэль знал, что счастливые обладатели миллионов не привыкли экономить на себе, но даже не предполагал насколько! Волей-неволей у него закружилась голова: какой размах фантазии, какая смелая, но в то же время ленивая прихоть воссоздала на земле подобие рая! Где-то журчали невидимые воды фонтана, где-то в гуще сада птицы выводили мелодичную трель...

Раз всё это принадлежит ей — его единственной, — следовательно, принадлежит и ему, ее избраннику. От одной этой мысли захватывало дух, сердце бешено колотилось в предвкушении невозможного счастья. Даниэль уже представил, как прекрасно им будет жить здесь, как они, беспечные дети Природы, создадут в этом доме свою сказку и будут играть в нее до конца своих дней...

Уловив запахи родного крова, спаниель Бесси весело рванула вперед, прыгая со ступени на ступень, пока не скрылась за изгибом аллеи. Даниэль оглянулся на свою спутницу — ее лицо отчего-то погрузнело. В нем отразились замешательство и печаль, причины которых она сама не понимала. А если вспомнит? Что тогда? Прогонит вон со скандалом? А как же любовь, их любовь?.. Наравне с принципами бескорыстия Даниэль понимал, что хочет жить именно здесь. Стать королем своей судьбы... О, это прекрасно!

И всё же что-то тут не так. Неожиданно на память пришли двусмысленные фразы Роберта и доктора Сормса. Какая тайна окружает госпожу Суаль? Почему она, будучи одинокой, не могла любить по-настоящему, открыто? Что принудило Эклу на корню обрубить чистосердечные порывы Даниэля? Может, он попросту был ей несимпатичен? Нет. Существовал некий барьер, который исчез вместе с утраченной памятью.

На полпути к дому Экла остановилась. Ее лицо побледнело, со лба катился холодный пот. «Сейчас она всё вспомнит, — Даниэль крепче сжал ее трепещущую руку. — А я дурак! Ведь мог же узнать правду — стоило прочесть дневник...» Опыление страстью схлынуло, и в душе обосновалась тревога. Молодой человек опасно поглядел вверх, где таинственно белели величественные стены. Что скрывает обманчиво прекрасный «рай»? Нечто обжигающее сквозило в каждом окне...

Доктор Сормс говорил об ответственности, которую Даниэль нес за дальнейшую судьбу Эклы. Вернуть женщину домой было его прямым долгом. А там — кто знает? Юноша верил, что возвращение забытого не отнимет у нее любви к нему.

Затаив дыхание, он заглянул в лицо Эклы, и она улыбнулась.

— Я просто запыхалась. Давай присядем.

Они прошли к скамье, после чего госпожа Суаль заговорила с небывалой прежде

горячностью. Что-то смутное, но неотступное теснилось в ее существо; туманные очертания прошлого будоражили сердце.

— Мне кажется, нам не следует идти туда. Дэни, я боюсь! О, как я боюсь тебя потерять!

— Но там — твой дом! — изумился он. — Там — всё твоё!

Однако она была неумолима. Сормс говорил, что потеря памяти временна, и теперь Даниэль убедился в этом: Экла что-то вспомнила из того, о чем умолчала при их знакомстве.

— Мы не должны туда идти, — убежденно повторила она и прибавила: — если хотим быть вместе...

Но куда же им тогда идти? Стараниями Роберта наличные деньги Эклы были на исходе — их не хватило бы даже на комнату в дешевом отеле! А Даниэль не хотел, чтобы новый мир навсегда померк для нее пред лицом нищеты, ведь она — фея, парящая далеко от мирских проблем; она не вынесет и дня серой, будничной жизни!

Он крепче сжал ее локоток.

— Нет. Нам нужно туда. Бояться глупо! Нас никто не посмеет разлучить, ведь только благодаря тебе я узнал, что такое счастье. Ты научила меня любить, с тобой я стал совсем другим человеком!

Она долго не мигая смотрела на него, и в глазах ее застыли невыразимые противоречия. Вряд ли она могла что-либо объяснить, ибо все ее опасения оставались на уровне подсознания.

Требовательно потянув ее за руку, Даниэль продолжил восхождение к особняку. Они были одни (Люси получила расчет еще на вокзале), и жаждали поскорее захлопнуть дверь в свое прошлое.

...В напряженном безмолвии странная пара вошла в светлый холл со стеклянными стенами, что открывали живописные виды с холма. Швейцар в золотистой ливрее бесстрастно склонился перед своей госпожой, стрельнув по ее спутнику удивленным взглядом.

Экла задрожала. В испуге остановилась она посреди воздушной залы, после чего огляделась по сторонам, словно каждую секунду ожидая чего-то ужасного. Кругом царила гробовая тишина. Вместе с золотым светом солнца сюда из раскрытых дверей сада залетал ветер, принося запах свежескошенный травы. В глубине комнат пролаяла собака.

— Вот ты и дома, — успокаивающе произнес Даниэль.

Но тут случилось непредвиденное. Из анфилады комнат, где сам воздух, казалось, был соткан из хрустальных нитей, фокусирующих радужный свет, донесся топот маленьких ножек. Не прошло и секунды, как к новоприбывшим выбежало, если не сказать «выпорхнуло», подобно цветастой бабочке, златокудрое существо с шелковым бантом. Девочка лет пяти в платье, похожем на воздушный бисквит, улыбалась, неловко удерживая в своих ручонках собаку Эклы. Ее облик напоминал ожившую куклу из перевязанной лентами коробки; в первую секунду Даниэль даже не осознал, что видит живого ребенка. Однако не успели новоприбывшие прийти в себя, как девочка с криком «мама!» бросилась к госпоже Суаль.

Отчаянно закричав, та спряталась за спиной Даниэля.

— Мама, Бесси привела меня к тебе! Мы тебя ждали! — весело щебетала малышка, стараясь поймать женщину в свои объятия. Она решила, что мать вздумала с ней играть. Ну конечно — откуда было знать невинному существу весь ужас происходящей здесь сцены?! Страшный смысл свершившегося понимал один Даниэль, оцепеневший от отчаяния. По его вине Экла не узнает свою дочь! Что может быть страшнее?! Охваченная паникой и непониманием, она перебегала от стены к стене, от колонны к колонне с перекошенным мукой лицом, а девочка, звонко хохоча, семенила за ней в восторге от столь «удачной» идеи. Для нее это была игра — для остальных «игры» закончились с этой минуты.

— Наконец-то! — откуда-то сверху раздался мрачно торжествующий баритон.

Девочка застыла и уже с некоторым сомнением посмотрела на элегантного господина, который спускался с широкой мраморной лестницы.

— Папа, мама вернулась! — объявила дочь, но в ее голоске чувствовалось замешательство.

Мужчина неторопливо приблизился к поверженной паре.

— Иди в свою комнату, — скомандовал он дочери.

Та хотела заупрямиться, однако явившаяся бонна спешно увела воспитанницу. Через каждые два шага девочка оборачивалась, силясь разгадать неподъемные для детского ума тайны взрослых.

Даниэль с трудом сознавал происходящее. Жестокая правда ворвалась в тихий мир грез, сметая всё то, что еще вчера мыслилось незыблемым. Еще полчаса назад он верил в свое достигнутое счастье; оно было райской птицей в его руках, которая теперь, вспорхнув, улетела. Воздушные замки рассыпались, кораблик любви натолкнулся на подводные рифы. Наравне с открытием правды пришло объяснение неясных прежде фактов. В этой правде не

было ничего сверхъестественного — до нее бы дошел в своих размышлениях любой здравомыслящий человек, но только не пылкий влюбленный.

— Итак, ты соизволила вернуться, — ровным голосом произнес мужчина, рассматривая Эклу в упор. Его вид демонстрировал железную выдержку, однако в глазах всюду бушевало яростное пламя. — Ты сбежала два месяца назад. Никто не знал, где ты, что с тобой... Мы отчаялись тебя искать! — Его голос вдруг сорвался на крик, в котором потонуло ответное восклицание Эклы:

— Я не знаю тебя! Уйди! Оставь нас в покое! — завопила она, но ее взгляд — затравленный, полубезумный — утверждал обратное: она знала, но не хотела знать.

Едва ли Даниэль мог раньше вообразить ее такой; всегда спокойная, наделенная лучезарной улыбкой, теперь Экла выглядела загнанным зверьком, который отчаянно бьется в силках.

— Уйди! — твердила она своему настоящему мужу, и Даниэль содрогнулся от ненависти, которую она вкладывала в эти слова. Разве его возлюбленная могла кого-то ненавидеть? Разве была способна кричать? Нет, у его Возлюбленной тихий мелодичный голос и доброе сердце. Та же, кого он видит сейчас, совсем на нее не похожа. Это какая-то усталая, постаревшая женщина с растрепанными космами и конвульсивно сжавшимся телом.

— Ах вот как! — едкая ухмылка прорезала лицо господина Олсена. — Ты привела в наш дом любовника и открыто просишь меня уйти? Меня, своего законного мужа?! Ты забыла, что у нас растет дочь. Ты забыла о репутации. Ты забыла о делах, которые требуют твоего вмешательства. И, наконец, ты забыла о чести! Ее у тебя не больше, чем у какой-нибудь потаскушки! А я ведь искал тебя... Я нанял лучших детективов, потратил уйму средств и нервов... Ты — бессовестная!

Даниэль испытывал острое желание убежать отсюда. Ему хотелось провалиться сквозь землю! Розовая завеса спала с его глаз; с тоской и отчаянием он увидел себя в одиночку стоящим перед тупиком; Экла отныне была уже чужой ему, она существовала отдельно. Это из-за нее он лишился того малого, что прежде поддерживало его в жизни; это она вырвала его из тихого дома и сделала таким же бесчестным, какой была сама.

— Дэни, сделай что-нибудь! Помоги мне! — вскрикнула Экла.

— Может, ты еще прикажешь ему меня скрутить? — Муж нервно топнул ногой, а затем подскочил к сопернику. — Что это? — Он ткнул пальцем в грудь Даниэля с таким видом, как если бы застал в своем доме мерзкую тварь — настолько мерзкую, что даже не находил ей названия. — Что это, Экла? Отвечай! Может, он мошенник? Может, чародей? Чем он опоил тебя? Отвечай же! — Даниэль хотел отпрянуть, когда на него обратились испепеляющие глаза, но ноги будто приросли к полу. — Чем ты одурманил ее? Почему она меня не узнает? Почему безразлична к собственной дочери?!

От ужаса Даниэль лишился дара речи. Господин Олсен тряс его с таким остервенением, будто собирался вытрясти из него душу. Наконец отчаянный роконосец устал и, оставив любовника, повалился в ближайшее кресло.

— Она ушла из дома и не вернулась, — чуть слышно проговорил он с закрытыми глазами. — Я сходил с ума, я рвал на себе волосы! Дочь спрашивала: «Где мама?», а я не знал, что ей отвечать... Это было похоже на ад: за моей спиной шептались, на меня показывали пальцем... Мне приходилось лгать, чтобы спасти нашу репутацию! Как уважающий себя человек, я просто обязан вас пристрелить — не на дуэли, а как бродячую собаку.

Даниэль вздрогнул, но промолчал. Слова не шли на ум, ужасное открытие парализовало его волю. Вместо того, чтобы бороться, оправдываться или попытаться обезопасить себя, он стоял как истукан, безразличный к любым действиям противника. Экла рыдала, закрыв руками лицо; Даниэль не хотел смотреть в ее сторону — назвавшись одинокой, она обманула его... Но постойте, а он? Разве он не обманывал ее после того, как она потеряла память? Обман опутал их, и эту ложь они называли любовью...

— Нет, я буду умнее, — нарушил тишину господин Олсен. — Я буду глупцом, если выстрелю в вас. Так я сделаюсь еще большим посмешищем.

С этими словами он поднялся с кресел.

— Единственное, что мне непонятно: о чем вы думали, когда шли сюда? — Как сквозь сон Даниэль видел перед собой ястребиный нос и огненно-черные, как угли, глаза, способные сверлить, выворачивая наизнанку. — Думали, я дам жене развод? Ха-ха! Насмешили! — Олсен даже не улыбнулся. — Никогда. Ни-ког-да!

Он грубо схватил Эклу и потащил вверх по лестнице — она больше не сопротивлялась.

На ватных ногах Даниэль вышел на крыльцо, миновав лукаво ухмыляющегося швейцара. Силы покинули его, он вновь показался самому себе слабым и беспомощным, каким был до рокового знакомства с Эклой. Целый мир сузился в его глазах до малюсенькой точки, которой стал он сам. Он допустил ошибку. Что дальше?

Даниэль долго слонялся по незнакомому городу, пребывая в полуобморочном состоянии — на грани между истерикой и оцепенением. Должно быть, его облик был красноречив, поэтому прохожий на вопрос о самой дешевой гостинице направил Даниэля к дому, в котором находили себе пристанище так называемые люди последнего сословия — нищие и опустившиеся. Место это именовалось Приютом обездоленных. Обитатели комнаты, куда подселили Элинта, справедливо решили, что мальчишка голоден, поэтому с усердием принялись откармливать его жирной похлебкой. Напрасно он протестовал — свирепая забота этих совершенно разных, но одинаково грязных и неухоженных людей в какой-то мере была потехой: так от скуки заботятся о бездомном щенке. Между тем юноша впал в отчаяние. Незнание жизни не так угнетало его, как нежелание эту жизнь познавать. Хотелось остаться в стороне от всего уродливого и грубого, хотелось пребывать в одной любви, вдыхая ее ванильно-розовые эманации.

Однако летели дни, и Даниэль стал находить в своем новом существовании определенную прелесть. В старом доме — бывшей усадьбе какого-то важного лица — государство постановило основать учреждение, объединившее больницу и ночлежку. Грязные оборванные люди приходили сюда зализывать раны; кто-то оставался, а кто-то, кого еще тянуло на вольный простор, покидал стены приюта до первой переделки. Здесь постоянно появлялись новые лица и исчезали старые. Попасть сюда приличному человеку было постыдно, однако Даниэль не располагал деньгами — с собой у него не было даже документов.

Вокруг дома с облупленной колоннадой тянулся одичалый сад. В этом «ночлежном дворце» текла своя жизнь со своими законами и, конечно же, своими сплетнями. С первого дня Даниэль заручился у своих сожителей симпатией, которая укрепилась после того, как он поведал им о своих злоключениях. Угрюмым неотесанным мужикам пришлась по душе история обманутых надежд; она словно на мгновение вернула их в светлую юность. Летними вечерами, за тайно распитой бутылкой бормотухи, обитатели приюта любили почесать языком, поливая грязью сильных мира сего. В один из таких вечеров Даниэль услышал много нового. Полагая, что знает о своей возлюбленной всё, на самом деле он не знал и половины...

Бродяга по кличке Черствый Корж считал себя самым осведомленным человеком в округе. Разнообразные слухи питали его воображение и в значительной мере повышали авторитет: если кому-то требовалось узнать о ком-либо из жителей города, Корж выступал в роли ходячего справочника. У него всегда имелся готовый ответ на любой вопрос; даже ткнув пальцем в небо, он редко ошибался.

Растроганный историей незадачливого юнца, старый шатун рассказал Даниэлю то, что обычно говорил лишь в обмен на стопку водки. «Уважаю дураков, — хмыкнул он, толкнув его плечом, — а та-аких дураков я давно не видывал». Даниэль не успел обидеться. Прежде он еще лелеял надежду на возрождение любви, но дни, проведенные в приюте, сильно пошатнули его веру в прекрасное.

— Если ты еще веришь в везение, советую тебе перетрусить свои мозги и выкинуть оттуда эту чушь! — сказал Корж, выпуская изо рта клубы едкого дыма. Тусклый свет лампы озарял небритые, испытанные лица с впалыми щеками и нервным блеском глаз, когда в царящем

полумраке вспыхивали тлеющие концы папирос.

— На одном везении дворец не построишь, — продолжал бродяга. — Тот парень (я говорю об отце твоей пассии), был одним из гениальнейших мошенников округа. Второго такого шулера надо еще поискать! Он легко разорял успешных людей, если те имели хоть каплю интереса к игре, пускал по миру целые семьи! Его ненавидели и боялись, а он... богател. К нему было не подкопаться! Кто-то обучил его тайным приемам, и Суаль овладел ими во всем блеске. А ненависть росла, и однажды наступил час, когда иметь столько врагов и оставаться невредимым — просто невозможно. Да, Суаль пытался стать порядочным гражданином. Для видимости он скупал заводы, но все вокруг знали, какой ценой далось ему богатство.

Над Суалем учинили расправу, только с его смертью ничего не изменилось. К проигравшим не вернулись их деньги, удовлетворенного самолюбия хватило ненадолго. Никому так и не удалось раскрыть таинственный способ, который помогал Суалю в игре. Быть может, это и вправду было чертовское везение, но только все решили, что это был грязный обман. Так или иначе, состояние перешло к молодой девушке — наследнице Суалья, которая купалась в роскоши и совершенно не вникала в темные дела прошлого. В сущности, девчонка жила на чужие деньги, вырученные от триумфальных игр ее отца, за что некоторые воспылали ненавистью к ней — виноватой без вины. Один из таких — Ричард Олсен — решился на отчаянный поступок: он вздумал не только отомстить, но и в придачу вернуть своей семье потерянные деньги. Кстати сказать, с момента роковой игры прошло уже много лет, и месть задумал сын проигравшего, чей отец, не перенеся банкротства, застрелился. Но как мстить женщине? Утонченной леди, которая от беспечности даже не знает, в чем ее вина?.. С пистолетом на нее не погрешь — Олсен это понял. Здесь требовался более тонкий подход.

Все знали, что Экла бредит лошадьми. При жизни Суаль приобрел конезавод, и его дочь не пропускала ни одних скачек. Блондинка в очаровательной шляпке всегда присутствовала на трибуне, став лицом состязаний. Со временем общество полюбило Эклу Суаль; в конце концов, она была богата — не так уж важно, каким путем это богатство достигнуто. Трудно остаться равнодушным к такой милашке!.. Но у Олсена были другие планы. Глядя на девушку, он видел лишь свою ненасытную месть. А для сведения счетов оставалось только жениться... на собственном враге. Ему удалось это легко, ибо азарт и невиданное легкомыслие были у Эклы в крови. Поставив на удачу, молодой человек заключил с госпожой Суаль пари: в результате его проигрыша он выплачивал ей крупную сумму; в случае ее — она, ни больше ни меньше, обязывалась выйти за него замуж. Холодный расчет — и только. Думаю, не нужно объяснять, что было дальше: Экла проиграла, от пари было уже не отвертеться, и она вышла за человека, которого едва знала и который был ей совсем несимпатичен.

Всё шло по плану. Олсен намеревался сразу же после венчания проявить свою варварскую власть, стать для жены тираном и деспотом, но... ему помешала магия чувств, которая сильнее ненависти. Судьба сыграла с Олсеном злую шутку: думая нанести удар вражеской семье, он просто-напросто... влюбился. Да, влюбился в свою жену без надежды на взаимность. Наверное, для нее — воздушной и мечтательной — он был слишком скучен. Он камнем висел на ней, не давая воспарить к привычным облакам...

На том сплетник окончил свой рассказ. Брак, основанный на ненависти и корысти, не распался. Вскоре родилась дочь, и планы мести окончательно забылись, растворившись в

любви к двум самым драгоценным существам.

Теперь Даниэль знал правду, как знал и то, что Экла не любила своего мужа. Она бежала от него, равно как бежала от реальности. Но эта женщина любила его, Даниэля, и он не мог оставить ее в беде. Шли дни, а Даниэль ни на что не решался. Слишком многое стояло отныне на пути их воссоединения, и это многое оказалось сильнее мечты.

— Оставьте нас наедине.

Сквозь сон Даниэль не сразу понял: утро сейчас или вечер. Ленивые проблески сознания отзывались в голове тупой болью. Вчера он хватил лишнего и принялся бегать по комнате, что-то кричать, размахивать руками, а его новые знакомые только посмеивались и подливали ему спирта. Припомнив свое поведение, молодой человек смутился. Боясь услышать в свой адрес колкости, он долго не осмеливался открыть глаза. Но кто-то рядом ждал его пробуждения — он чувствовал на себе чей-то пристальный взгляд; чья-то теплая рука ласково перебирала его волосы...

Даниэль не сразу осознал, что голос, произнесший: «Оставьте нас наедине», принадлежит Экле. Его чарующее звучание как будто донеслось сюда издалека.

Обитатели комнаты неохотно исполнили просьбу, но тут же жадно припали к двери с обратной стороны. Экла возвышалась над кроватью в своем обычном черном узком платье, в кружевных перчатках до локтя — и улыбалась так, как если бы ничего не произошло, будто страшное разоблачение им только приснилось.

Отняв руку женщины от своего лица, Даниэль сел в постели.

— Как ты меня нашла? — холодно спросил он. Ему хотелось добавить: «Как ты осмелилась найти меня после всего, что случилось?! И зачем? Что даст нам эта лишняя встреча?»

Но Экла не растерялась. Она продолжала глядеть на него с восторгом и потаенной радостью. Ее большие выразительные глаза лучились любовью, сопереживанием и предвкушением чего-то.

— Дурачок, — сказала она, после чего хотела вновь потрепать его, словно ребенка, по щеке, но он не позволил ей этого сделать. — Узнать твое местонахождение не составило труда. Увидеть тебя как можно скорее было моей первой мыслью.

— И ты, наверное, хочешь мне всё объяснить?

По ее лицу едва заметной тенью скользнуло замешательство.

— Да, конечно, мой милый. Непременно, — покорно кивнула она.

Положив свою маленькую сумочку из черного вельвета на разохшийся стул, женщина опустилась на колени и с чувством прижала его руки к своим губам.

— Я... — она глубоко втянула в себя воздух. — Я люблю только тебя... Мне никто не нужен, когда мы вместе. Мы принадлежим друг другу — разве не так?!

Даниэль с недоверием смотрел на нее. «Неужто эта нервная дама — та самая женщина, которая раньше казалась мне цветущей и юной? Которую я любил и которая открыла мне глаза на прежде невиданные вещи? Ее ли я обнимал, к ее ли губам прикасался поцелуем?» Отныне он видел в ней мать и чужую жену. В его понимании это было непреодолимым препятствием. При всем желании Даниэль не мог забыть о существовании пятилетней девочки и обезумевшего от горя господина Олсена. Когда-то они были семьей, которую он, Даниэль, собирался разрушить.

Кроме того, теперь он напряженно ждал от Эклы очередного обмана. Нет, до тех пор, пока она будет увиливать и сбивчиво говорить о своей любви, он не поверит ни единому ее слову. Он был дураком, когда верил ей и в упоении от прежде неиспытанного старался привязать к себе. Наверное, Даниэль был эгоистом, но он действовал из лучших побуждений.

— Посмотри на меня, — приказал молодой человек и, когда она обратила на него затуманенный взор, с силой встряхнул ее руки, которые еще покоились в его ладонях. — Говори. Говори обо всем.

— Что? — Она изобразила недоумение. — Что я должна говорить? Дэни, о своей любви к тебе я готова повторять бесконечно...

— Не нужно о любви, — возразил он, и его взгляд сделался жестким, а сердце — глухим к мольбам о снисхождении. Он больше не позволит ей обманывать. — Говори о главном. Я хочу слышать суть.

— Дэни, я не понимаю тебя! — почти со слезами взмолилась она.

Вокруг убогая комната. Обшарпанные стены и пыльный дощатый пол. Богато одетая дама дрожит у его ног, но, к счастью, Даниэль не страдал потребностью унижать других ради подпитки собственного тщеславия. В тот момент он испытывал глубокое сожаление.

— Прощу, расскажи мне о себе, — смягчившись, сказал Элинт. — Правду. Признайся: ты всё вспомнила...

Экла долго глядела на него снизу вверх — жалостливо и горько, словно побитая собака. Ее прозрачные глаза искрились, но уже от слез.

— Ох, Дэни! — вздохнула она.

Кажется, она боялась говорить без утайки; ей было трудно стать честной перед самой собой.

— Да. Я вспомнила. Родной дом оживил мою память — я вспомнила нашу встречу в ресторане, падение с лошади... Но даже теперь я не могу любить тебя меньше. Родной дом стал мне чужим, а люди — посторонними. Дэни, ведь я почти сразу полюбила тебя! — воскликнула она с жаром. — О, ты был таким чистым, таким печальным; в тебе было столько обаяния, что я не устояла перед соблазном...

Все эти годы я вела примерную жизнь. Или хотя бы старалась это делать. Муж был мне противен, но я терпела его, пока однажды, на вечеринке у друзей, я не позволила себе немного пококетничать с одним отставным генералом. Олсен жутко приревновал. Он кричал, бил посуду, обзывал меня грязными словами... Это больно. Я не выдержала, когда в пылу гнева он бросил: «Я женился на тебе только из-за денег! Мою семью разорили, а я должен был выживать. О, если бы у тебя не было этого дома, фабрик и крупного счета в банке — я бы не посмотрел в твою сторону!» Тогда я поняла, что больше не выдержу с этим человеком и дня. В тот же вечер я села перебирать бумаги отца и наткнулась на адрес его давнего друга. В порыве отчаяния, в желании убежать от действительности, которая стала мне ненавистна, я написала господину Рэмблу. Вскоре он мне ответил. Да, в моем письме было больше лжи, чем правды, но, Дэни, ты должен понять меня. Сперва мне хотелось просто играть, хотелось создать видимость того, что я одинока, а значит — свободна. Ах, как бы я хотела, чтобы это действительно было так! Но после встречи с тобой моя игра усложнилась... Я поняла, что теряю над собой контроль. Началась борьба: в твоём понимании ничто не мешало нам быть вместе, ты не знал, что я тебе лгала. Признаться же просто не хватало духа. Говорят, в таких случаях верное средство — с глаз долой, из сердца вон. Ты не представляешь, чего мне стоило прогнать тебя. Уезжая, я старалась не смотреть в твою сторону, но уже к вечеру поняла, что не вернусь к мужу... И я наконец-то решилась всё рассказать: о нем, о дочери... Я хотела перехватить тебя на станции, и если б не... Что было потом, ты знаешь. Нас постигло испытание, но ведь всё лучшее еще впереди! Мы убежим, мы будем вместе!

— У тебя есть дочь, — машинально возразил Элинт.

— Это не проблема! После нашей встречи она мне безразлична так же, как и муж. Я с радостью принесу в жертву эту обузу...

Даниэль слушал ее с нескрываемым страхом. Та страсть, та пылкость, что раньше приводила его в восторг, доходящий до опьянения экстазом, теперь его ужаснула. Что-то отталкивающее, обжигающе-холодное таилось в самом сердце любовного огня, питаемого Эклой. Неожиданно перед глазами возник образ белокурой девочки в воздушном платье...

— Всё, — облегченно выдохнула Экла. — Я выполнила твою просьбу. Теперь ты исполни мою: поцелуй меня, как ты делал это раньше... Я не забыла, нет! Пусть я начала игру — ты ее продолжил. Я даже горжусь тобой, твоей смелостью...

Несколько минут она ждала, но он не шевельнулся. Сидя с каменным лицом, Даниэль был близок к тому, чтобы оттолкнуть ее, а она тем временем продолжала наивно улыбаться, еще не замечая перемены, произошедшей в нем.

— Ну же! Чего ты медлишь? Поцелуй меня! Я требую!.. Дэни, что с тобой случилось? Я не понимаю! — Она надула губки и демонстративно отвернулась.

За дверью слышались шаги и сопение. Эти звуки навели Даниэля на мысль, что там, в коридоре, находятся люди, в глазах которых происходящее здесь выглядит ничем иным, как тайной встречей любовников. Вспомнив категоричное «никогда!» господина Олсена в отношении развода, Даниэль вернул себе самообладание.

— Экла, прежде ты ответишь на несколько моих вопросов. Между нами не должно быть тайн... — Он не понимал, зачем говорит это. Он просто тянул время. Ему не хотелось бросать себя и эту несчастную на произвол новых безумств, но вместе с тем он отчаянно боялся ее бесповоротного ухода. — Кем был твой отец?

Она ответила без тени удивления — вяло и равнодушно, как если бы речь зашла о ком-то неприятном или наскучившем:

— Мой отец был хорошим человеком. Он много работал, чтобы обеспечить мне достойное будущее.

— Давно ли он умер?

— Десять лет назад произошел несчастный случай... Это был золотой человек... — Экла опустила голову с видом наигранной скорби, но дрогнувшая нижняя губка выдала ложь.

Даниэль сжал зубы — она опять лгала, или «сочиняла», выдавая желаемое за действительное. Вранье стало ее привычкой, образом жизни.

— Хорошо. А теперь скажи правду, — спокойно сказал он.

Экла вскинула на него ошеломленный взгляд.

— Я не понимаю! Дэни, ты устраиваешь мне допрос? Почему вы все хотите меня допрашивать?!

Она поднялась, чтобы придать своим словам больший вес, но он схватил ее за руки и прижал к своей груди. В желании проучить его она предприняла слабые попытки вырваться, но Даниэль держал ее крепко. Спустя секунду-другую на ее устах уже блуждала блаженная улыбка, открывая взору прелестные ямочки на щеках, к которым так хотелось прикоснуться губами... Волна нежности подкатила к сердцу Даниэля; он с отчаянием сознавал, что не может удержаться на краю — желание любви, несокрушимое стремление к счастью пересиливали гранит разума и воли.

— Я всё устрою, — прошептала Экла, дрожа от страсти. — Тебе нужно немного потерпеть зловоние этого клоповника. После судьба воздаст тебе за лишения вдали от

меня...

А Даниэль уже забыл свои честолюбивые планы. Аромат духов, атласный лоск кожи, пламя исступленных поцелуев — помутили разум. Он смутно понимал, что говорит совсем не то, что должен был говорить ради людей, которые нуждались в этой женщине больше него.

— Я хочу, чтобы ты была со мной... чтобы ты всегда была со мной...

Экла довольно улыбнулась, удостоверившись во власти своих чар.

— За нами подглядывают, — сказала она. — После у нас будет много времени побыть наедине.

На прощанье она крепко прижала его к себе, и от ее пронизательного взгляда не утаился землистый оттенок его лица, темные круги под глазами и проступившая щетина над верхней губой.

— Что сделали с тобой сердечные муки! — весело заметила госпожа Олсен. — Ничего. Скоро мы будем вспоминать это как страшный сон. Если всё получится, то...

— Муж любит тебя. Он не позволит... — в забвении прошептал Даниэль, но Экла перебила его с мстительным выражением лица, какое появлялось у нее всегда, если она говорила о муже:

— Мне всё равно. Пусть подавится своей любовью. Наш брак был недоразумением, и я никогда не прощу Олсену тех слов. Никогда!

У двери она послала любовнику воздушный поцелуй, а затем скрылась. Припав к пыльному окну, Даниэль еще несколько мгновений мог наблюдать ее стройную фигуру, быстрой походкой пересекающую двор в направлении автомобиля.

— Она что-то задумала... — пробормотал он, не заметив близости одного из обитателей приюта.

— Ты нравишься этой дамочке только потому, что безропотно потекаешь всем ее прихотям. С тобой ей проще витать в облаках. — Корж неодобрительно покачал косматой головой. — Но ведь она «всё устроит»! Поглядим, что задумала твоя госпожа сочинитель...

Даниэль больше не ощущал за собой власти и значимости. Он был лишь промежуточным звеном в цепи, он оказался в руках сильнейших — в руках хозяев этой жизни. А маленький человечек так и остался маленьким человечком. День за днем, час за часом покорный раб ждал вестей от своей госпожи. Она редко приходила в Приют; ее письма были преисполнены злости на мужа и ослепительной жажды свободы. Что-то пошло не так, но влюбленная не сдавалась.

В одно из свиданий, когда Экла выглядела особенно усталой — упреки Олсена и слезы дочери совершенно измучили ее, — она дала Даниэлю денег, и он под скабрзные ухмылки теперь уже бывших сожителей перебрался в чистый номер гостиницы.

Даниэлю казалось, что в последнее время отношение бродяг к нему изменилось. С небрежно-приятельской ноты они опустились до откровенной вражды. Конечно, борец за любовь заслуживал больше симпатии, нежели апатично бездействующий тюфяк, готовый существовать на подаяние женщины. А Даниэль стал именно таким! Он пребывал в том состоянии, когда не знаешь, что делать и откуда ждать помощи. Кроме того, старая травма вновь напомнила о себе — юноша больше лежал, с тревогой вслушиваясь в отдаленные звуки гостиничной суеты.

Не иначе отчуждение бродяг вызвано завистью! Наблюдая, как их собрат обнимает богатейшую из женщин страны, как принимает дары из ее униженных кольцами рук, как, не ударив и пальцем о палец, в будущем грозит стать изнеженным баловнем счастья, — нищие кипели от гнева. А он, без того терзаясь муками совести при мысли о муже и дочери Эклы, остро чувствовал себя виноватым.

В их короткие, но жаркие встречи Экла слезно умоляла его еще потерпеть; Даниэль же начинал вести себя словно избалованное дитя: сыпал упреками, кипел преувеличенно возросшим гневом и был уверен, что его поведение будет принято как должное и безропотно прощено.

Экла ничуть не сердилась. В ответ на его яростные выпады она сидела, стыдливо потупив взор. В глубине души Даниэль знал, что его упреки несправедливы, но, памятуя о своем положении в доме Джоанны, в отместку за все когда-либо понесенные унижения, отыгрывал упущенное. Эта несчастная женщина, сполна поплатившаяся за свою беспечность, нежно его любила, и он слишком хорошо это понимал. Он хотел казаться могущественным самому себе, но не представлял, насколько каждая попытка выказать силу делает его слабее...

Даниэль не трудился объяснить себе причин своей ярости. В страхе оказаться неправым он хотел остановиться, но не мог.

— Ты трусиха! — как-то крикнул он ей, скривившись от омерзения к самому себе, которое лишь добавило ему гнева. — Ты только и можешь клясться да болтать всякую амурную чушь, но никогда не сделаешь решительного шага! Или ты хочешь, чтобы я до скончания века ходил у тебя в любовниках? Чтобы мы встречались в гостинице под покровом темноты?

Она сидела в постели, натягивая на себя простыню, и как будто пыталась защититься от его тирады. Ее расширенные глаза, кажущиеся теперь совершенно прозрачными, были полны немого страдания.

— Ты можешь увилить от ответа, кормить меня своей ложью, но никогда — никогда, слышишь? — не сделаешь ничего ради нашей любви! До скончания века ты будешь бояться своего грозного мужа, выпрашивая у него милость!

Его голос звенел, рассыпаясь сотнями иголок, которые ранили Эклу в самое сердце. Даниэль мерил шагами комнату, пока боль в колене не заставила его вскрикнуть от досады и опуститься на кровать.

— Я не откажусь от своих слов: ты подлая трусиха... Рано или поздно ты потеряешь меня. Я не буду ждать вечно! Мне нужно строить свою жизнь!

В мгновение ока она оказалась рядом и, не обращая внимания на спавшую простыню, припала горячим обнаженным телом к его спине, осыпая поцелуями шею и перебирая проворными пальцами волосы.

— Нет! — страстно шептала женщина. — Я запрещаю тебе говорить о разлуке. Меня ничто не остановит. Не думай о плохом, не думай...

После она действительно делала многое, чтобы искоренить дурные мысли. Ненадолго он забывал, но потом возвращался к ним снова. Каждая их встреча порождала в нем большие сомнения. Даниэль жил точно на вулкане — в ожидании возмездия со стороны господина Олсена. «Может, мне следует уговорить ее вернуться в семью? — размышлял молодой человек. — Но так я дам слабину, принесу себя в жертву... Нет! Больше я не буду уступчивым!» Свою новую тактику он называл «твердостью духа». Даже если Экла утратит в его глазах всякую прелесть, даже если он разлюбит ее — он не выпустит ее из объятий своей ненасытной власти. Она будет принадлежать ему в доказательство его первой мужской победы — победы над моралью и честью. Даниэль не подозревал, что та глубокая симпатия, то благоговение, то чистое восхищение Эклой впоследствии сделает из него порочного властолюбца. А она, по неосторожности позволившая «милому мальчику» почувствовать себя хозяином своей судьбы, станет его заложницей.

Вседозволенность пагубно повлияла на впечатлительное сознание Даниэля. Он возгордился. Слишком велик был контраст между ролью покорителя сердец и участью бесславного приспособленца. Отныне он считал себя вправе распоряжаться не только своей судьбой, но и судьбой Эклы.

Однажды, когда Даниэль, припадая на одну ногу, подходил к гостинице после короткой прогулки, путь ему преградил знакомый обитатель Приюта. Корж был чем-то взволнован. Даже не оставив юноше секунды на приветствие, он заговорил:

— Страшное известие потрясло город! Первым делом мы решили предостеречь тебя, ведь ты парень неглупый, пусть и связался с этой... богачкой. Но если ты и дальше будешь волочиться за ней, влипнешь в неприятности!

Даниэль похолодел от предчувствия, сдавившего ему грудь.

— Нет времени, — возразил осведомитель, когда юноша предложил ему пройти в его номер, однако выпить не отказался. Получив деньги, он продолжал:

— Сегодня утром Олсена нашли мертвым в его собственном доме. Накануне он громко спорил с женой — они ругались до потери сознания. Это наверняка она отравила его за то, что он не дал ей развода. Отчаянная особа, ничего не скажешь! А тебе, дружок, нужно поскорей убираться восвояси. Сейчас шумиха поднимется — всему городу было известно про ваши шашни. А убитый так вчера на весь дом и кричал, что скорее умрет, чем отпустит от себя женушку, — тараторил Корж, сверкая белками выпученных глаз. — Оба они — важные птицы. Начнется расследование, отвечать придется тебе. Ты де заставил госпожу

Олсен прикончить мужа. Говаривают, будто еще и на дочь намекал... Рука правосудия пощадит богачку, а тебя — нет. Ты нищий без роду и племени, на тебя спустят всех собак.

— Я не верю, что Олсен мертв! — дрожащим голосом вскричал Элинт. — С чего ему умирать? И Экла... Она здесь не при чем. Она не могла...

Он припомнил ее усталый взгляд, ее решимость, ее исступленную страсть и... осекся. Кто знает?..

Даниэль был поглощен своими мыслями, отчего неожиданный окрик заставил его подскочить, словно на него уже собирались надеть наручники:

— Господин Элинт, вас к телефону!

Он подошел к стойке и взял трубку из рук портье. Голос Эклы полился как из тумана, где она волновалась и захлебывалась от неясного восторга. Страшные сомнения овладели Даниэлем. Он смутно понимал, что говорит женщина, беспечно смеясь и перебивая себя, но в каждом ее слове напряженно искал ответа. Ему хотелось немедля увидеть ее глаза: интересно, какое у них выражение? Что могла бы чувствовать жена, убившая мужа?..

«Нет, — тут же прервал себя Даниэль. — Это случайность, она не могла так поступить». Однако многое противоречило этому.

— Дорогой, мы свободны, всё позади! Ты понимаешь? Нет, ты скажи: понимаешь?!

Он слышал, как она судорожно вздыхает, как шмыгает носом, плача от счастья.

— О, что мне пришлось пережить, Дэни, на что пойти... Я всё расскажу, как только мы встретимся. Ах, не молчи! Скажи, что ты рад! Я не трусиха. Я доказала это. А мой муж...

— Что твой муж? — вдруг со злостью, комком подкатившей к горлу, оборвал ее он. — Твой муж больше не в состоянии нам помешать, не так ли?

— Милый, я не понимаю твоей иронии, — слегка обиделась она, на что получила тяжелое молчание. Даниэль был загнан в тупик. О, как ему хотелось напрямую спросить ее о том, что сказал Корж! И вместе с тем он боялся даже произнести вслух слово «убила». Он не смог бы вынести правду, а тем более — ложь. Конечно, Экла станет извиваться. Она придумает ограбление, самоубийство или сердечный приступ, но правду не признает никогда. «Ужас! — подумал он. — Ведь это я виновен в смерти ее мужа! Это я сделал из доброй феи преступницу, это я оставил ребенка без отца! Я разрушил их брак... Я разрушил целый мир!» И ему уже отнюдь не хотелось ни преклонения, ни власти. Теперь он даже не хотел ее любви... Не такой ценой! Это слишком. Остро захотелось вернуться во времена мирного детства, когда он еще не знал ни навязчивой опеки Джой, ни сладкой преданности Эклы.

— Я скоро приеду. Жди меня, — донеслось в телефонную трубку. — Больше никто не стоит у нас на пути...

Даниэль слушал короткие гудки, затем оцепенело положил трубку на стол рядом с аппаратом и в совершенной беспомощности огляделся по сторонам. Спросить совета... Но у кого? Бродяга, принесший страшную новость, испарился. Через считанные минуты Экла приедет сюда... Он не вынесет ее обманчиво невинный лепет! Паника сковала его.

— Я — чудовище! — сказал Даниэль, придя в номер и плотно затворив за собой дверь.

Да, теперь всё изменилось раз и навсегда. Нельзя сказать, что мечты рухнули — их просто вмиг не стало. Они растворились без следа под давлением страха, от которого хотелось спрятаться, как в детстве с головой зарывшись в одеяло. Но это уже далеко не детские шутки — на карту поставлены жизнь и свобода. Как особо впечатлительный человек, Даниэль знал, что никогда не простит себе участия в этой темной истории. Он должен отказаться от Эклы. Забыть ее — стало самым заветным его желанием... Даниэль полюбил одинокую женщину, он намеревался скрасить ее одиночество, но никогда, даже в самых смелых мечтах не посягнул бы на чужую жену. Разрушить семью — разве это геройство? Это всего лишь грязное дело, за которое придется нести ответ.

Город кипел новостями. «Убит Ричард Олсен», — трубили на каждом углу. Прислуга разнесла известие по всему Сальдаггару не хуже газетчиков. Слухи наводнили улицы подобно грязевому потоку, несомому с гор. А Даниэль бессильно дрожал. Ему хотелось захлопнуть окна, задернуть шторы, запереть дверь, зажать уши... С минуты на минуту он ждал, что за ним придут. Почему же Олсен не пожелал отпустить свою жену? Должно быть, он слишком сильно, слишком странно любил ее...

Даниэль не заметил, как выбрался из гостиницы, стараясь не слушать, о чем говорят на каждом шагу, а затем в слепом бегстве устремился на вокзал. Он бежал, не отдавая себе отчета, куда бежит и зачем, ведь уже одна только мысль о нескончаемых допросах, вынужденной лжи — повергала в ужас, граничащий с отвращением.

Он очнулся в вагоне третьего класса. Рядом находились попутчики, которые, небрежно развалясь кто на деревянных скамейках, а кто прямо на полу, рассказывали байки и громко смеялись. На Даниэля не обращали внимания; он забился в угол и старался не шевелиться. Впереди состава запыхтело, повалил густой пар, и поезд тронулся с места. Медленно, но затем всё быстрее поплыло здание вокзала, фонари с причудливыми завитками, фигуры провожающих; солнечные блики замелькали в просветах между стенами домов...

«Я послужил причиной гибели человека... А как приятно было сознавать, что многое зависит от меня! Что я кто-то, а не пустое место!» Даниэль попытался вспомнить, как выглядел господин Олсен, но не припоминал ничего, кроме орлиного носа и острого взгляда... Что будет с Эклой? Наверное, он ее предаёт. Но ведь он не просил ее совершать убийство! Она дошла до этого сама. Даниэль скорчил презрительную мину: «Такие, как она, не заслуживают сострадания. Лживое, безрассудное существо!»

В это время на перроне случилась суматоха. Кто-то вскрикнул; совершенно неожиданно гуща народа раздалась, расступаясь перед кем-то. Попутчики Даниэля с любопытством взгляделись в окно, и он невольно последовал их примеру. Его сердце дрогнуло, оборвалось и застыло в поверженной немоте. Чувства разметались, притупились и заледенели. Право, он не имеет к происходящему ни прямого, ни косвенного отношения! Он не знает женщину, которая бежит сломя голову, распихивая тех, кто попадает ей на пути. Простоволосая, бледная, с безумным взглядом — это она вызвала переполох. Взволнованно дыша, Даниэль припал к стеклу, и когда Экла заметила его в окне, когда выкрикнула его имя, он отшатнулся вглубь вагона, точно воришка, застигнутый за совершением кражи. Но было поздно: она узнала его и еще энергичнее устремилась вдогонку за уходящим поездом.

«Я не могу остаться! Мы только погубим друг друга, ничего путного не выйдет из нашей

любви!» Вспомнились слова доктора Сормса... Она была ошеломлена, разбита и напугана. Рядом оказался Даниэль. Он проявлял заботу и ласку, был терпелив и кроток; он, гордый осознанием своего влияния, внушил ей ошибочную мысль, что друг без друга они не просуществуют и дня. Именно поэтому Экла впадала в отчаяние, стоило ей намекнуть о разлуке. С момента своей болезни она прилепилась к Даниэлю, словно моллюск — к стенке раковины. Тогда, когда он еще «играл», она давно отказалась от всего напыщенного и фиктивного. Для нее уже не могло быть никакой игры — любовь Эклы превратилась в манию. А мания, как и всякая крайность, отпугивает.

...Она кричала еще и еще. Даниэль окаменел. Больше он не смотрел в окно, но всюду его преследовал ее голос. Он закрадывался в душу мрачной, укоряющей тенью. Поезд набрал скорость, Экла давно уже отстала, отошла в прошлое, но Даниэль слышал до сих пор: «Посмотри на меня! В последний раз! Пожалуйста, Дэни! Посмотри!»

Он так и не посмотрел. Его глаза словно приросли к полу. Даже невежественные попутчики, которые обменивались кривыми ухмылками и отпускали замечания по поводу разразившейся сцены, теперь притихли. Должно быть, исступленная мольба женщины тронула их очерствелые сердца.

Даниэль сидел не шелохнувшись, а когда наконец поднял голову, то заметил, что все смотрят на него: кто с любопытством, кто с осуждением.

— Жестко, — протянул один, передвигая языком папиросу из одного уголка рта в другой.

— Так им, бабам, и надо. Молодчина! Пусть знают, кто в доме хозяин!

Люди принялись галдеть, наперебой обсуждать этот случай. Даниэль ощущал толчки в бок, рассеяно выслушивал вопросы, но, к своему удивлению, не проронил ни звука. Что-то подкатило к горлу, сдавило тело изнутри, словно щупальца спрута. Жгучая боль изливалась из сердца, обжигая слезами глаза.

— Ты что, оглох или не желаешь снизойти до разговора? — недовольно пробурчал докучливый пассажир.

— Оставь его, Рони. Не видишь разве — он плачет.

В преддверии своего тридцать четвертого дня рождения известный беллетрист Рэй Гинсбет стал всерьез подумывать о женитьбе. Думы о семейной жизни делались особенно приятными, когда он видел Лилу... Время для свадьбы было подходящее: трудности миновали, карьера его аккуратно состоялась — «аккуратно» значило, что везде Гинсбет был желанным гостем, его благосклонно слушали, не перебивали и умеренно подвергали критике. Рэй знал, что приятен и любим. В его душе царило умиротворение, выражающееся в спокойном созерцании жизни. Он был состоятелен, но не задавался, оставаясь человеком в меру скромным, в меру общительным и — это отмечали все — наделенным природным обаянием. Его прошлое было покрыто завесой тайны, что лишь подкрепляло уважение и любопытство.

Рэй Гинсбет вел славную жизнь: занимался спортом, много путешествовал, общался с разными людьми, слыл филантропом... Он никуда не торопился, не предавался разгулу, не привлекал к себе внимания, но и не прятался в тень. Несмотря на внешне выдержанный, реалистичный нрав, в глубине души этот человек был подвержен юношескому романтизму. Барышни смутно улавливали это и в разговоре с ним, жеманно краснея, старались всячески угодить.

Гинсбета принимали в лучших домах. Его причуды всегда находили в глазах окружающих восторг и понимание; его красотой восхищались, а, надо признать, он был действительно хорош: высокий, крепко сложенный брюнет с голубыми глазами и нежным овалом лица. Ежедневные пробежки и занятия со штангой взрастили на его руках тугие бугры мышц. Гинсбет был не только силен и галантен, но и обладал развитым умом. Он выглядел как герой из книги и был совершенно не похож на других мужчин светского общества. В нем не чувствовалось грубости; улыбка его была приветливой и лучезарной, а взор внимательным и острым.

Лилу же... Лилу была обычной девушкой, в которой Рэю всё казалось чудесным. С каждым новым днем, с каждой новой встречей его острее тянуло к ней; видеть ее, молча стоять рядом стало для него потребностью. Они познакомились во время пребывания Рэя в Курдзоне, на вечере у мэра. Лишь благодаря этой встрече двухдневная поездка писателя затянулась на три месяца.

Лилу принадлежала к тому типу женщин, которые особо импонируют джентльменам. Она была стройна, кротка, целомудренна, а также отличалась ценным умением выслушивать чужие проблемы и не навязывать при том собственных взглядов.

Лилу говорила мало. Она предпочитала слушать, подперев свою нежную головку маленьким кулачком в бессознательно изящной позе, когда ее серо-зеленые глаза устремлялись вдаль, смотря сквозь собеседника. Ее присутствие было подобно свежему ветерку — шелестом шелкового платья и шлейфом аромата луговых цветов. Светлые локоны открывали точеную шею и линии плеч, чуждых даже легкому загару. Лилу не любила палящего солнца и в полдень выходила из дома под кружевным зонтом. За это Рэй в шутку называл ее снегурочкой, которая боится растаять.

В обществе Лилу вела себя уверенно, но не надменно — скорее дружественно, за что дамы звали ее «наш комнатный ангел». Она будто не замечала обращенных на себя взглядов и уж конечно не видела в этом причин для гордости или дешевого кокетства.

С первой встречи, когда их только представили друг другу, Рэю не пришлось завоевывать расположение своей собеседницы. Лилу сама, казалось, почувствовала его целеустремленную, чистую сущность и потянулась к нему вслед за дарованным ей вниманием. Не прошло и двух дней, как они были признаны самой очаровательной парой. В танце оба двигались одинаково непринужденно. Заворожено глядя друг на друга и посылая приветственные улыбки толпе, они казались воплощением достоинства и благородства. Весь город затаив дыхание ждал объявления помолвки, ведь пара действительно была хороша...

Рэй Гинсбет — очень сильный человек, не сомневалась Лилу. Она имела возможность не раз убеждаться в этом, когда он во время катания на лодке лихо работал веслами или на прогулке по лесу легко переносил ее через ручей. Он многому научил ее; танцевать же с ним было несказанным удовольствием, когда каждый упругий шаг партнера, каждое его плавное движение только подчеркивали грацию стройного девичьего стана; вихрь кружевных юбок и кружение атласных лент, что извивались, точно змеи...

Однако бывали моменты, которые смущали Лилу, отдаляя ее от нового друга. В порыве вальса, в феерические мгновения трепета и экстаза, когда жажда прекрасного достигала своего апогея, порой случалось нечто, что стремительно возвращало девушку к брэнной земле. Что-то зловещее врывалось в их сказку, заставляло опомниться и оглядеться. Из ловкого, умелого танцора Рэй вдруг превращался в замкнутого нелюдима. Его движения, еще секунду назад такие свободные, становились тяжелыми и нервными. Он как будто натыкался на невидимую преграду, начиная странно качаться и прихрамывать.

Когда это случилось в первый раз, Лилу принялась осматривать пол в поисках гвоздя или осколка, но, так ничего и не найдя, повернулась к Гинсбету. «Что с вами?» — хотела спросить она, но друга не оказалось рядом. Странно! Обычно он всегда доводил девушку до ее места...

Вскоре Лилу увидела Рэя. Он торопливо шагал к одному из диванов, двигаясь ровно, но с каким-то неестественным напряжением. Когда же она в волнении приблизилась к нему, то не узнала. Он выглядел злым.

— Я сделала что-то не так? — дрогнувшим от досады на саму себя голосом спросила Лилу.

— Вы наступили мне на ногу, — сдвинув брови, ответил Рэй. Его пылающее лицо приняло выражение детской суровости; уголки губ ползли вниз, а глаза силились улыбнуться. — Право, Лу, оставьте ваши выходки. Будьте взрослой, ведь вы уже не дитя! Если я имел дерзость чем-то досадить вам, скажите прямо.

Его ответ и то, как он отчитал ее, смутило Лилу. Она побелела, потом до корней волос залилась краской и прижала ладони к щекам.

— Я отдала вам ногу? — с ужасом пролепетала девушка. — Я не нарочно... Поверьте, я даже не заметила, как это произошло!

Тут она принялась извиняться, а он небрежно отмахнулся: «Пустяки!», и на том инцидент был исчерпан. Но вскоре всё повторилось снова. На сей раз из вежливости и страха рассердить Рэя Лилу не спросила его, хотя точно знала: странная перемена заключалась не в банальной неловкости. Что-то другое таилось здесь, о чем Рэй не хотел говорить и что заставляло барышню трепетать от тревоги. Но она слишком дорожила дружбой именитого человека, чтобы ему докучать. Лилу молчала. Ей нравилось в Рэе всё, и она бы со смирением приняла любой его недостаток.

В свою очередь Гинсбет не уставал благодарить судьбу за то, что она подарила ему

преданность этого трогательного создания. Лилу не любила говорить о своих родителях. Рэй чувствовал, что напоминание об этом причиняет ей душевную муку, поэтому извечно вел беседы на темы музыки, живописи, книг и... любви. За понимание девушка благодарила его взглядом, а иногда — легким рукопожатием. Гинсбет ни разу не был в ее доме. Они встречались на нейтральной территории: в гостях, на балах и приемах, на пикниках, а также на прогулках по лесу или на яхте — по морю. Рэй никогда не внимал гласу сплетен, но мельком слышал, что родители Лилу — люди мутные. Ему было всё равно. Чистота этой девушки была способна извинить грехи всего мира — по крайней мере, для него одного.

Созерцать ее невинную красу стало для него верхом наслаждения: вытянутый овал лица, подбородок в виде пряничка, чуть вздернутый нос, молочно-белая кожа, белесые ресницы и кроткий взгляд больших глаз цвета морской волны, в которых любовь наметила след особой задумчивости. Однако не одна красота побудила Гинсбета столь поспешно отдать предпочтение этой девушке. Ранее он много ездил из страны в страну и за время своих странствий видел не один десяток женщин поразительной красоты; внешность перестала его интересовать. В Лилу Рэю нравилась улыбка. Разве можно сравнить ее улыбку с фальшивым зубоскальством светских дам? Она освещала лицо изнутри, оживляя в нем каждую черточку, придавая всему облику яркую многогранность. Стоило Лилу улыбнуться, как Рэй чувствовал себя счастливейшим человеком на свете. Ночами, тщетно стараясь уснуть, он с удовольствием оживлял в памяти все их встречи, а писательское воображение помогало ему восстанавливать забытые моменты.

Быть может, Лилу вовсе не была такой уж необыкновенной? Она была одной из барышень на выданье — частичкой многоликой толпы женщин Курдзона. Рэй злился, когда позволял себе так думать. С трепетом он вспоминал, как однажды, легко подхватив девушку на руки, он перенес ее через ручей, что петлял в тенистом сумраке леса, и она покорно прижалась к его плечу... Как после, увидев, что Рэй промочил ноги, она велела ему сесть на поваленное бревно и снять обувь. Когда же он позволил всё это проделать с собой, с хозяйским видом взяла из его рук ботинки и отнесла на озаренную солнцем лужайку, где оставила просыхать.

А как в другой раз на пикнике Лилу испортила платье, зацепившись за куст шиповника, и Рэй был вынужден в течение дня не отходить от нее, дабы прикрывать собой изъян ее наряда. Впрочем, в тот день Гинсбет тихо благодарил злополучный куст...

Перечень маленьких услуг, оказываемых ими друг другу, мог быть неисчислимым. Помимо прочего в обязанности Рэя входило нести зонтик над Лилу при каждой их прогулке. А как прекрасна была их поездка на яхте! Солнце на безоблачном, выцветшем от зноя небе и яркая голубизна волн слепили глаза; ветер обдавал разгоряченные лица прохладными брызгами. Лилу попросилась порулить и взвизгивала, смеясь, когда суденышко, встретив удар волны, трепетало и грозило лечь на бок. Никогда она не была такой привлекательной: ее лицо, розовое под порывами ветра, светилось радостью. С растрепанной копной золотых волос, в соломенной шляпке она выглядела сущим ребенком...

Но чаще Рэй вспоминал тот день, когда они как обычно отправились бродить по дебрям леса в предместье городка. Весь путь, в течение которого друзьям приходилось карабкаться по наклонным скалистым тропам, густо опутанным плющом, перепрыгивать через расселины и обходить грязь, — Лилу крепко держалась за руку своего верного спутника, позволяя ему шутливо препираться с ее женской неловкостью. Но вдруг из-за ближних кустов на них с лаем кинулись два охотничьих пса...

Рэй с содроганием вспоминал, как побелело лицо девушки и как она до боли стиснула его ладонь. Пока хозяин, сыпля извинениями, привязывал и уводил собак, Лилу не проронила ни звука. Она даже не тронулась с места, чтобы спрятаться за спину Гинсбета. Только потом, когда опасность миновала, ее будто что-то подхлестнуло изнутри. Она громко зарыдала, бросившись ему на шею... Рэю пришлось долго успокаивать ее, прежде чем от рыданий вздохнув Лилу не перешла на тихие всхлипывания.

Испуг девушки, ее самообладание и следующий за всем этим всплеск детской беспомощности — потрясли Рэя до глубины души. Но в то же время ему было приятно сознавать, что именно он, а не кто-нибудь еще, является для нее незаменимым защитником — тем, в ком Лилу может без устали черпать силы и энергию. Она нуждается в нем... О, как упоительно сознавать это! При мысли, что Лилу зависит лишь от него, что всей душой желает быть с ним, Рэя захлестнула волна томительной страсти; остатки робости сгинули в небытие — где им и место, — а на поверхности во всей полноте обозначились качества уверенного мужчины-владельца, который умеет играючи держать судьбы людей в своих руках. Да, когда-то, в далекие бесславные времена он позволял людям распорядиться собою, зато сейчас право властвовать и повелевать доставит ему много ни с чем несравнимого удовлетворения.

И Гинсбет, отстранив плачущую девушку от себя, ласково прикоснулся губами к ее влажной щеке, а затем, не встретив сопротивления, впился в ее губы стремительным, жадным поцелуем... Так состоялось их объяснение. Одного взгляда, брошенного на Лилу, было достаточно, чтобы понять: она счастлива...

Три месяца прошли незаметно в катаниях на яхте, конных или пеших прогулках, вечеринках и пикниках. В начале четвертого месяца со дня знакомства Рэй перешел на наступление. Он получил желаемое довольно легко: стоило заикнуться о браке, как Лилу дала согласие. Она, безгранично веря ему, не задумываясь приняла, в сущности, поспешное предложение руки и сердца, но никто ее не осудил. Все знали: так должно быть и так будет... Слишком подходят эти двое друг другу.

Итак, дело осталось за родительским благословением, но Рэй, окрыленный любовью, особо не переживал на сей счет. Его карьера, репутация, да запас приятных слов должны дать отличный результат. Бояться нечего. Хотя права была молва — Лилу оттягивала предстоящую встречу. Да, Гинсбет не мальчик — ему тридцать четыре. Быть может, он уже был женат... Но как обаятелен, как умен этот человек! А в душе он такой же юный, каким был, должно быть, двадцать лет назад. Лилу с ним так интересно! Каждый раз у Рэя готова новая история, завораживающая слух и уносящая в дебри мечтаний.

Нет, отнюдь не родительского запрета боялась Лилу. Она боялась самого Рэя...

Очередная встреча Гинсбета с невестой состоялась на приеме у Дориганов. Вечер происходил в загородном особняке необычной полукруглой формы со стеклянным куполом и рядом высоких сводчатых окон. Хозяева любили лоск и обилие света. Этим объяснялось отсутствие привычного во всех богатых домах тенистого сада — во дворе не было ни одного деревца, отчего в летнюю пору здесь нестерпимо палил зной. Внутри дома жажда света выражалась в легких занавесях из тюля, отказе от плотных гардин и темных обоев. Днем лучи проникали внутрь залы через стеклянный купол, вечером включалась дивная подсветка, и тогда все стены будто оживали, покрываясь золотистыми огнями, словно рождественская ель.

Обстановка комнат сочетала в себе подобие стилей барокко и ампир: блеск и пышность бальных зал граничила с наличием причудливых барельефов. Белоснежные балюстрады плавно перетекали в площадки с мягким диваном и креслами. Начищенный до зеркального блеска паркет и специальная оркестровая ниша обещали незабываемый бал.

Также обилие дорогих вин и игристого шампанского делали Дориганов находкой для гостей. На вечер были приглашены сливки местного общества: писатели, музыканты, поэты, ученые, литературные критики. Праздник вступил в свои права; от выпитого люди оживились, однако слишком степенный это был народ, чтобы разгуляться до умопомрачения. Обстановка сохраняла приличествующее напряжение.

Между тем Рэй Гинсбет был чересчур увлечен своим счастьем, чтобы что-либо замечать, кроме лица любимой. Сегодня Лилу неотступно следовала за женихом, как если бы уже стала его супругой. Вместе, рука об руку они обходили знакомых — они были одним целым. Еще немного, и влюбленные не разлучатся никогда — оба были опьянены предвкушением свадьбы. При виде будущей жены Рэя распирала гордость: очаровательная, хрупкая, она держалась с таким самообладанием, что просто захватывало дух. Ее волосы были собраны в замысловатую прическу, на устройство которой ушло, наверное, не меньше четырех часов; а в ушах покачивались тяжелые серьги и время от времени вспыхивали яркими звездами на фоне празднично освещенной залы. Тонкий стан обхватывало платье нежного палевого оттенка, благородство которого дополняло ожерелье из крупных жемчужин.

Двое из трех братьев Дориган из кожи лезли вон, чтобы угодить своим гостям. Это были подвижные молодые люди: старший, Джон Дориган, с недавнего времени занял место главы семьи, так как отец стал настолько стар, что впал в детство. Младший Джейми — подросток лет одиннадцати, — рос стеснительным и только и делал, что боязливо жался к стене. Однако Лилу — эта внимательная, чуткая Лилу — посмотрев на Рэя извиняющимся взглядом, упорхнула в противоположную часть залы, где быстро нашла подход к хозяйскому мальчику. Гинсбет с улыбкой заметил, как Джейми на пару с девушкой поглощает мороженое из хрустального стакана, отвергнув всякую робость.

«Она особенная!» — вздохнул про себя Рэй, и сердце его, подпрыгнув, заколотилось в необъяснимом волнении. «Она словно фея из сказки!» — добавил мужчина и снова почему-то вздрогнул. В безотчетном порыве он подался вперед, но тут от размышлений его отвлек средний Дориган — Рунэ. Поразительно красивый и непохожий ни на кого в семье, он пользовался своим преимуществом в полной мере. Тонкий блондин с маленькими

ухоженными руками и бледным, нервным лицом, он смотрел на всех небрежно, свысока, утомленно склонив голову и вопросительно выгнув брови. Молодой человек производил огромное впечатление на женщин. Они готовы были влюбиться в него с первого взгляда.

Стоило Рунэ заговорить, как трепетное впечатление о нем улетучивалось: его сиплый, гнусавый голос не вязался с обликом Аполлона. Еще в детстве Дориган сорвал голосовые связки; голос не восстановился до сих пор, усугубленный подростковой метаморфозой. Не только звук голоса, но и темы разговоров этого человека неприглядно обнажали качества его характера, ибо касались в основном сплетен: падения чьей-то репутации, супружеских измен, банкротства и махинаций местных капиталистов. Рунэ хотел выглядеть достойным сыном своей семьи; ему казалось, что в порицании других он сам становится выше.

Мало кто долго выдерживал общество Рунэ. Наверное, многих коробил разительный контраст между внешностью и внутренним содержанием. Постоянной собеседницей Доригана являлась одна вьедливая дама с лицом хищной птицы. Ее звали Циркония Лобервайл. Данной особе трудно было угодить — она оборачивала гнусной стороной любое доброе дело. Частенько ее скрипучий фальцет раздавался по всему дому, громя кого-то в пух и прах. Излюбленным выражением госпожи Лобервайл было: «он не герой моего романа». Эту фразу она произносила всякий раз, когда наводила лорнет на какого-нибудь мужчину. Время шло, а никто так и не знал, как выглядит «герой» Цирконии, наверное потому, что у нее не было никакого «романа». Между тем с Рунэ они полностью понимали друг друга, пересказывая свежие новости, и этот более, чем странный союз укрепился — союз кутилы и невоздержанной, безвкусно одетой дамы.

Однако сегодня запас сплетен иссяк, поэтому Рунэ в слащавой форме пригласил Рэя Гинсбета в свой круг. Неохотно, просто из нежелания оскорбить тот проследовал на балкон, где Циркония, вульгарно раскинувшись в кресле-качалке с сигаретой в зубах, с желчным интересом поджидала «жертву», чтобы раскритиковать ее до основания. Приличные люди боялись этой женщины как огня, но Рэй смело проследовал к ней. Он не понимал, почему его так раздражает Рунэ. Должно быть, причина крылась в пренебрежительном отношении, какое средний Дориган выказывал к Лилу. Скрипя сердце Рэй понял, что и на сей раз разговор пойдет о его возлюбленной.

— А-а! Вы тот счастливчик, который станет мужем милашки Лу! — усмехнулась госпожа Лобервайл, едва удостоив вошедшего взглядом.

Одетая в бесформенное пестрое платье, женщина наматывала на палец прядь курчавых рыжих волос, а ее приятель, всматриваясь в гостя с лакейской улыбкой, явно желал что-то спросить.

Рэй круто обернулся к нему, чтобы порвать с недоговоренностью.

— Вы уже познакомились с родителями Лилу? — лукаво спросил Рунэ.

— Нет, — холодно ответил Рэй, — но собираюсь сделать это.

Сплетники злорадно переглянулись.

— Напрасно вы не сделали этого раньше, — заметил Дориган. — Много потеряли.

— Почему?! — почти выкрикнул, раздражаясь, Гинсбет, но те сделали вид, будто не слышали вопроса.

Разговор резко перешел на отдаленные темы.

— Конечно, дурную наследственность всегда можно оспорить, — чуть погодя проронила Циркония без всякой видимой связи.

— Но отрицать ее тоже нельзя, — горячо подхватил Рунэ. — Каковы родители, таковы и

дети, я так полагаю, — кончил он уже менее уверенно, ибо поймал на себе взгляд Гинсбета, в колючих голубых глазах которого скользнула мрачная догадка. Рунэ испугался. В какой-то момент ему показалось, что тот сейчас же ринется на него, защищая честь невесты. Однако писатель продолжал глядеть на собеседников, словно хищник в ожидании прыжка.

— Да уж! — сказала Циркония, томно опуская глаза. — Порой наследственность играет с людьми злые шутки... Взять к примеру Лилу: образцовая барышня, суший ангел, и кто бы мог подумать, что ее мать уже много лет находится в лечебнице закрытого типа...

Рэй напрягся:

— Что с ней? Она больна? Лу никогда не говорила мне об этом.

— Подождите! Она сообщит вам эту новость сразу после свадьбы.

Прочитав на лице Гинсбета смешение чувств, сплетники воодушевились. Циркония закачалась в кресле, пуская дым, а Рунэ в знак солидарности встал за ее спиной.

— Такое до свадьбы вам никто не скажет...

На фоне темнеющего, словно синий бархат, неба красивое лицо Рунэ вступало в жуткое противоборство с уродливо размалеванным лицом дамы. Когда он говорил, хотелось обернуться, чтобы поискать обладателя столь скверного голоса.

— Что с матерью Лилу? — тихо спросил Рэй в ожидании чего-нибудь рокового.

— О, спросите у вашей невесты! — театрально подкатив глаза, возразила госпожа Лобервайл. — Мы лишь сторонние наблюдатели.

«Теперь они корчат из себя оскорбленную добродетель», — со злобой подумал Рэй. Эти люди несомненно знали больше, чем хотели говорить. Впрочем, они просто желали выдержать паузу, дабы не слишком компрометировать самих себя.

— Кажется, — вскоре пояснил Рунэ, — несчастная страдает шизофренией. Это воистину ужасно.

— Она вдобавок подвержена зависимости от наркотического зелья, — не удержалась Циркония. — Это помогает ей витать в эмпиреях.

— Нужно надеяться, что Лилу пошла в отца...

— Мне всё равно, — процедил Рэй, после чего решительно направился к двери. — Мне плевать на ваши грязные сплетни! — почти закричал он так, что обрывок фразы был слышен в зале. Многие обернулись на разгоряченного человека с потемневшими от гнева глазами. Он выскочил с балкона как ошпаренный и еще долго не мог прийти в себя.

Заметив Лилу, идущую ему навстречу, Гинсбет постарался изобразить беззаботность. Девушка семенящими шажками приблизилась к нему, коснулась рукой его плеча, посмотрела снизу вверх умоляющим взглядом.

— Рэй, тебе уже сказали...

— Их словам я не придам никакого значения до тех пор, пока ты сама не захочешь мне всё рассказать.

Лилу мучительно колебалась: ее любовь схлестнулась со страхом. Иногда Рэй казался ей таким важным, что в сравнении с ним она чувствовала себя пустышкой. Он хотел чего-то огромного, бурлящего, рискованного, чего она не могла ему дать. Лилу была только примерной барышней девятнадцати лет. Всякий раз, когда они бывали вместе, как бы тепло и уютно им не было вдвоем, взгляд Рэя выдавал что-то невысказанное, терзающее. Его глаза смотрели вдаль с ожиданием чего-то, чего упорно не понимала Лилу.

Лилу стыдилась своей матери и вовсе хотела бы от нее отречься, но такой поступок осквернил бы ее добродетель в глазах Рэя. Поэтому девушка отважилась действовать.

— Всё... правда.

Она выговорила это с таким обреченным видом, что Рэй засомневался, ведь она не могла слышать, что именно говорили о ней.

— Ты уверена? — мягко спросил он.

— Да... — На него смотрели большие глаза, исполненные искреннего сожаления.

— Ну-ну, милая, ты невиновата, — поспешил он развеять ее страхи.

— Ты встретишься с моими родителями и сам всё поймешь. Ты им понравишься. А моя мама... Ей особенно интересно будет поговорить с тобой. Ее всегда привлекали люди с... воображением.

Лилу говорила спокойно, но Гинсбет чувствовал стену недосказанности. Уже один тот факт, что она против обыкновения стыдливо опускает глаза, указывал на долю правды в суждениях сплетников.

— Уйдем? — угадал он желание девушки.

— Да.

Рука об руку они миновали долгий ряд комнат, несколько раз были вынуждены приостановиться ради разговора с кем-то из гостей, пока наконец не оказались на улице. Решив пройтись, Лилу и Рэй велели шоферу ехать позади на случай, если они утомятся и пожелают сесть в автомобиль. Вокруг простиралась парковая зона: кроны деревьев тесно смыкались над узкой аллеей. Редкие отблески соседних усадеб бросали вспышки света, и Рэй с жарким томлением замечал, как волосы Лилу загораются сотнями янтарных нитей. Точеный профиль девушки был обращен вниз. Она молчала, глядя себе под ноги. Нечто тяжелое, волнующее скрывалось под маской ее смирения. Нет, Лилу не нервничала, не злилась, не корила себя. Что-то потаенное, тревожное, пылкое сквозило в ее частом дыхании. Рэю казалось, что она хочет что-то сообщить, но не находит подходящих слов. Желая ее ободрить, он рассказал забавную историю, сочиненную на ходу. Лилу рассмеялась, однако смех ее вышел усталым.

— Давай подождем автомобиль, — сказала она, останавливаясь посреди дороги. — Я всё обдумала. Завтра мы поедем к моей матери. Не бойся, она не сумасшедшая, — добавила девушка, уловив опасение в его взгляде. — Я знаю, ты не выносишь нервных людей. Она не такая. Просто она немного странная. Пагубное пристрастие к наркотику медленно убивало маму, и отец решил определить ее на лечение. Я полностью одобряю его волю. Так всем нам гораздо легче, чем было тогда...

Гинсбету меньше всего хотелось встречаться с больной, избитой пороком женщиной. Подобные знакомства оседали в его памяти тошнотворной мутой, но в стремлении поддержать Лилу, в желании оценить ее честность он не нашел сил для отказа. Во всяком случае, как бы ужасно не выглядела ее мать, какой бы омерзительной она ему не показалась, ничто на свете не отвратит его от любимой. Рэй твердо знал, что выдержит любое испытание и не отречется от невесты.

— Хорошо, дорогая, — он крепко пожал ее трепещущую руку. — Всё будет так, как ты скажешь.

Рокот мотора стал близок и вскоре из бархатистого сумрака на аллею выплыло лакированное серебристо-серое авто.

Уже после того, как Гинсбет усадил девушку в автомобиль и сам сел рядом, Лилу с благодарностью обернулась к нему. На его щеке запечатлелось легкое прикосновение поцелуя.

— Спасибо. Ты очень добр. Ты всегда понимаешь меня.

Ему хотелось ее обнять, но он воздержался, опасаясь, как бы его страсть не испугала ее, ведь они еще не были женаты.

— Пожалуйста, говори и ты мне всё, что лежит у тебя на сердце. Я пойму, — пролепетала Лилу в порыве воодушевления. — Право, мне даже совестно делается! Я уже стольким обязана тебе...

— Я запрещаю тебе рассуждать о таких глупостях, — строго возразил Рэй и улыбнулся. Лилу успокоилась. Опасения улеглись под действием его теплого взгляда.

Путь к элитной клинике Бэкарта, в которую была помещена несчастная мать Лилу, выдался долгим и изнурительным. До места назначения пришлось ехать добрых три часа, в духоте и пыли летнего зноя. Витиеватая дорога, словно бесконечная серая лента, сотканная из щебня и песка, столько раз петляла вдоль отвесных скал и исчезала в сыром сумраке тоннелей, что Лилу и Рэй успели вздремнуть, покачиваясь на ухабах, в перерывах между бодрствованием и дремотой перебрасываясь отрывистыми замечаниями. Случилось, что они почти одновременно открыли глаза и сонно посмотрели друг на друга. Несмотря на то, что ее маленькая соломенная шляпка сбилась набок, а локоны рассыпались по плечам, Лилу выглядела мило. Ее дорожный костюм в мелкую синюю клетку, расшитый кружевами по отложному воротнику, туго обхватывал осиную талию — в этом наряде девушка походила на куколку. Рэй в немом восхищении задержал взгляд на прелестном изгибе ее пухлых губ.

— Я никогда не бывал в таких ситуациях, — сказал он задумавшись. — В таких противоречивых ситуациях.

— Ты не хочешь ехать? — спросила она.

— Нет, что ты! Просто я подумал, что должен что-то подарить твоей маме.

— Это совсем необязательно.

— Ты не права.

Они посмотрели друг на друга и вдруг по-детски рассмеялись.

— Взгляни, что я купил.

Девушка с любопытством следила глазами за движениями его рук, аккуратно распаковывающих маленькую коробку. Вскоре из шелестящей оболочки показалась расписная музыкальная шкатулка. Когда Лилу приоткрыла крышку, с ее уст слетел вздох восхищения. По зеркальной поверхности, усыпанной блестками, кружились два лебедя из цветного стекла, склонивших длинные шеи друг к другу. Изящные птицы — воплощение преданности и любви — под тихий грустный мотив медленно вращались по кругу, в котором заключалось их миниатюрное озеро.

— Рэй, это волшебно! Такой подарок послужит знаком нашей с тобой любви, в которой мы будем просить у моей мамы благословения! — воскликнула Лилу, и ее глаза засверкали. — Позже я хорошенько рассмотрю вещицу. Здесь шумно и ужасно трясет!

Чрезвычайно довольный собой, Рэй Гинсбет обратно упаковал подарок. Несколько минут они пребывали в молчании, невольно прокручивая в памяти только что услышанную мелодию. Автомобиль въехал за очередной поворот, за которым путникам предстал высокий забор с глухими воротами.

— Приехали, — объявил шофер.

Лечебницу основали на лоне природы, вдали от посторонних глаз и суеты. Сюда помещались люди благородных кровей — изнеженные, чувствительные и слабые волей. Пациентам гарантировалась конфиденциальность. Она-то и соблюдалась здесь строже всего, ибо мало кто хотел, чтобы в обществе стало известно о его недуге. Это была бы настоящая тюрьма, если б не наличие дорогой мебели, живописного парка с беседками и фонтаном, а также вежливого персонала, предоставляющего больным интересный досуг и превосходную еду. Красивый дом с аркадой из белых колонн утопал в зелени и цветах, но как бы беззаботно ни пели птицы в кустах сирени, тягостного ощущения было не избежать, когда

взор ваш натыкался на решетки, которыми защищалось каждое окно с нежно-розовыми шторами. Кроме того, у ворот дежурила охрана; свидание с обитателями «золоченой клетки» разрешалось лишь с дозволения директора лечебницы, доктора Бэкарта. Зоркие глаза неотступно отслеживали каждый шаг посетителя, на малейший шум мгновенно слеталась стая медицинских сестер.

Пока Лилу беседовала с доктором, который явился, едва узнав о ее прибытии, Гинсбет томился неприятным ощущением от увиденного. Следуя за ними по чистым дорожкам парка, где под журчание воды в фонтане то тут, то там медленно проплывали фигуры, похожие на бесплотные тени, Рэй с тревогой озирался по сторонам: ему не внушали доверия люди, которые двигались, словно призраки в царстве Аида. И впрямь здесь многое казалось бутафорским: и цветники, разбитые по обе стороны дорожки, и уютная терраса, и мраморные колонны дома, погруженные в кружево теней — всё это застыло в оцепенелой дремоте. Лишь работники лечебницы выглядели настоящими живыми людьми: они суетились в разных концах парка. Остальные же витали в сомнамбулизме. Глядя на них, Гинсбет с содроганием отводил глаза, ибо у пациентов были одинаково неподвижные лица-маски. Их мертвые взоры повергали Гинсбета в дрожь. Он вспомнил, что видел нечто подобное на выставке восковых фигур.

— ...я уже объяснял вам, сударыня, что такое наркотики. Зависимость от них практически неискоренима, особенно если нет желания со стороны больного, — внезапно долетели до слуха Рэя слова доктора, которые тот со скорбью говорил опечаленной девушке. — Она физически истощена, подавлена... тем не менее очень упряма: она отказывается помочь самой себе. Мы делаем всё возможное...

Рэй снова перестал слушать. Его сковал липкий, омерзительный ужас, под действием которого даже в шелесте листвы чудилось что-то зловещее. О, неужели у столь очаровательной девушки, как Лилу, может быть такая ужасная мать?! Гинсбет живо представил себе высохшую женщину с остекленевшими глазами. Это видение породило в нем острое желание уйти. Право, он даже не думал, что всё может быть настолько сложно!

— Подождите здесь, — сказал доктор. — Сейчас она к вам выйдет. — Затем он повернулся к Рэю. — А вы, значит, хотите познакомить маму со своим молодым человеком?

Лилу кивнула.

— Знайте же, что на нашей территории следует соблюдать тишину и порядок. Порядок и тишину, да...

Сутулая фигура в белом халате отдалилась от них в направлении дома с зарешеченными окнами.

— О Рэй! — опечаленно воскликнула Лилу. — Всё так плохо! Проклятый наркотик высасывает из нее все соки! Это медленная смерть, Рэй! Моя мама... Вряд ли ей что-нибудь поможет. Слишком уж она пристрастилась. Отец не сразу заметил это за ней. Потом было поздно...

— Не отчаивайся. Нужно верить.

Скованный отвращением, Гинсбет испытал страстное желание защитить любимую от всех бед. Притянув к себе, он обхватил голову невесты обеими руками, словно этим мог оградить ее сознание от мрака, что окружал их. Они долго стояли так посреди тенистой аллеи. Лилу не плакала. Она просто вся сжалась, обнажив перед возлюбленным свои сокровенные переживания. Подумать только: три месяца он ничего о них не знал! Он вовсе не интересовался внутренней жизнью внешне счастливой барышни. А теперь без устали

корил себя за это.

— Рэй! — Лилу ткнулась в его плечо. — Ведь ты меня не покинешь?..

Он горько засмеялся — предположение было дико по своему существу. Неужто он должен ее бросить? Бросить только потому, что ее мать оступилась?

— Лу, очнись! У твоей мамы своя жизнь. Ты не в ответе за ее ошибки, — горячо заговорил мужчина, сжимая девушку в своих объятьях. — Она свое пожила. Она когда-то тоже была молодой, тоже любила. У нее...

Он запнулся: на крыльце обозначилась невысокая худощавая женщина, закутанная в халат китайского шелка. Она недолго постояла, посматривая по сторонам, и начала неторопливо приближаться. Движения выдавали в ней слабость — она шла, покачиваясь и постоянно взглядывая себе под ноги.

Рэй по-прежнему обнимал Лилу, но отчего-то руки его задрожали. Он не мог отвести взгляда от приближающейся фигуры... Вот ему уже прекрасно видно ее бледное, высохшее лицо с морщинками в уголках глаз и губ; поседевшие волосы, собранные в тугий пучок на затылке...

Остановившись в двух шагах от влюбленных, она покачала головой; в ее огромных зеленых глазах — затуманенных, но единственно живых среди остальной неподвижности черт, — скользнула мучительная радость.

— Я перед вами! — громко объявила больная. — Та, что когда-то была женщиной. Теперь вы видите всё, что от нее осталось.

Нет, несмотря ни на что она была хороша. Трудно было определить источник ее неугасимого обаяния. Сломленная, затравленная, покинутая всеми, она оставалась прелестной... Следы былой красоты говорили в ее печальных глазах, в ее неподвижной улыбке, в ее худых, с синими жилками вен руках. С первого взгляда угадывалось тайное горе, подтачивающее корень ее сильной природы. словно могучее дерево с обтесанной корой, она медленно усыхала, отдавая свои жизненные соки.

— Мама! — Лилу бросилась к ней, обняла за талию и неловко подвела к Рэю. — Познакомься, это Рэй Гинсбет. Он писатель. Он очень хороший человек. Смотри же, не обижай его... В будущем мы хотим пожениться.

Девушка порозовела и внимательно посмотрела на мать. Та была невозмутима, только на переносье ее прорезалась морщинка, выражающая вялый интерес.

Тут с женихом приключилась странность. Вместо приветствия он отпрянул, попятился, стянул с головы шляпу, судорожно отер ею лоб и постарался отвернуться.

— Рэй, — сквозь звон звучал где-то голосок Лилу. — Что с тобой? Это моя мама, Экла Олсен.

— Суаль! — железно одернул ее другой женский голос. — Ни за что на свете не назовусь фамилией этого чудовища. Суаль — моя девичья фамилия, унаследованная от отца.

— Мама, прошу тебя! Не надо так о папе...

Лилу сказала это с тоскливой усталостью в голосе, испытывая неловкость от того, что тайные проблемы семьи раскрываются в присутствии жениха. Обе женщины — зрелая и молодая — были слегка обижены друг на друга, что выразилось в продолжительном молчании и косых, укоряющих взглядах. Но здесь не имел места горячий спор. Когда Гинсбет посмотрел на них — посмотрел уже совсем другими глазами — они дулись друг на друга чисто в силу привычки. Очевидно, разговор касался этой темы всякий раз, отчего мать и дочь привыкли к расхождению во мнении. Противоборство утомляло их, но они

продолжали стоически отстаивать каждая свою позицию.

— Мне очень приятно, — опомнившись, бесцветным тоном произнесла женщина, но не подала Гинсбету руки, а лишь сухо кивнула и направилась к беседке.

Гости двинулись следом. Пока они шли за ее спиной, Лилу бросала на жениха вопросительные взгляды. Она ждала, что он уведомит ее о своем понимании, но он не поднял головы — не подал ни единого знака! С возросшей тревогой девушка заметила, как сгорбилась его спина, насколько угрюмо Рэй углубился в свои мысли. Казалось, он теперь принимает какое-то важное, почти роковое решение, которое — очень может быть! — склоняется не в ее пользу.

Лилу была уравновешена и сильна духом, но даже ее закалки не хватило до конца выстоять этот эмоциональный поединок. Ведь до сих пор она, Лилу, создавала впечатление «идеальной» невесты! Глубоко раскаиваясь в том, что настояла на поездке в лечебницу, девушка признала свое бессилье. Ей оставалось лишь позволить событиям идти своим чередом.

— Рэй, мне нужно еще поговорить с доктором. Развлеки пока маму. Я скоро!

Золотистые локоны мелькнули в воздухе, и Гинсбет рассеянно заметил, что невеста почти бегом направилась к крыльцу. Он приостановился на полпути к беседке — перед лицом неизбежного его сердце забилося судорожно и горячо. С помощью четких доводов рассудка мужчина еще пытался успокоиться, чтобы придать себе определенный вес, но шаткое состояние души не поддавалось. Оставаясь наедине с НЕЮ, он испытывал жестокий страх, однако не видел другого пути, как смиренно следовать на «заклание». «Почему Лилу ушла? Скоро ли вернется? Нет-нет, всё верно. Лучше ей вовсе не возвращаться сюда. Ей незачем присутствовать при нашем объяснении».

Моментально сработала защитная реакция — голос изнутри запротестовал: «Чего, собственно, я должен бояться? Прошло столько лет! Я теперь совсем не тот — я ее не знаю». Но одновременно эти же мысли пробудили в нем жгучее чувство вины. Верно: сильный, благородный и знаменитый человек по имени Рэй Гинсбет действительно не знал Эклу Суаль, или Олсен. Он любил ее дочь — и только. Но Даниэль Элинт помнил ее до мельчайших подробностей, ее имя он пронес через всю жизнь. И два разных человека столкнулись лицом к лицу... Рэй Гинсбет с презрением взирал на слабого хромоногую мальчишку — образ, который в течение четырнадцати лет он в себе подавлял и который на удивление оказался живучим.

Рэй направился к беседке, где его дожидалась госпожа Суаль. Она почти не изменилась... Даниэль волновался и ждал момента, когда наконец будет узнан и обвинен. Однако Экла не спешила расставить точки над «и». Закралось сомнение: а сумела бы она продемонстрировать до такой степени натуральный нейтралитет, если бы действительно узнала и вспомнила его?

Прошло четырнадцать лет, и эти годы, безусловно, наложили на нее отпечаток. Экла уже не была энергичной, она также чем-то напоминала ходячую восковую фигуру, как и другие пациенты лечебницы. Ее лицо приняло землисто-серый оттенок, глаза ввалились, губы пребывали в вечной полуусмешке, а взгляд был как у ребенка, которого наказали неизвестно за что. «Она получила по заслугам, убив своего мужа!» — пытался оправдаться Даниэль. Суаль, Олсен... Ну почему он раньше не обратил на это внимание? Почему пропустил мимо ушей редкие рассказы Лилу о своих родителях? Ведь это же ОНА! А Лилу — та самая трогательная пятилетняя девочка в платье, похожем на воздушный бисквит.

Даже став богатым и знаменитым, разве мог Даниэль забыть Эклу? Она была его первой женщиной. Это остаётся навсегда... Кто-то сказал: «От судьбы не убежишь»; только теперь он понял, что это значит.

Четырнадцать лет назад, когда истерзанный муками совести Даниэль возвратился домой, никто не встретил его. Там его не ждали. Он решил оставить свидание с Джоанной «на потом» и первым делом отправился на квартиру своего старшего товарища — господина Рэмбла. Однако заспанная экономка объявила ему, что хозяин давно живет вне дома. В день бегства Даниэля с ним случился удар, и сердобольная Джоанна посчитала своим долгом заботиться о пожилom джентльмене. Рэмбл остался жить в ее доме даже после того, как поправился.хлопоты о больном старике вытеснили обиду на мужа, поэтому когда в проеме двери нарисовалась физиономия неблагодарного скитальца, Джой даже не разозлилась. Она только пожала плечами и попросила развод.

Потом началась другая жизнь, рассказывать о которой в подробностях не имеет смысла. В ней было всё: взлеты и падения, достаток и нищета, разочарования и женские ласки. Было всё то, что в итоге привело его сюда — к той, с которой начались бесплодные поиски счастья. Со временем Даниэль укротил в себе жажду ощущений с помощью твердых строк, в которых облакался полет его фантазии. В писательстве он нашел себе успокоение. Порой ему хотелось перевернуть страницу жизни назад, порой он был готов искать Эклу, но страх и чувство вины за свое бегство оказались слишком серьезной преградой. Даниэль не знал, как себя оправдать. Ему было комфортно в его новом мире; от юноши же, каким его знала Экла, почти ничего не осталось...

— Сегодня у меня праздник. Я нечасто принимаю гостей. Я нахожусь здесь уже три года...

Он вздрогнул, когда она заговорила.

— Три года?

— Да.

Неловкость усугубилась. Их взгляды встретились, и сердце Даниэля упало. «Узнала», — с тоской подумал он. Она не могла не узнать, как бы сильно он ни изменился. Однако женщина вела себя так, как и положено вести себя теще с будущим зятем. Напрасно он ловил

в ее взоре намек — Экла смотрела на него прямо и легко.

Когда-то он любил ее, а теперь предпочел ей другую — молодую и здоровую. От этих мыслей Даниэль почти возненавидел себя. Неужели для мужчин так важна внешность любимой женщины? Что это меняет?

— Вы приезжий? — вяло поинтересовалась Экла.

— Да, — с натугой ответил он.

В том, как она вела себя, не было ничего от ее прежней общительности и жизнелюбья. Она существовала по привычке, по привычке и старалась поддержать разговор.

— У вас серьезные намерения относительно Лилу?

Меньше всего он думал об этом. Лилу стала чужда его сердцу. Вспоминая балы и приемы, где он блистал в паре с этой девушкой, Даниэль понимал, что жил тогда несвоей — придуманной жизнью. Вымышленное имя помогло ему отречься от прошлого, но не позволило его забыть. Воспоминания сильнее преходящей страсти.

Экла начала приличия ради расспрашивать как будто нового знакомого о его жизни, и он, не выдержав, поспешно достал из кармана подарок — музыкальную шкатулку.

— Это мне?

— Да-да, конечно! — почти выкрикнул Даниэль.

Экла углубилась в созерцание вещицы. Ее бескровные, прозрачные пальцы, скованные волнительной дрожью, еще раз бегло прошли по поверхности шкатулки, чтобы ощупью запечатлеть в сознании красоту, и тут же, осмелев, открыли крышку. Зазвенела шарманочная мелодия, от звука которой лицо женщины преобразилось: глаза, губы, подрагивающие крылья носа — выразили всю гамму захлестнувших ее чувств. Надежда засветилась в усталых чертах сперва ярко — затем тихо ушла вглубь израненной души, впитавшей ее подобно тому, как иссушенная зноем земля впитывает влагу.

А лебеди продолжали свое царственное движение по кругу, но — как показалось Даниэлю — ныне с особенным усердием, ведь делали это для НЕЕ.

— Как мило, — опомнившись, с расстановкой пролепетала она. — Я не понимаю одного: зачем столько внимания? Ведь я вам никто! Послушайте моего совета, господин...

Она выжидательно посмотрела на него, но он промолчал, не в силах назвать ей придуманное имя.

— ...дарите что-то подобное моей дочке. А я обойдусь. Мне не положено, — сказала госпожа Суаль, однако подарка не возвратила — слишком уж он ей понравился.

В то самое время Даниэль испытал странную смесь облегчения с разочарованием: она совсем не узнала его. Стоило ли винить в этом годы, наличие у застенчивого юноши усов и представительной осанки? А может, она не узнала, потому что никогда особо не любила его? Он терялся в догадках. Он хотел быть признан, но в то же время боялся разоблачения как огня.

Экла еще несколько раз открывала и закрывала шкатулку, пытаясь возродить в себе первоначальный восторг, но он к ней уже не вернулся. Затянувшееся молчание стало настораживать.

— Я полагала, что люди вашей профессии отличаются красноречием, — иронично заметила она.

Даниэль безмолвствовал — совсем как в день их первой встречи.

— ...Бьюсь об заклад: с Лилу вы болтаете без передышки. Что ж, молчите — я понимаю вас. О чем можно говорить с такой, как я? Мне только читают проповеди о вреде беспутного

образа жизни. Для светских бесед я непригодна.

Вот сейчас нужно было срочно что-нибудь придумать, однако Даниэль терялся, глядя, как Экла нервно постукивает пальцами по крышке шкатулки. Ее поведение приняло какую-то нездоровую живость.

— Знаете, для чего женщине нужна свобода? — вскинув голову, дерзостным тоном спросила она. — Когда-то я очень хотела освободиться от своей семьи... Но женщина ценит свою свободу до тех пор, пока может дарить ее любимому. Если такого нет, свобода ей ни к чему, потому что становится бременем. Такова жизнь! Мы живем по законам природы, которая создала нас. Полная независимость от всех и вся уже является ошибкой... Вы любите Лилу — это неудивительно. Она молода, красива, невинна. Ее репутация не ведает пятен, которые, кстати, имеются даже на Солнце. Но если бы вдруг она стала такой, как я, вы бы любили ее меньше?..

Она будто прочла его мысли. С закравшимся подозрением он быстро поднял глаза. Нет, Экла его не узнавала. Она просто болтала первое, что приходило в ее затуманенную голову и говорила, смотря мимо него. Быть может, она даже не ждала его ответа, но Даниэль, повинувшись рисковому порыву, хотел закричать: «Я полюбил в Лу твое отражение! Глядя на эту девушку, я бессознательно оживлял в своей памяти тебя! Я не Гинсбет. Я тот, кто по-прежнему верен тебе!..»

Слова чуть не сорвались с его языка. Их остановило появление Лилу, которая поговорила с доктором, а теперь опасливо глядела на мать, приобняв Рэя за плечи.

— Кажется, мне пора принимать успокоительное, — вдруг сникнув, сказала Экла.

Весь обратный путь Рэй Гинсбет вел себя с демонстративным пренебрежением. Лилу была неприятно поражена его неуместными остротами, его агрессивной веселостью, его желчным сарказмом. «Что с тобой?» — хотелось спросить ей, но мысль, что причиной всему безумство матери — останавливала. Неудивительно, если Экла успела оскорбить Рэя, пока они были наедине. При дочери она вела себя примерно и даже не несла, как то бывало раньше, разного вздора. Она лишь тихонько покачивалась из стороны в сторону, играясь с музыкальной шкатулкой, точно дитя.

Но Рэй уже не был прежним Рэем. После знакомства с будущей тещей он стал сам не свой, он ожесточился.

— Рэй, при тебе мама не учудила ничего такого? — расхрабрилась Лилу по прибытии в город.

— А что она должна была «учудить»? — раздраженно откликнулся Гинсбет.

— Ну... — бедняжка совсем растерялась. — Раньше она имела особую странность... Всех мужчин в минуты опьянения она принимала за какого-то человека, не моего отца — это точно. Я не знаю, кого так хотела увидеть моя мать на протяжении лет, но только эта причуда едва не довела ее до помешательства. Папе с большим трудом удалось убедить ее в смерти того таинственного человека. Неясно, какие доказательства он употребил, но с тех пор мать перестала ждать незнакомца и замкнулась в себе. Она никого не посвящает в свои тайны. А отец... О Рэй, ты непременно должен с ним познакомиться! Сейчас мы поедem к нам домой. Папа будет очень рад тебя видеть.

Гинсбет приподнялся в автомобильном кресле.

— Твой отец, — начал он срывающимся голосом, — он неродной тебе? Ты имеешь в виду отчима?

Он ждал ответа с таким нетерпением и испугом, как если бы от этого зависела его жизнь.

— С чего ты взял, что я воспитываюсь отчимом? Вероятно, мама что-то наплела тебе. Она зла на отца — они давно в ссоре.

На миг Лилу почудилось, что Гинсбет готов зарыдать. Да, она знала, что у этого человека особо впечатлительная натура, но что могло так его взволновать? Лилу приписывала всё неуравновешенному поведению своей матери. Напрасно она оставила их наедине.

— Мы едем к моему родному отцу, — торжественно объявила девушка.

* * *

Это решительно много для одного дня! Не успев вернуться из одной поездки, Лилу тащила Рэя знакомиться с отцом. Наивной барышне не терпелось сгладить мутный осадок, оставшийся после встречи с ее матерью. Светская выправка господина Олсена должна была компенсировать недостатки его супруги.

Никто не знал, что Рэй Гинсбет находился теперь на грани нервного срыва. Впереди у него еще одна встреча с призраком из прошлого.

Наверное, в Даниэле осталось много ребяческой беспечности к середине четвертого десятка прожитых лет. Любя девушку, он совершенно не интересовался ни ее прошлым, ни настоящим, что характерно в основном для едва оперившихся юнцов. Он просто любил и

просто мечтал об идиллическом будущем, пока все его стремления не обратились в тщету. Так значит, Олсен не был убит. Выходит, он выжил и, дознавшись обо всем, в отместку довел жену до помешательства.

Если по чистой случайности Даниэль был сведен лицом к лицу с Эклой и она не узнала его, то Олсен запросто мог признать в нем бывшего любовника. А вдруг?..

Буйство желчи сменилось в Рэе апатией, когда Лилу под руку повела его через уютный дворик к старинному дому на пересечении двух тихих улиц, где на первом этаже располагалась теперешняя квартира семейства Олсен. Вечер обещал быть душным. Тяжелые дымчатые облака, медленно кружа над землей, давили на пыльные улицы города; чахлые пальмы трепетали на ленивом ветру, а люди томились духотой в своих жилищах.

Ричард Олсен был заранее предупрежден о прибытии вечернего гостя, ибо Лилу по простоте душевной еще накануне рассказала отцу о своих планах. Тот был слишком занят финансовыми делами, чтобы переживать или лезть с советами — он вообще предоставлял девушке полную свободу, — но в этот раз не преминул заметить со скептической усмешкой: «Смотри, как бы твоя полоумная мать не испортила вам праздник!»

Деятельный и прагматичный по натуре, Олсен радовался перспективе скорой свадьбы своей единственной дочери, если, конечно, ее избранник будет человеком достойным. Забота о повзрослевшем ребенке тяготила его, хоть такая послушная барышня, как Лилу, доставляла ему весьма ничтожные хлопоты. Будучи самостоятельной особой, она при этом оставляла некую видимость родительской опеки, что, безусловно, было на руку вечно занятому отцу.

В гостиной Гинсбета встретил рослый мужчина лет пятидесяти, с сухими чертами лица и крупным носом с горбинкой. Олсен почти не изменился, память также не подводила его, судя по тому, как пронизательно скользнули по фигуре Гинсбета его глаза — холодные, с волевым блеском.

— Мы с вами не встречались раньше? — озадаченно осведомился хозяин, пожимая руку гостя.

— Едва ли, — пробормотал тот. — Вы могли видеть меня на обложках моих книг...

— Я не читаю беллетристику. Увы! Не примите на свой счет.

Величественная осанка, орлиный профиль, серебро волос — повергали в трепет перед этим человеком. Ричард Олсен казался верхом всего, что олицетворяет справедливую власть. Гинсбет вскоре вернул себе самообладание. На удивление он не испытал неприязни к мужу Эклы. Прошло столько лет! Горечь обиды истлела, осталось любопытство.

Осмотревшись, Рэй отметил про себя, что обстановка квартиры, где жила Лилу со своим отцом, не отличается роскошным убранством. За прошедшее десятилетие благосостояние семьи пошло на убыль, однако Олсены держались так, что никто не смел усомниться в их достатке. Ричард скрывал беспокойство, тогда как дела его давно уже не шли на лад.

Сумрачная гостиная с высоким потолком, украшенным гипсовой лепниной; несколько невзрачных картин; мягкий старинный ковер под ногами, дубовый секретер и прочая скромная мебель — вот, что увидел Рэй Гинсбет, когда расположился на жесткой кушетке. Сам Олсен, словно вдруг озябнув, накинул на плечи пиджак и поискал глазами сигары. Не найдя их, он повелительным жестом подозвал Лилу, которая стояла тут же, неподалеку, радуясь знаменательному событию в своей жизни, но еще не смеющая делать это открыто.

— Лилу-Айрин, — строго обратился Олсен к дочери, называя ее полное имя, — будь добра принеси из кабинета мой портсигар. Я намерен угостить дорогого гостя.

Девушка повиновалась, а Рэй ощутил нечто такое, что испытывал давеча, оставаясь наедине с Эклой. Они оба — она и ее муж — не узнавали его и едва ли могли это сделать. Может, он в самом деле стал другим?..

Извечный спутник человека — любопытство — и тот самый порыв души, который сегодня утром едва не бросил Даниэля к ногам госпожи Суаль, — побуждал его узнать правду. Что случилось между Олсеном и Эклой? Было ли покушение на самом деле? И что обрекло Эклу на бесславный финал?

— Итак, — Ричард повернулся к гостю, похлопывая себя по ногам, — я рад видеть вас в своем доме. Мою Лилу-Айрин связывают с вами светлые, возвышенные чувства. Уверен, что не за горами тот день, когда вы...

Он еще много говорил торжественным тоном про свою дочь и про «грядущий день», но Даниэль его не слушал. Он не хотел теперь думать о Лилу, ибо с тех пор, как понял, а самое главное прочувствовал ее прямую связь с бесценным образом Эклы, он перестал воспринимать девушку как нечто отдельное. Она стала в его понимании живым продолжением госпожи Суаль, еще одним доказательством его неугасимой любви к своей самой первой женщине. Он с трудом верил, что Лилу всегда являлась дочерью Эклы. Но как бы то ни было, с осознанием этого факта все добродетели девушки вмиг перестали для него

существовать. Из желанной невесты она вдруг превратилась в несмышленную пятилетнюю девочку — отныне Даниэль смотрел на нее свысока. Лишь Экла могла быть желанной, лишь она имела право повелевать им. «Всего-навсего» дочь обречена навечно остаться в тени очарования своей матери.

Пока Рэй внутри себя отрекался от невесты, все вокруг были настроены иначе. Сама она сидела рядом, светясь от счастья...

— Ты поторопила слуг? — спросил отец. — Что-то ужин запаздывает. Ну ничего. Мы пока с господином Гинсбетом выкурим по сигаре...

— Я помогу накрывать на стол, — сказала девушка.

Провожая ее взглядом, Даниэль испытал нечто вроде сожаления. Правда, как жаль, что им не быть вместе, ведь Лу так хороша!.. От матери в ней улыбка, большие выразительные глаза и волосы — пышные, словно золотое облако. Есть, конечно, крупички и от отца: Олсен походит на дочь, когда, потеряв нить разговора, беспомощно смотрит перед собой. Тогда из его глаз ненадолго исчезает холодный энергичный блеск.

Они закурили, беседа на отвлеченные темы. Олсен был воспитанным, но поразительно скучным человеком. Всё его мышление сводилось к деньгам, выгоде, удаче или неудаче... Он разумел только два понятия: «опасность» и «благополучие». Поэтому, болтая с ним, Даниэль мог размышлять о своем.

— Сегодня вы побывали у матери Лилу, — сказал вдруг Олсен, странно понизив голос. — Надеюсь, эта особа не вызвала у вас сомнений?

— Сомнений? — Даниэль невольно съежился, вспомнив выражение лица своего нынешнего собеседника при их единственной встрече четырнадцать лет назад. — Я... не понимаю вас.

— Не понимаете? — тот хищно усмехнулся. — Вы порядочный человек, господин Гинсбет. Ваши книги популярны в нашем городе. Исходя из этого, мне становится совестно перед вами, — с неожиданным благоговением заговорил Олсен. — У меня такая, гм, странная жена, у Лилу — такая безобразная мать. Да она и не мать ей вовсе! Наверное, если б можно было переместить плод в чрево другой женщины, она и роды поручила бы какой-нибудь гувернантке! Простите за откровенность, господин Гинсбет... Но она только родила Лилу-Айрин — остальное ее не интересовало. У нее были другие заботы, например...

В эту минуту вошла Лилу, тем самым избавив своего жениха от продолжения невыносимого разговора. Ужин прошел в тихой семейной обстановке. В столовой были сиренево-бежевые стены, что как будто делали помещение прохладным. Гинсбет остался доволен своим поведением: он пока ничем не выдал себя. Однако трудно было отделаться от мысли, что в лице господина Олсена видишь не призрак, а живого человека. Откуда же взялись тогда слухи о его смерти, наводнившие весь Сальдаггар? Даниэль всё больше хотел узнать правду, и правда не заставила себя долго ждать.

Еще за столом Ричард часто наполнял бокалы, а потом, когда все вновь перебрались под мягкий электрический свет гостиной, продолжил распивать вино, что делал без меры. Под действием зеленого змия внешне хладнокровный человек размяк и стал походить на шута. Олсен развалился в кресле, откуда говорил без умолку, даже не смотря, интересно ли окружающим слушать его разглагольствования.

Лилу смутилась — оба родителя немилосердно подводили ее. Она бросала на жениха молящие взоры, прося о понимании и поддержке, но тот, казалось, вовсе забыл о ее существовании и сосредоточенно сидел, зажав руки между колен. Лицо Гинсбета носило

следы мрачной усталости.

— Послушайте-ка, что я вам расскажу, — подкатив налитые кровью глаза, пробормотал Олсен, уткнув подбородок в грудь и пуская слюни. — Я ведь однажды убил себя...

— Отец, прошу тебя! — взмолилась Лилу. — Позволь мне отвести тебя в спальню.

— Нет! Я еще не закончил, — с яростной твердостью выпалил родитель. — Разве не видишь — гостю интересно слушать!

Лилу машинально обернулась на своего жениха. И впрямь, еще минуту назад утомленный, он теперь глядел на оратора с неподдельным вниманием.

— Вам будет презанятно послушать такую историйку, — продолжал Олсен, довольный собою. — В ней много пошлости, да только это неважно.

— Я весь внимание! — поспешно подхватил Гинсбет.

— Много лет назад моя глупая жена увлеклась каким-то бесцветным мальчишкой. Представьте себе, Гинсбет, она настолько сдурела, что привела его в наш дом — на глаза мне и дочери! Я запрещал ей как мог, но бесстыдница продолжала встречаться с любовником и даже грозилась совсем уйти из дому. Я был обязан сохранить семью. Такая миссия возлагается на каждого мужчину, который хоть чуточку уважает свое отцовство. Я долго думал. Мысль, что какой-то смазливый юнец уведет жену прямо из-под моего носа, приводила меня в бешенство. Ситуация зашла слишком далеко и было уже не до шуток. Тогда я инсценировал собственную смерть. Представляете?! А предварительно подкупил слуг, чтобы они разнесли сплетню о моем убийстве. На один день весь город должен был думать, будто жена меня отравила. А город быстро купился на дешевый трюк. И что вы думаете? Любовник испугался и сбежал от моей женушки в то же утро! Каково, а? Действительно, кому захочется иметь дело с убийцей?.. Заодно и проверились намерения любвеобильного молодчика, ведь, как известно, между сердцем и тюрьмой выбирать не приходится.

Рэй выпрямился и побледнел.

— И что? — холодно, почти враждебно сказал он. — Чего вы добились? Разве вы сохранили семью?

Молодцеватый настрой Олсена как ветром сдуло. Видно, он ожидал от собеседника чего угодно: безразличия ли, одобрения — но не дерзкого тона, в котором звенел упрек. Олсен не мог представить, что столь почтенный человек вдруг примет сторону темных отношений.

— Вы не сохранили семью! — с жаром, дрожа от негодования, выкрикнул гость, вскочив со своего места. — Вы сохранили лишь ее видимость!

— Я защищал репутацию. В конце концов, тогда я еще любил свою жену! Я не дал бы ей уйти с первым встречным.

— А не подумали ли вы, достопочтенный отец семейства, что отпустив ее с тем парнем, вы бы сделали ее счастливой? Быть может, она никогда бы не впала в зависимость от наркотиков! — в голосе Гинсбета звучала неприкрытая ненависть. Потрясая в воздухе кулаками, он носился по комнате, словно дикий зверь. Лилу онемела от ужаса. Она хотела взять жениха за руку, успокоить, расспросить, но он, ослепленный минутным бредом, яростно отмахнулся от нее. Невидящее лицо его исказилось таким гневом, что у Лилу враз отпало желание как-либо препятствовать происходящему. Горько обиженная, едва не плача, она забилась в угол и закрыла лицо руками. Бедняжка решительно ничего не понимала.

— Вы больны ребячеством, — прохрюкал Олсен, отхлебывая из наполненного доверху

стакана. Через пять минут он уже всю хралел, а вызванная дочерью служанка принялась стыдливо стаскивать с хозяина обувь.

Слегка покачиваясь, девушка подошла к противоположной стене и сделала вид, будто рассматривает картину. В свете люстры ее белокурые волосы заиграли лунным блеском, и вся эта трепетная фигурка являла напряженный вопрос. Рэй ждал, что Лилу молча удалится, ведь он только что едва не ударил ее. Он непростительно забылся, не выдержал экзамена, устроенного ему судьбой!

Гинсбет с сомнением смотрел на свою невесту. Теперь самое время всё открыть ей. Он вздохнул полной грудью, но... слова застряли у него в горле.

В этот момент пришел в себя хозяин дома. Сознание вернулось к нему ненадолго.

— Он не любил ее, — прошептал пьяный, не разлепляя век. — Если бы он ее любил, то не сбежал бы...

От этих слов гость взвился, словно ужаленный пчелой. Он крепко сжал кулаки и зубы, однако, не проронив ни слова, быстро вышел. В полутьме, наедине с мрачной недвижимостью ночи и тяжело колотящимся сердцем проследовал к калитке. Тихий, но выразительный оклик остановил его. Обернувшись, Гинсбет увидел девичий силуэт; Лилу пересекла дворик и замерла, прильнув к обратной стороне забора.

— Рэй, прости меня за отца, — задыхаясь от волнения, промолвила она. — Он крепко выпил и уже на утро не будет ничего помнить.

— Это... это хорошо, — неизвестно зачем проговорил Гинсбет.

Ему было странно наблюдать трогательную преданность девушки, должной теперь чувствовать себя оскорбленной. Вместо справедливых упреков Лилу доверчиво ластилась к нему. Она, чистая душой и телом, во всем случившемся винила одну себя. Она просто не верила, что возлюбленный может быть с ней в чем-то нечестен.

Чувствуя прилив внезапной нежности, Рэй вернулся и провел рукой по ее пышным волосам. В этом жесте не было страсти, а была лишь невинная ласка — милость взрослого в отношении безобидного, но глупого существа. В ответ она, вся затрепетав, крепко его обняла.

— Рэй, забудь обо всем, — прошептала Лилу. — По-моему, ты принимаешь всё слишком близко к сердцу.

Когда она была рядом, когда он прижимал ее к своей груди, тревоги куда-то отступали. Святая доброта Лилу рассеяла мрачную тучу. Рэй успокоился, однако что-то в его существе бесповоротно изменилось. После встречи с Эклой, когда она вновь предстала его взору после долгих лет, да еще удостоверившись в том, что с ее стороны не было никакой вины, он словно стал другим человеком. Даже не раскаяние в юношеской поспешности, принудившей его сбежать, а жажда исправить давнюю ошибку овладела всеми его помыслами. Он оставался спокоен, потому что четко знал свою цель...

Лилу поневоле могла составить ему серьезное препятствие, и Рэй Гинсбет, превратившийся в Даниэля Элинга, хотел бы сейчас же разорвать помолвку, но в память о счастливых днях, проведенных с этой девушкой, временно пощадил ее.

— Лу, мне надо идти.

— Ты придешь к нам завтра?

— Да, — по привычке ни в чем не отказывать ей сказал было Гинсбет, но вспомнил о своей перемене и добавил: — Не знаю.

Новые мысли, новые ощущения, новые планы гнали его вперед, и он быстро пошел, если

не сказать «побежал» к своей гостинице.

Едва ли Даниэль сомкнул глаза в эту ночь, ведь многое нужно было решить, со многим проститься! Не раздеваясь и не зажигая свет, он нервно ходил по комнате, изредка бросался на кровать, зарывался в подушку... Затем вскакивал и устремлялся к освещенному уличным светом окну, отодвигал атласные шторы... Отсюда как на ладони был виден порт, озаренный яркими прожекторами, до слуха время от времени доносились протяжные гудки пароходов. Эти далекие, зовущие звуки подгоняли встревоженного человека, заставляли его мысли работать быстрее.

— Уехать, — на выдохе говорил он себе. — Забрать ее с собой...

Но тут же в темном овале зеркала сквозил лик невинной Лилу. Он обманет ее. Предаст. Покинет. Пусть! Она еще молода — в ее распоряжении целая жизнь, у нее еще будет армия страстных поклонников.

Впрочем, думы Даниэля мало касались несчастной девушки. Он сделался одержим своей воскресшей любовью и, улыбаясь темноте, шептал обращения к разбуженному сердцу...

* * *

Нетрудно догадаться, каким стал его следующий шаг: он снова поехал к НЕЙ. Одержимый порыв руководил им. Он даже не представлял, какой будет их новая встреча и что скажет он женщине, которая по его вине впала в зависимость от яда. Даниэль просто хотел видеть ее — на том объяснения исчерпывались.

«По старой памяти», оставшейся со вчерашнего дня, доктор Бэкарт допустил посетителя к пациентке. На всякий случай тот аргументировал свой визит просьбой Лилу, и директор лечебницы, как ни странно, постиг чувства жениха, выполняющего каприз своей невесты. Даниэль плохо понимал, что именно говорил и на какие пускался уловки, строя из себя ленивого светского льва. «Лу — очень заботливая дочь. Она хочет, чтобы я скрасил одиночество ее матери», — кажется, что-то подобное употреблял он в своих речах.

Доктор со вниманием выслушал, после чего допустил посетителя в «святая святых».

Чем дальше Даниэль углублялся в мертвенно-тихие недра замкнутого со всех сторон парка, тем болезненней сжималось его сердце. Знать, что Экла уже три года находится в этой клетке и бездействовать — было выше его сил. Между тем не успел он поплутать по лабиринтам аллей, где, кстати сказать, ради соблюдения устава хорошо просматривалась каждая дорожка, — как увидел женщину, торопливо идущую ему навстречу. Она шла скоро, насколько ей позволяли это полы длинного халата. Она замедлила шаг, желая удостовериться в увиденном, а затем широко улыбнулась и еще пуще заспешила к неожиданному гостю.

— Это вы! — радостно воскликнула Экла, протягивая Гинсбету обе руки.

Он растерялся, покраснел и стыдливо опустил глаза, но лучащийся, всеобъемлющий, прежний взгляд любимой прибавил ему сил. Пожимая ее холодные, едва ощутимые пальцы, Даниэль не слышал ничего, кроме бешеного стука собственного сердца. Экла что-то говорила, склоняя к нему свое бледное, по-прежнему прекрасное лицо с четкими, словно высеченными из камня чертами; ее губы шевелились, но Элинт не разбирал слов до тех пор, пока глаза женщины не округлились в испуге.

— Вам дурно? Где Лилу? — спрашивала Экла, озадаченно сдвинув брови.

— Я один, — с усилием вымолвил он. — Я приехал один.

Она изумилась еще больше. Первоначальная радость сменилась в ней тревогой. Но госпожа Суаль никогда не была нервной особой. Даже сейчас она прекрасно владела собой.

— Что случилось? Да говорите же!

Он мялся, конфузился, зябко пожимал плечами. Лишь после того, как Экла вознамерилась идти за разъяснениями к доктору Бэкарту, до его сознания дошло, что она попросту не ожидает от постороннего человека участия к себе.

— Я приехал просто так. Неужели это невозможно?

Она медленно обернулась. Казалось, никакое другое заявление не удивило бы ее больше.

— Вы? Ко мне? Просто так? Чем вам может быть интересно мое общество? Я всего лишь больная старуха, которая мирно доживает свой век.

— Не смейте так говорить! — он гневно сдвинул ее руку. — Вы красивая, а ваши слова — всего лишь прием, с помощью которого вы пытаетесь набить себе цену.

— Да? — Она притворно вздохнула, исподлобья окинув его беглым, лукавым взглядом чисто женского превосходства.

— Да, — Он, в свою очередь, не поднимал глаз. — Я приехал к вам — и всё тут.

— Ладно. Коль уж вы явились, так просто я вас не выпущу. Извольте следовать на допрос.

Экла жестом легкого кокетства продела свою руку под его локоть, а затем увлекла к беседке, где к своему неудовольствию Даниэль заметил еще нескольких женщин. Но прежде Экла подвергла своего гостя расспросам. Ее голос звучал мягко, временами даже переходя на игривые нотки:

— Скажите прямо: вас попросила приехать Лилу? Кивните, если вам трудно сказать «да». Я не обижусь, напротив — буду вам признательна за честность.

Даниэль яростно замотал головой:

— Нет. Я сам.

— Вот как? Не сознаетесь, негодник!

Она шутливо постучала по его плечу концом потрепанного веера, который всё это время болтался у нее на запястье.

— Что вас удивляет? — не выдержал он. — Неужели я не могу просто посетить вас?

— Не можете, — с грустной веселостью возразила она. — Особенно вы... Кто угодно, а вы — никак не можете.

— Почему же?

— Ах! — Экла вздохнула.

— Не увливайте. Я задал вопрос.

— Вы слишком привлекательный мужчина для того, чтобы навещать меня, — ответила она после долгого молчания. — К тому же вы очень напоминаете мне...

Женщины в беседке позвали ее, и Экла не договорила. Подумать только: он «напоминал» ей самого себя! Между тем госпожа Суаль стала поочередно знакомить его со своими приятельницами.

— Прошу любить и жаловать: мой будущий зять, — торжественно объявила она. Даниэля покорило от этих слов. Почему она до сих пор его не узнала? Да, он повзрослел, он стал мужчиной, но по-прежнему был готов стелиться у ее ног...

А может, она узнала его с первой минуты, но из любви к дочери решила принести себя в

жертву? В этом случае нужно немедленно всё прояснить. Даниэль решил объясниться сразу, как только они останутся наедине.

Нервозные дамы скоро удалились, испытывая стеснение при появлении постороннего в таком деликатном месте. Даниэль не осмелился привести в исполнение данное себе обещание. Он боялся, что с открытием правды благосклонное настроение Эклы исчезнет, и она прогонит его.

— Полюбуйтесь, — с видом заговорщика шепнула Экла, когда они остались одни. — Я не расстаюсь с ней.

Она извлекла из-под полы халата музыкальную шкатулку.

— Не надо, — Даниэль положил свою руку на руку женщины, когда она хотела приподнять крышку. — Не хочу слышать грустную мелодию.

— Однако ж вы чувствительный!.. — многозначительно заметила Экла. — Раз вы пришли ко мне (правда не знаю, с какой целью), то я выжму из вас все соки. Сегодня вы будете слугой моих барских прихотей.

Она выжидательно помолчала, но на его лице не отразилось никаких эмоций.

— Не хотите уйти? Пока не поздно...

— Я не уйду. — Он решительно посмотрел в ее чистые, почти прозрачные глаза с черными бусинками зрачков и на сей раз постарался не отвести пристального взора.

— Хорошо. Я не против — мне скучно. Но предупреждаю: я вам не Лилу. От меня вы так просто не уйдете.

— Что ж! Я не привык искать легких путей!

Они провели незабываемый день — настолько интересный, насколько это вообще возможно в напряженной больничной тиши. Экла и до странности услужливый избранник ее дочери вдоволь гуляли по парку, держась за руки, украдкой от зорких санитаров мочили ноги в нагретой солнцем воде фонтана, читали вслух свежие газеты, сделали три оборота под вальс, льющийся из дребезжащего радиоприемника... Вопреки строгим устоям клиники Экла громко, заразительно смеялась — совсем как девчонка, и Даниэль думал, не переставая удивляться: «Как мог я жить без нее? Как мог обнимать других женщин?..» Раньше он «замораживал» свои чувства к Экле мыслью о ее преступлении. Убийство человека он не мог ей простить. Но теперь... Теперь!

— Вы разбудили меня от долгого сна, — в конце дня призналась Экла. Она вела гостя к выходу из парка, при том нельзя было не заметить, как она всеми силами оттягивает прощание.

— Я приеду к вам еще... Завтра! — пришло в голову спасительное решение, однако госпожа Суаль не обрадовалась:

— Не надо навещать меня столь часто. Будет неправильно, если жених проявит столько неоправданного внимания к будущей теще. Вы просто обязаны дарить всё свое время одной Лилу!

Даниэль поморщился. То, что Экла упрямо не узнавала его, начало его раздражать. И в то же время он уверился, что она его не забыла и по-прежнему любит. Он каким-то непостижимым образом уловил искру любви в ее взгляде. А теперь они должны были расстаться вновь. И, что ужаснее всего, он больше не сможет навещать ее.

— Вы хотите изменить свою жизнь? — Даниэль выпалил сверливший его вопрос так внезапно, что она встрепенулась.

— Нет.

— Почему? Неужто вам нравится жить в заточении?

Экла поглядела на него испытующим взглядом старца, ведущего поучительную беседу с учеником.

— Отчего же в заточении? Я абсолютно свободна. Мне бы только захотеть уйти... Я как та пташка, прирученная людьми, которая не улетает даже когда открываешь дверцу клетки.

— Вам нравится здесь?! — Он даже остановился, дабы выразить всю полноту своих эмоций.

Экла не выдержала и отвернулась.

— Мне здесь вполне удобно. Да, мне нравится здесь.

— Нравится?! — возмущенно переспросил он.

Она тихо кивнула, но остальное выразил ее взгляд, преисполненный немой муки.

— Я так и думал! — резко сказал Даниэль, не скрывая своего мрачного удовлетворения. — Но раз уж, исходя из ваших же слов, вы «свободная птица», то докажите мне это.

Им овладело какое-то демонстративное бешенство.

— Доказать? — Экла непонимающе округлила глаза. — Но что?!

— Доказать, что вы свободны. Что вас не сдерживают эти засовы, что вы вольны уйти, когда только пожелаете.

— Я... не знаю, — она замялась. — Быть может, в другой раз...

— Нет. Если вы не солгали, то мы вместе сейчас выйдем в эти ворота, и вы проводите меня до машины.

И он потащил ее к выходу, где у проходной маячила фигура охранника. Экла побледнела, попыталась вырваться, но быстро сдалась. Они уже почти достигли ворот, как дорогу им преградил представитель службы безопасности. Досадуя, Даниэль попытался пробиться грудью, но тут же получил недвусмысленный отпор.

— Что это значит?! — побагровев, вскричал он. — Я буду жаловаться!

На физиономии охранника возникла тупая ухмылка.

— Жалуйтесь. У нас распоряжение не выпускать пациентов без специального разрешения.

— Что? — до сознания Даниэля туго доходил смысл слов. Слепая ярость душила его. — Леди проводит меня до автомобиля и сразу вернется. Это никак не повредит...

— Необходимо письменное разрешение доктора, заверенное печатью, — выдрессированным попугаем заладил тот.

— Так пойдите к доктору и возьмите его! — вне себя вскричал Даниэль, поворачиваясь к Экле. Она смотрела на него широко раскрытыми, беспомощными глазами.

— Бэкарт ничего мне не даст. Всё решают мои опекуны... — смиренно опустив голову, призналась она. — Но прошу вас, господин Гинсбет, не пытайтесь уговорить Лилу или... ее отца. Зачем? Что я стану делать с собой, если вдруг выйду отсюда? Мне уже всё равно.

— Здесь вы погибните, — не без внутреннего содрогания возразил он.

Она рассмеялась глухим, безжизненным смехом, который будто доносился из-под земли.

— Вы так уверены, мой милый, что та же участь минует меня на воле? О, там я погибну скорее.

— Вы заблуждаетесь.

— По-моему, заблуждаетесь как раз вы...

— Оставим пока эту тему. Только помните, очень вас прошу: вы не одиноки!

Ответом ему послужил недоверчивый взгляд. Ее большие светлые глаза с легким прищуром говорили: «Нет, мой милый. Лично ты забудешь о моем существовании сразу, как только переступишь порог...» Однако слишком уперт был Даниэль, чтобы быстро сдаться. Он оставил без внимания укоряющий взгляд Эклы и крепко, с обещанием пожал ее слабую ладонь.

— Не приходите больше сюда. Так будет лучше, — чуть слышно прошептала она.

* * *

На протяжении всего пути к Курдзону беллетрист Рэй Гинсбет, или никому неизвестный Даниэль Элинт, сосредоточенно смотрел в окно, ни на минуту не переменяв окаменелой позы. Автомобиль устало петлял, оставляя после себя облако пыли, которое, покружив в воздухе, плавно опускалось к земле.

А в парке лечебницы было прохладно даже в такую жару. Там, словно в оранжерее, поддерживали одну и ту же благоприятную атмосферу для чахлах, зашуганных созданий. Подобные условия не годились для энергичной Эклы с ее звучным голосом, пламенным взглядом и бурным выражением чувств! Даниэль с трудом представлял, как ей удалось следовать распорядку клиники столь долгое время, ведь, судя по их последней встрече, госпожа Суаль мало изменилась! Уголки губ Даниэля дрогнули и поползли вверх, когда он

вспомнил рассказ Эклы об одной пациентке, которая в нервном припадке опрокинула на голову сестры поднос с едой, после чего принялась выть и лупить железной миской по стенам. Экла говорила об этом ужасе с улыбкой и даже с неким азартом, как будто имела в виду проделки детей. К своим товарищам по несчастью она относилась с сочувствием и добротой, а те благоговели перед ее выдержкой и авторитетом. Экла разительно отличалась от других пациенток лечебницы — ее с натяжкой можно было назвать больной...

Гинсбет спокойно расплатился с шофером, спокойно вошел в вестибюль гостиницы, спокойно поднялся на свой этаж, но только за ним закрылась дверь его номера, как он скривился и зарыдал, припав к холодной двери, пахнущей лаком.

— Прости меня! Прости! — всхлипывал он, перебирая руками по деревянной поверхности, точно лаская драгоценное тело любимой. Он долго предавался страданиям — с упоением, подобно пьянице, который во хмелю толкает себя на сладкие совестливые муки...

Через два часа Гинсбет как ни в чем не бывало подходил к дому Олсенов. Однако трудно провести любящее сердце: с первого взгляда Лилу отметила «неважный» вид жениха, на что Рэй ответил какой-то расхожей фразой.

Он проследовал в сумрачную гостиную, по стенам которой скользили печальные отблески уходящего дня.

— Ты точно в порядке? — спросила вошедшая следом Лилу.

«Откройся ей!» — шепнул внутренний голос, но Даниэль не хотел делать преждевременных открытий. Притворство отчасти возвеличивало его в собственных глазах...

В тот день Гинсбет особо важничал, восседал в монарших позах и порой даже дерзко отмалчивался в ответ на заботливые вопросы Лилу. Из желанной и незаменимой эта девушка превратилась для него в слабоумное инфантильное существо, неспособное принимать самостоятельных решений.

А ни в чем неповинная барышня всё больше грустнела; когда явился отец, она усилием воли вызвала на свое лицо мученическое подобие улыбки.

Ричард Олсен выглядел озабоченным. Он быстро вошел, быстро стрельнул глазами, задержал взгляд на госте и... нахмурился, словно вспомнил о чем-то неприятном.

— Ба, господин Гинсбет! — процедил сквозь зубы он и пожал протянутую руку. — Я слышал, вы вновь посетили мою жену... О-о! Вы удивлены моей осведомленностью? Значит, я сейчас сболтнул что-то лишнее... Поясню: доктор Бэкарт обязан докладывать мне обо всех посетителях. Информировать меня — его прямая обязанность.

— Рэй, ты был у мамы? Но зачем?!

С одной стороны Олсен буравил гостя подозрительным взглядом, с другой — Лилу теребила его за рукав. От их пристрастных нападок у Гинсбета задергалось лицо, и он потупился, чтобы скрыть эмоции.

— Нет, вы не подумайте, что я против, — поспешил разуверить его отец. — Хотя... я ведь действительно против! Понимаете, эта женщина уже много лет держит нас, гм, на «осадном положении». Чем меньше у нее сношений с внешним миром, тем лучше. Это относится абсолютно ко всем, ваша личность здесь не при чем. А теперь скажите мне, — он перешел на таинственный полусшепот, — Экла ни о чем не просила вас? Поверьте, это крайне важно!

Встрепенувшись, Рэй поднял голову:

— Нет...

— Очень хорошо. — Олсен вздохнул без должного облегчения. — Знайте впредь: если вдруг она попросит оказать ей... э-э ... некую услугу... Скажите об этом мне. И ни в коем случае не удовлетворяйте просьбу этой хитрой особы!

— Хитрой? — Рэй с вызовом поглядел на собеседника. — А мне она показалась такой простодушной, даже невинной.

— Невинной! — не удержавшись, громко расхохотался тот. — Мне пришлось прожить с этой женщиной много лет, и то я лишь недавно постиг ее хитрость... А сейчас вы объясните, что именно привело вас к моей жене. Я имею право знать это.

Олсен основательно уселся в свое любимое кресло подле рояля, с клавиш которого Лилу тем временем смахивала пыль, изредка поглядывая на говорящих.

— Вы спрашиваете меня... — Рэй запнулся, силясь выглядеть непринужденно. — Вы ревнуете, господин Олсен?

— В моем возрасте не ревнуют. Речь идет о куда более важных вещах, молодой человек, — совершенно невозмутимо отозвался тот.

Лилу тихо брала первые аккорды. Ее профиль низко склонился над инструментом, и шелковистые локоны упали девушке на глаза, но она не спешила убрать их.

— Ваша дочь получила прекрасное воспитание, — без всякой видимой связи заметил Рэй в надежде, что Олсен забудет о своем вопросе, однако тот усердно держал его в своей толстолобой голове.

— Я жду вашего ответа, — холодно напомнил он.

Растерявшись, Гинсбет посмотрел на Лилу, ища у нее защиты, но она ответила на его взгляд своим, как будто несколько укоризненным взглядом... Тогда гость обратил глаза в потолок и нашел там решение всем своим проблемам. Чего, собственно, хотят от него эти люди? Они хотят, чтобы он говорил. И Гинсбет будет говорить без умолку. Что ему стоит впустую молотить языком? Ложь может дать отсрочку от принятия важных решений.

«Всего лишь слова!» — шепнул себе Даниэль и на выдохе завел речь, которой пару минут назад у него не было даже в мыслях. Но прежде он принял позу, достойную дешевого актера, и только потом заговорил патетическим тоном:

— Я был у госпожи Олсен, чтобы сообщить ей день нашей с Лу свадьбы. Двадцатое сентября — идеальная дата. Прежде Лу предлагала мне ее, но я настаивал на восьмом октября — дне моего рождения. Я очень хочу, чтобы госпожа Олсен присутствовала на нашем венчании... Я уважаю ее как мать девушки, которую я полюбил всем сердцем...

Лилу зарделась от восторга и принялась быстро и громко играть, перебегая из октавы в октаву. Напряжение улеглось: Олсен был доволен как никогда и даже изъявил желание выпить; опасаясь повторения вчерашней сцены, Лилу предложила жениху прогуляться. Рэй согласился, ибо это был хороший повод уйти из дома, где близость Олсена заставляла его ходить по острию ножа.

Несмотря на радость по поводу скорой свадьбы, в глубине души девушка терзалась смутными предчувствиями. Она была не так глупа и многое понимала если не умом, то сердцем.

Поведение Гинсбета менялось на глазах. При будущем тесте это был один человек, а наедине с невестой — совершенно другой. Напускной пафос слинял до подчеркнутого безразличия. Гинсбет стал рассеян; он почти не слушал, что говорит ему Лилу, строя планы на их совместную жизнь. Временами создавалось такое впечатление, будто Рэй думает о чем-то постороннем — куда более важном, нежели всё остальное. Впрочем, так оно и было.

Лилу не переставала удивляться таинственной перемене, постигшей ее любимого. Раньше он ловил каждый ее взгляд, старался предугадать малейшее ее пожелание, уберечь от опасности, предвидеть неловкость... А теперь, когда от порыва ветра тонкий шарфик

соскользнул с ее плеч, Рэй наступил на него. Лилу подняла шарфик и ласково попеняла возлюбленному на его неосторожность, но он даже не обернулся.

— Ты изменился, Рэй, — печально сказала она ему на прощанье. — Ты стал другим, таким я тебя еще не знаю...

Ночной ветер дул порывами, взметая тучи пыли. Под ногами змейкой вился песок вперемешку с мелким щебнем, которым была устлана дорога. Было настолько темно, что Даниэль не видел собственной руки, вытянутой в попытке нащупать стену. Он воровато крадся вдоль забора лечебницы, чутко прислушиваясь к звукам позади себя. С момента его последнего визита к госпоже Суаль прошло около недели, и этого времени ему хватило, чтобы многое понять... Даниэль явился сюда этой нервной ветреной ночью с одной целью — исправить роковую ошибку прошлого. Любой ценой.

Вот он уже достиг конца высокого каменного забора. Сквозь просветы в листве виднелись обрывки огней. Электричество мигало, угрожая погаснуть. Даниэль замер и прислушался, потер залепленные пылью глаза. Порыв ветра снова хлестнул ему в лицо, и мужчина приступил к решительным действиям.

Тренированные руки ухватились за край, а ноги заняли прочное положение на нижних выступах камней. Даниэль бесшумно подтянулся вверх, к вершине ограждения. Кругом царило обманчивое безлюдье, таящее в себе недремлющее око охраны. При мысли о сторожке и населяющих ее работников Элинт вознегодовал. Чем провинились эти несчастные люди — пациенты клиники Бэкарта? За что к ним приставили почти тюремный надзор? За то ли, что они, не выдержав, сдались, упали с пьедестала, запятнали свое доброе имя?.. В наказание за слабость они прозябали в этой убийственной тиши — без свободы, без имени, без чести... За них всё решали опекуны; уделом же этих несчастных стало рабское положение живых мертвецов, вычеркнутых из мира.

Даниэль увидел позади затаившийся автомобиль с потушенными фарами. Пусть он не предпринял законных действий, чтобы выволить Эклу из плена (ведь она сама молила его ни о чем не просить Олсена), зато теперь пришел сам в твердом намерении забрать женщину с собою.

Ноги упруго ступили на землю — уже по ту сторону забора. Отчаянный похититель крадучись проскользнул под кустами жасмина и на мгновение слился с темным выступом спящего дома... Кругом ни души, однако от порывов ветра, гремящих где-то железом крыши, создавалось тревожное напряжение, которое не ослабевало ни на минуту. Казалось, будто кто-то идет следом за дерзким вторженцем, будто уже готов строго окрикнуть его...

— Я верну тебе долг, — прошептал Даниэль, разматывая моток веревки, в то время как глаза его оценивающе скользили по темному фасаду с тускло поблескивающими впадинами окон, по водосточной трубе, по перилам балкона... — Когда-то ты вызволила меня из плена, заставила очнуться и ожить. Настала моя очередь. Я не дам тебе погибнуть...

* * *

От разлапистой кроны дерева по озаренной светом фонаря площадке кружили тени. Даже когда окно зашторили, на занавесях, словно на киноэкране, продолжали плясать нелепые образы.

Экла Суаль успокаивала свою подругу, которая пришла к ней в комнату среди ночи, дрожа от ужаса. Это была бывшая певица; ее психика пошатнулась после встречи с грабителями, которые однажды напали на нее во время гастролей и, угрожая оружием, обобрали до нитки. С тех пор забытая поклонниками, одинокая женщина обосновалась в частной клинике, где ее не так настойчиво, но всё же иногда посещали навязчивые страхи.

— Ну хватит. Достаточно слез, Клара, — вполголоса попросила госпожа Суаль. Крепко обняв друг дружку, они сидели на краю разобранной постели и слегка раскачивались в такт всхлипываниям.

— Не могу, Экки. Сегодня непременно случится что-то ужасное, — визгливо отозвалась темноволосая женщина с одутловатым лицом и воспаленными глазами. — Только что я выглянула в окно и мне показалось, что...

— Ерунда! Сколько раз тебе мерещилось! — не дослушала Экла. — Забудь! — И она с неистовой лаской прижала подругу к своей теплой, тяжело вздымающейся груди.

— Мне показалось, что там кто-то крадется, — договорила Клара. — А я здесь совершенно одна. Я всеми забыта!

— У тебя есть я. Это важно.

Клара умолкла, и даже в ее сопении можно было уловить благодарственные нотки. Некоторое время они молчали, пока сладостно-трагичное настроение момента не потребовало от них новых слов и новых волнений, в коих обитатели этого заведения частенько находили себе развлечение. Клара легонько отстранилась от своей приятельницы и посмотрела на нее широко раскрытыми, укоризненно-недоумевающими глазами.

— Ты счастливая. Мне вовек не видать такого счастья!

— Я? Счастливая? Ты заговариваешься. В чем же, по-твоему, заключается мое «счастье»? В том, что я уже три года не принадлежу самой себе? В том, что моей жизнью распоряжаются другие? Ох, Клара, я больной человек, — вздохнула Экла. — Поверь, мне не так много осталось...

— Не-ет! — Та вскочила, размахивая пальцем перед ее носом. — У тебя есть то, что делает женщину женщиной. Ты не обманешь меня, ведь мы знаем друг друга не первый год.

Экла поглядела на подругу с нескрываемым интересом.

— Будь добра, дорогая. Объясни мне всё то, что ты сейчас сказала.

— Хорошо. Только ты сама это прекрасно знаешь. Эффектный господин, с которым ты познакомила нас в беседке... Я умею распознавать взгляды мужчин — его взгляд говорил о многом. Он любит тебя! Он сделает всё, чтобы...

— Замолчи! — крикнула Экла, вскипев. — Ты сошла с ума. Этот «эффектный господин» — жених моей дочери, и мне плевать, какими глазами он на меня смотрел. И вообще... уже поздно. Пойдем, я отведу тебя в твою комнату. Мы не должны засиживаться так долго. — Экла с каким-то остервенением выпроводила Клару из комнаты.

Госпожа Суаль еще долго ублажала свою закадычную приятельницу. Та не сразу отпустила ее, заставив за ностальгической беседой выкурить по припасенной тайком сигарете. Потом ей пришлось старательно взбивать Кларе подушки и даже петь колыбельную. Когда наконец та забылась беспокойным сном, Экла вышла в коридор и притворила за собой дверь.

Ее сердце до сих пор колотилось, как безумное. Что за наваждение? Досадливо поморщившись, Экла прислушалась к порывам ветра на улице. Весь этот дом с его фальшивым спокойствием олицетворял собой старость и смерть.

Стоит ли Экла риска, какому он подвергает себя? Даниэль прислушался к себе, но внутренний голос молчал, обиженный за прежнее неповиновение. После того, как веревка с железным крючком была переброшена за перила балконной балюстрады, после того, как Даниэль вскарабкался по ней к одному из окон второго этажа, цепляясь ногами за миллиметровые выступы в стене, — юношеский запал его покинул. О, разве не смешон он сейчас? Он уже давно не мальчик! Его место в кабинете с мебелью из красного дерева, его место рядом с очаровательной невестой — рядом с Лилу... Даниэлю вспомнились годы, которые он прожил со всем возможным шиком. Разве он жил именно так в угоду себе? Нет. Он угождал гиганту по имени Светское общество. Каждый шаг Даниэль делал с оглядкой на него, теряя самого себя. За суматохой насыщенных событиями дней он забывал, кому изначально обязан своим преобразованием...

Отказаться от затеи уже невозможно. В руке Даниэля оказалась пила, с помощью которой ему предстояло разделаться с очередным препятствием — решеткой на окне, изготовленной в виде раскинувших крылья птиц. Даниэль пилил до мозолей, до ломоты в суставах, до тупого озлобления, когда все опасности становятся безразличны... Он делал это как можно тише; благо, звуки ветра заглушали скрежет металла. И вот наконец цель достигнута. Выверенным ударом локтя Даниэль разбил стекло, просунул руку в отверстие, вскрыл шпингалет и проник в темную комнату. На их прошлом свидании Экла показала ему окно своей палаты — ошибки быть не могло. Но что это? Кровать пуста — здесь никого нет! Неужели он всё-таки ошибся, и это чужая спальня? От такой мысли незадачливый похититель замер: как сможет он уйти, не достигнув цели?!

И тут неожиданно отворилась дверь. Свет вспыхнул так внезапно, что на секунду лишил Даниэля возможности видеть. Он почувствовал себя вором, которого застигли на месте преступления... Когда глаза немного привыкли к электричеству, он увидел ее. Что говорить? Как держаться? Трудность этих мелочей открылась только сейчас. Мелочи обычно приходят сами собой в процессе совершения подвига, но... До чего же глупо!

Экла долго смотрела на пришельца во все глаза, и в ее взгляде читалось недоумение, перетекающее в ироническую усмешку. Она поглядела на разбитое окно и обо всем догадалась.

Экла непременно узнала его, с облегчением подумал Даниэль. Теперь-то уж точно! Ведь неужели он так мало значил для нее, что не оставил о себе хоть маленького воспоминания?! Она узнала, именно поэтому сказала резко, совсем иначе, чем в прошлый раз:

— Это вы! — и устало махнула рукой, словно отгоняя наваждение. — Опять вы!

— Да. — Он не осмеливался сделать еще один шаг без ее позволения. — Вы не рады?

Всё происходило совсем не так, как должно было. Вместо слез раскаяния и страстных объятий они держались друг с другом натянуто, продолжая играть в дурацкую игру даже теперь, когда всё стало так просто. Экла продолжала упорно игнорировать своего Даниэля. Она видела Рэя Гинсбета, чьи поступки не находили разумного оправдания и казались смешными.

— Зачем?

— Чтобы забрать вас отсюда, — сдавленным шепотом пробормотал Даниэль. — Я же

обещал.

— Вот как!

— Вот как...

Экла выпрямилась. Ее посеревшее, сонное лицо могло показаться оскорбленным.

— Ваши действия незаконны, — холодно напомнила она. — Вы пробрались на охраняемую территорию. Вы... Вы возомнили себя Бог знает кем! Думаете, вам всё сойдет с рук, потому что вы фантазер? Вы играете с живыми людьми и ждете слов благодарности?

Даниэль вспыхнул.

— Я...

— Молчите, — строго шикнула она. — Вы во всё хотите внести свою лепту, ко всему стремитесь приложить свою руку. Вы ждали, что я буду тронута вашей заботой? Да вы просто не в себе!

Женщина принялась ходить по узкому проходу от кровати до двери и обратно, энергично жестикулируя:

— Вас заинтересовал мой случай? Ну признайтесь же! На мой взгляд сюжет до безобразия банален: дама не справилась с переживаниями, а муж избавился от нее, чтобы завладеть ее богатством.

— Сюжет не банален, потому что его героиня — прекрасная женщина, — робко возразил ночной гость. Он с трудом верил в собственную решимость, что вела его сквозь опасности. Какая непостижимая сила занесла его сюда — слабого и беспомощного — под град упреков. — Я просто хочу сделать вас счастливой... Нет, даже не так. Нас!

Взглянув на него, Экла скривилась в презрительной усмешке.

— Вы считаете, что счастье — постоянная величина?

— Да, — ответил он не задумываясь.

— Вы ошибаетесь. — Ее слова звучали хладнокровно, как выстрел, произведенный твердой рукой. — Счастье — всего лишь миг. Оно никогда не длится долго. Подумайте сами: стоит ли менять спокойствие на короткую вспышку?

— Стоит. Ради этой вспышки стоит сгореть.

— Уходите... Пока не поздно, — растерявшись, тихо промолвила она.

Он ожесточенно замотал головой; в его груди наравне с отчаянием рос упрямый протест. Он понял, что не оставит Эклу даже в обмен на все сокровища мира, и новая устремленность прибавила ему сил.

— Доверьтесь мне! Уйдем отсюда вместе!

Даниэль с упоением всматривался в изможденное лицо с большими сверкающими глазами, и ему было мало одного созерцания. Он начал приближаться; он точно знал, что под влиянием его ласк она больше не сможет противиться. Однако Экла не подпустила его к себе.

— Не подходите! Еще один шаг — и я закричу...

Ее охватил ужас — от невыносимого желания уступить.

— Если вы уйдете, я ничего не скажу дочери. Мы всё оставим как есть и будем делать вид, что события этой ночи нам приснились.

— Нет! Тогда я сам скажу Лу о нас. Пусть знает, что ее мать меня приворожила! — Даниэль придвинулся к ней вплотную. Экла не желает узнавать его? Что ж, он заставит ее вспомнить.

Он еще не успел ничего сказать, как ее лицо до неузнаваемости исказилось. Она

сорвалась с места, словно вихрь, выбежала в коридор и прокричала надломленным, охрипшим голосом:

— Помогите! На помощь!

Даниэль закрыл глаза... Сейчас сюда сбегутся люди; его примут за грабителя и сдадут в полицию. Вероятно, он будет задержан до утра, а потом прояснятся неучтенные обстоятельства, которые и навлекут позор на голову известного писателя. Что делал господин Гинсбет ночью в палате полоумной матери своей невесты? Для чего разбил окно, перепилил решетку? Конечно, можно что-нибудь придумать, можно выкрутиться, призвав на помощь свое природное обаяние и заручившись поддержкой Лилу. Но это будет бесчестно.

Между тем кто-то откликнулся на зов. Даниэль слышал торопливые шаги. Что ж, он получил по заслугам: когда-то предав Эклу, теперь он получал предательство от нее.

— Что случилось? Вы кричали?

Небольшая пауза отделила ответ Эклы от вопроса дежурной медсестры.

— Я прошу прощения, Кэтти. Мне привиделся кошмар, я ужасно испугалась. Теперь всё хорошо. Вы можете идти.

Голос прозвучал совсем иначе; с трудом верилось, что его обладательница могла кричать, зовя на помощь.

Опустившись на постель, Даниэль рассмеялся нервным, тихим смехом. Опасность миновала... Экла одумалась и решила пощадить его. За это он был ей благодарен. Он больше не боялся, что в комнату войдут, ибо чувствовал возвращенное доверие любимой. Она вновь на его стороне; в ней опять пробуждались утраченные, затоптанные в пыль симпатии...

Экла и вправду вернулась в комнату совсем с другим настроением.

— К счастью, никто не слышал, как вы разбивали стекло, — шепнула она и подождала, пока шаги уходящей сестры стихнут в глубине коридора.

Видя ее озабоченность, вызванную (несомненно!) беспокойством за его судьбу, Даниэль просиял. Он опять рассмеялся, на сей раз громче и свободнее.

— Как вам не стыдно!.. О чем вы думали? У вас могут возникнуть большие проблемы, ведь наша дружба для других всё равно что бельмо на глазу!

— Рад, что вы признаете хотя бы дружбу...

Она стояла перед ним, вконец обессиленная спором. Признаки усталости в облике Эклы смущали его: ему хотелось приласкать ее, но она решительно высвободилась, едва только он попытался притянуть ее к себе на кровать.

— Сейчас не время. Я должна высказаться. То, что я скажу, остудит ваш пыл, господин Гинсбет. Я не должна соглашаться на этот побег. От того, что окружает нас, от того, чем мы связаны, нельзя убежать.

— Я знаю! Вы говорите так из-за своей дочери, ведь мы с ней должны пожениться... Через две недели... В любом случае свадьбы не будет. Я не из тех, кто разбрасывается. А муки совести пройдут.

— О! — Экла села к зеркальной тумбе, чтобы причесать свои поседевшие волосы.

— Я сказал что-нибудь не то?

— Вы даже не представляете насколько!

Ему не терпелось увидеть ее глаза, но госпожа Суаль не спешила повернуться. Тогда он сам встал и, подойдя сзади, бережно обнял ее за плечи. Экла не шевелилась, пока он целовал ее шею. Вперив глаза в пустоту, она боролась с усталостью — с той усталостью, которую вызывает пресыщение жизнью.

— Сейчас я разочарую вас, мой милый. Если я и думаю о дочери, то в самую последнюю очередь. Удивлены? Шокированы?

Даниэль не отнял своих рук, лишь слегка напрягся от ядовитой искренности ее признания.

— Да. Я глубокая эгоистка. Я всегда беспокоилась исключительно о себе и сейчас продолжаю в том же духе. Я знаю нечто, чего еще не знаете вы... Желая осчастливить, вы убиваете меня вот этими руками...

Проследив за направлением ее взгляда, Даниэль помимо воли отстранился.

Экла заметила его оторопь и улыбнулась.

— Я объясню. Только прежде вы должны сесть и успокоиться. А я пока погашу свет — с того крыла могут увидеть его, тогда сюда кто-нибудь придет, чтобы поинтересоваться, почему я не сплю, а затем напичкать снотворным. Самое обидное, что даже нельзя будет их выгнать — все они имеют право докучать мне.

Даниэль повиновался, и когда на комнату упала темнота, почувствовал рядом тяжелое дыхание собеседницы.

— Бывает так, — начала Экла, — что с потерей очень близкого человека ты продолжаешь удерживать его образ. Пусть мысленно, пусть посредством воображения, но он становится твоей тенью, он преследует тебя. А мысли... Нет субстанции более эфемерной и более материальной, чем мысль. Мои мысли принудили меня искать выход из ситуации, в которую я попала. Человек слабеет, когда дело касается его сокровенных желаний, ведь желания — хуже лютой стихии... Я стала слаба. Я пустилась во все тяжкие, потому и была раздавлена... Гинсбет, вы хотите знать, как я жила?

Он кивнул, хоть в темноте она не могла это видеть.

— Наверное, вы уже поняли, что мне было плохо, — выразительно сказала Экла, — я искала спасения, но обрела иллюзию. Вездесущую иллюзию! Она мое проклятье. Стоит ли говорить дальше?

— Продолжайте, — прошептал Даниэль. — Я хочу знать.

— Я стала много и жадно пить, я прибегла к различным способам развращения плоти. У меня было много мужчин, с которыми я спала почти на глазах у мужа. Никто из мимолетных любовников не ценил так мою жалкую сущность, как... Впрочем, это неважно. Важно то, что один из них познакомил меня с «лекарством» от несбывшегося. Я знала о последствиях, но тогда даже самое страшное казалось мне шуткой. Я смеялась над грустным и плакала над смешным. Вихрь пагубных наслаждений закрутил меня, и вот однажды настал тот день, когда я перестала обращать внимание на свою внешность, на окружающий мир, на его законы и потеряла счет времени. О, если б вы видели меня тогда — вам не захотелось бы расцеловывать мою шейку! Грязное вонючее животное с пьяными глазами и худым, ссохшимся телом; животное, об которое, попользовавшись, вытирали ноги... Место такому существу — под забором, но я точно в насмешку продолжала жить в богатом, сказочно прекрасном доме, беззастенчиво позоря свою семью. Олсен отправлял Лилу к родственникам, чтобы мои непристойные гости не подвергали опасности ее невинность; вскоре он и сам перебрался в другой город, скрываясь от молвы и насмешек. Наш городской особняк был продан — доходы упали, и мы уже не могли содержать его... Потом я оказалась здесь. Здесь я волей-неволей начала исправляться. Мне выпал шанс закончить жизнь в человеческом обличье. Постепенно я забыла о... об одном человеке. Я долго болела им... И тут появились вы! Вы всё испортили! Нужно подвести какую-то черту. Вы так не считаете?

Он кивнул, она же посчитала молчание согласием.

— Вот что: никогда не сражайтесь с реальностью, ибо в любом из вариантов вы обречены на провал. Я слишком часто отрицала ее — вот, к чему меня это привело... Но вам повезло больше. Вы пишете, и всё, чем вы живете, обретает гармоничную форму, которая никому не повредит. Вы сильнее, чем я. Вы мужчина, у вас шире кругозор, свежее и гибче душа... У меня же всё закрепощено в двух вещах: борьбе и слепом стремлении. Я запросто могу дважды наступить на одни и те же грабли.

— Экла... — беспомощно пробормотал он, сжимая ее плечо, но она вскочила, и его рука соскользнула.

— Знаете, что я сделала с вашим подарком?

— Подарком?... Ах да! Шкатулка!

— Прибавив некоторые свои сбережения, я обменяла ее на... дозу. Шкатулка очень понравилась одной здешней даме. Приятель достает для нее это и передает замаскированным в безобидные с виду передачи. Вот с ней-то я и совершила этот нехитрый обмен... по вашей вине! Вы разбудили мое забытое пристрастие! Как видите, даже здесь многое продается и покупается. Конечно, угаить такое от персонала невозможно, но стоит заплатить, как они с охотой закрывают глаза.

Даниэль медленно приходил в себя после ее откровений.

— Я могу вытащить вас отсюда другими путями? С помощью денег? — без прежнего энтузиазма спросил он.

— Не уверена. Олсен воспрепятствует. Он мой господин, — усмехнулась она.

— Тогда...

Даниэль решительно поднялся. Услышанное было подобно обвалу. Нет, он не был готов к такой правде; он не верил, что женщина, казавшаяся ему воплощением чистоты и благородства, пала так низко... Совсем как в день четырнадцатилетней давности он испытывал отвращение и хотел бежать.

— Тогда... я уйду, — выдохнул Даниэль. — Надеюсь, вам станет легче.

— Через окно? — лукаво спросила Экла.

— Через окно. Больше я вас не потревожу.

Однако она не дала ему сделать даже шага:

— Как?! Вы не обнимите меня на прощанье?

— Да... — Даниэль дружески обнял ее за плечи и быстро отпустил.

Экла начала торопливо рыться в своих вещах, пока он оглядывал последствия своего вторжения.

— Как вы объясните это? Нам нужно вместе придумать разумное оправдание порче казенного имущества, — сказал он. — Пусть за решетку и окно ответят пресловутые грабители, а? Им не привыкать...

И лишь теперь он заметил, что Экла решительно кутается в шаль.

— Мне не придется ничего объяснять, — заявила она. — Я уйду с вами.

— Вы уверены?

— Как никогда.

— Не боитесь лезть через окно?

— Но вы же со мной! Вы поддержите меня, мой храбрый рыцарь...

Три часа спустя они сидели в уютном ресторанчике с рядом отгороженных ниш, где каждый столик был заключен в отдельную кабинку. Дверцы там были выполнены из полированного дерева со стеклянными вставками, что при желании сохраняло зрительный контакт с общим залом, однако наши герои по понятным причинам задернули шторы, чтобы, отдыхая от пережитого риска, побыть наедине.

Даниэль был горд собой и всячески хвастал перед Эклой размахом своих возможностей. Пусть она видит, каким он стал! Куда девался жалкий мальчишка? Вместо него перед госпожой Суаль сидел представительный мужчина, одетый с иголочки. Чего стоили одни только его глаза, голубые и по-прежнему слегка застенчивые — единственное, что осталось в напоминание о «большом ребенке». Иногда они глядели прямо, с безмерным обожанием... Иногда туманились, иногда искрились лукавством... А временами делались серьезны, что свидетельствовало о каком-то размышлении.

Экла снисходительно наблюдала за Даниэлем, вволю позволяя ему куражиться. Она давно узнала его, однако обращалась к нему на «вы» и называла новым именем. Наверное, ей просто не хотелось заводить разговор о прошлом, ведь тогда неминуемо придется сыпать обвинениями, требовать объяснений — совершенно бесполезных на данный момент.

— Ты видишь, каким я стал? — спросил Даниэль, трепеща от гордости.

Она кивнула, но не улыбнулась.

— Ты не рада?

— Рада. Вы большой молодец. Вы просто... Я не нахожу слов, чтобы выразить вам свое восхищение, но... Мне горько от того, что вы теряете всё это по моей вине.

— Как можно! — протестующе вскинулся Даниэль.

— Можно, — Экла отпила из бокала. — Я стара для новой игры. Когда-то мы создавали свой мир, из которого, не моргнув и глазом, вычеркивали неудобных: родных и близких, друзей и врагов. Это неправильно. А вы... вы даже не представляете, что нас ждет!

— Что же?

Экла заколебалась.

— Глагольте, о всевидящий оракул!

Вопреки всему она не улыбнулась. Ее пристальный взгляд неотрывно буравил собеседника.

— Так что же нас ждет? — не вытерпел Даниэль.

— Меня — смерть, вас — большое разочарование, — спокойно сказала Экла.

Он решительно не узнавал в ней неутомимую авантюристку, какой она когда-то была. Эти доктора совсем ее затравили! Ничего, пройдет время, и она поймет, что не всё так плохо. На данный момент Даниэлю вполне хватало ее присутствия; он ликовал, он упивался своей победой. Экла согласилась бежать с ним; остальное неважно.

Из ресторана он привел ее в свой номер, где прямо-таки с мальчишеским пылом принялся показывать ей атрибуты своего мира: книги, фотографии, вырезки из газет, грамоты, заморские сувениры, письма поклонников... Все эти вещи ненадолго расшевелили Эклу. Она охотно разглядывала предлагаемое ее вниманию, кивала, даже отпускала одобрительные замечания... Но не было больше в ее глазах огонька, заряжающего других оптимизмом. Экла терзалась угрызениями совести, она не могла простить себе очередной

уступки соблазну.

Четырнадцать лет назад они оба страстно полюбили, и вот что из них сотворило это чувство, вот, к чему привело... Если один выкарабкался из зависимого положения благодаря своей любви, то другая оказалась за бортом жизни.

Вскоре Даниэль заметил, что Экла, склонив голову на грудь, тихонько задремала в кресле. Она провела ночь без сна, в волнениях и борьбе с самой собой, поэтому вместо того чтобы разбудить ее, он отправился за билетами. Нужно спешить, пока Олсен и его дочь не подняли шумиху.

Уже возвращаясь к номеру, где его ждала ОНА, Даниэль не мог унять счастливо и горячо бьющегося сердца. Вместе с тем оно замирало тревогой... Войдя, он застал Эклу стоящей посреди комнаты в какой-то воинственно-насмешливой позе. Неизвестно почему женщина показалась ему безобразной до содрогания. Выпятив грудь, она держалась вызывающе, с оттенком похотливого нетерпения; ее руки уперлись в бока, носок туфли нервно постукивал по полу, торопя какое-то событие. На лице обосновалась кривая ухмылка, в которой тоже сквозил намек...

— Принёс? — спросила Экла, точно бросила в вошедшего камень.

— Да, билеты у меня в кармане.

Ее недобрая ухмылка ужесточилась.

— Как, я разве не говорила тебе? Или ты вздумал мучить меня, как и Олсен?

Даниэль поморщился от резкого перехода на «ты». Экла сделала это отнюдь не из дружественных побуждений, а чтобы найти более короткий путь к его чувствам и побольнее уязвить.

— Если ты меня любишь, то не заставишь долго ждать. — Она облизнула пересохшие губы. — Приятель Колти никогда не опаздывал, и она точно знала, что он ее любит!

Тут Даниэль вспомнил про недавние рассказы о творящихся в клинике беззакониях, про зависимую от наркотиков даму и «верного» любовника, добывающего ей смерть. Неужто Экла думает, что он также будет покупать для нее яд, отравляя ее своей собственной рукой? Она просчиталась. Никогда он не опустится до этой черты. Напротив, он сделает всё возможное, чтобы вытащить ее из трясины, в которую она угодила по глупости.

— Экла, — вразумительно произнес Даниэль, протягивая к ней руку, — перебори свое желание. Скоро мы уедем...

Он не успел договорить, как вскрикнул от боли — с невообразимой силой Экла ударила его по руке; она вообще будто озверела.

— Ты решил мучить меня! Но ты не заткнешь мне рот! — остервенело выкрикнула женщина, бросаясь вперед для нового удара. — Когда-то ты бросил меня, струсил, предал, а теперь не желаешь выполнить одну маленькую просьбу?! — Ее голос сорвался на визг, переходящий в злобное хрипение. — Что ж, тогда страдать будешь ты — я никуда не поеду.

Торжествуя, она поглядела на него искаженными от животного гнева глазами. Вот почему Экла оказалась в лечебнице... Ее ярость... Когда-то она была совсем иной... Но всякий, даже самый «ангельский» характер таит в глубине «драконье яйцо» — зерно жестокости и злобы. Стоит немного расслабиться, просуществовать какое-то время в низкой среде, как оно заявит о себе в полный голос и принесет свои горькие плоды.

— Прощу тебя! — взмолился Даниэль, но понял, что взывать к одержимому разуму бесполезно. Экла послушала бы его, будучи в здравом рассудке, но демон, владеющий ею сейчас, был глух к мольбам.

Поэтому Даниэль приготовился молча держать оборону... Он наивно ждал, что через часок-другой тучи развеются, и Экла снова станет собой, что она очнется, признает свою неправоту и поборет пагубную привычку. Однако с течением времени ситуация только усугублялась. Экла слабела и вместе с тем усиливалось ее яростное желание помочь себе во что бы то ни стало. Она металась по комнате, словно запертая в клетку тигрица, кусала губы, рвала всё, что случайно попадало ей в руки, кружилась, словно объятая пламенем. А онемевший от ужаса Даниэль уже был не в силах наблюдать страдания любимой, и когда она, вдруг подскочив к нему, принялась исступленно трясти его за плечи, он встал, мягко, но настойчиво отстранил ее и тихо ушел.

Подобно любящему родителю, готовому выполнить любой каприз своего чада, он хотел, чтобы Экла как можно скорее стала прежней. Она мучилась, и он мучился вместе с ней. В один из таких критических моментов Даниэль подумал, что, в сущности, не сделает ничего дурного, если согласится с желанием Эклы. Он поможет ей, вернет радость жизни... Чего добился Олсен, борясь с пристрастиями жены? Он ополчил ее против себя, а Даниэль не очень-то хотел оказаться на его месте.

И Даниэль принял решение. Скрипя сердце он исполнил то, о чем его просили... Сознательность честного гражданина трепетала. Еще недавно такой поступок был невозможен для него... Уже возвращаясь в гостиницу, Даниэль рассеянно вспоминал человека, с которым ему довелось познакомиться — приятеля некой Колти, которая, как и Экла, переступила черту дозволенного. Госпожа Суаль дала Даниэлю адрес, и он пошел туда, отключив все мысли, способные вызвать давление совести, ожидая встречи с кем-то порочным и вульгарным. Вопреки всему по названному адресу в бедной, полуподвальной квартире он застал очень молодого юношу с рано постаревшей душой. Это был жалкий, скверно одетый человек, ровесник Лилу; привязанность к больной женщине толкала его на преступление. Он сам часто недоедал, пребывал в лишениях, но всегда вовремя доставал для Колти сладкий яд.

Поначалу он отказывался назвать свое имя, но позднее сделал это, убедившись в великодушии визитера. Нэвел был угрюмым, неразговорчивым, глубоко ушедшим в себя человеком. Его действия носили печать фанатичного самоотречения. Наверное, он сам уже не помнил, когда и как это началось, зачем и почему он поступает так, а не иначе...

Искренне сочувствуя своему товарищу по несчастью, Даниэль не удержался и задал вопрос, который сильно его мучил: неужели Нэвел не понимает, что делает, идя на поводу у больной? Он сам сейчас делал то же самое, однако собственный поступок до сих пор казался ему недоразумением.

И Нэвел ответил, глянув на собеседника тяжелым, бесчувственным взглядом:

— Я всё понимаю. Только у Бэкарта ее всё равно не вылечат...

По возвращении Даниэль удостоверился в том, что за время его отсутствия Экла не сомкнула глаз. Она поджидала его и когда он вошел, бросилась ему навстречу — увы, не с целью объятий. Она требовательно протянула ладонь, куда он вложил маленький стеклянный флакончик с белым порошком, похожим на пудру. Затаив дыхание, Даниэль отвернулся...

Уже будучи Гинсбетом, он знал людей, нюхающих кокаин, но сам никогда не поддавался на провокации. Подумать только! Экла, его первая любовь, лучшая из женщин — теперь среди числа недостойных, чью слабость он некогда высмеивал и презирал... Но что испытывали они, какого блаженства достигали, что в забвенье легко отвергали реальный мир?

...За спиной происходила какая-то возня, от которой по спине бежали мурашки. Когда наконец он повернулся, метаморфоза уже свершилась. Щеки женщины порозовели, плечи расправились, глаза заблестели. Узы напряжения спали, и вся она разом подобрела, вновь стала чуткой и ласковой.

— Спасибо... — Экла одарила Даниэля лучшей из своих улыбок, а он не знал, радоваться ему или рыдать. Казалось, Экла вовсе не помнила, какой была минуту назад!

Даниэль прошел в другую комнату, сел за стол, положил голову на руки и задумался. Он не помнил, сколько времени просидел так, не шелохнувшись. Его вывело из оцепенения нежное прикосновение. Экла, склонившаяся над ним, выглядела чудесно преображенной. Она была прекрасна даже с сединой в волосах, и он восторженно привстал ей навстречу.

— Дэни, милый мой, славный! Как я скучала!.. Это чудо, что ты здесь, со мной! Что ты не забыл меня!.. Иди же ко мне, люби меня! Люби как прежде!..

И всё встало на свои места. Он обнимал ее, а она ответно тянулась к нему с тоскующей страстью. И оба рыдали, и слезы их, смешиваясь в поцелуях, застывали на разгоряченной коже, и губы горели от ненасытных ласк. Казалось, так будет всегда, и воссиявшее солнце больше не померкнет...

Потом стало хуже. Спустя два дня Экла слегла, опустошенная, безразличная, иссушенная наркотическим ядом. Всё случилось так быстро, что Даниэль еще не успел прийти в себя. Поняв, что ситуация ему неподвластна, он вызвал гостиничного врача. Думать о сохранении тайны не приходилось... Явился сгорбленный седой старичок, который без лишних слов проскользнул к больной и плотно затворил за собой двери.

Даниэль отчаялся ждать и уже хотел постучать, как доктор сам вышел ему навстречу.

— Даниэль, могу я и теперь называть вас так?

Он вздрогнул и внимательно посмотрел на человека. Не может быть! Это же...

— Сормс? Вы?

— Да, это я, — ответил постаревший, осунувшийся доктор. — Я давно живу здесь. В гостинице работать спокойнее, чем в больнице, а мой почтенный возраст требует именно покоя.

Даниэль молчал, сраженный очередным поразительным совпадением.

— В провинции я имел хорошую практику и даже заручился уважением местного населения, но... Вы не знаете, что я покинул деревню и продал свой дом немного погодя после вашего отъезда. Когда этот горлопан Роб Пэмбертон вынес правду о госпоже Суаль,

когда обличил ее и вас перед всем честным народом, я сперва принял его слова за вымысел. Зная Эклу, я не поверил, что она... могла так поступить с мужем и дочерью... Роберт на каждом углу похвалялся ловкостью своего ума, а я не сдержался. Я отсчитал его при всех, а затем собрался и уехал. Уехал вслед за вами, но нам суждено было разминуться. Ваш след затерялся, а госпожа Суаль... В течение многих лет я ненавязчиво отслеживал ее судьбу. Однажды я даже говорил с ее мужем о... вас, Даниэль.

— Зачем? — изумился тот.

— Чтобы спасти Эклу. Я чувствовал, что именно вы способны вытащить ее из грязи, вернуть ей человеческий облик. Господин Олсен прогнал меня. С тех пор я не сую нос в чужие дела. Поверьте, я искренне хотел помочь вам; и вы, и эта женщина шибко запали мне в душу... Может, не будь господин Олсен так упрям, общими силами мы бы вовремя разыскали вас. Но он занимал странную позицию: позволяя жене встречаться с другими мужчинами, он приходил в ярость, стоило упомянуть ваше имя. Других она не любила — он это знал, — а вас... Поэтому-то он всячески препятствовал вашим отношениям. Он мстил.

Когда Сормс закончил свой рассказ, Даниэль имел одно желание — поскорее успокоиться, узнав, что с Эклой не случилось ничего серьезного. Но тот, угадав его мысли, сказал глухо, с судорогой в горле:

— Мне жаль, Даниэль, но дело плохо. Слишком долго госпожа Суаль вела аморальный образ жизни. За всё нужно платить.

Беспомощное, слезливое выражение лица Даниэля указывало на его желание воспротивиться действительному положению вещей. Нет, нет, тысячу раз нет! Он не заметил, как произнес это вслух.

— Вам тяжело, но вы выполнили свой долг — вернулись. — Сормс ободряюще похлопал его по плечу. — Она благодарна вам за это. Я вижу, что вы возмужали, вы стали мужчиной, который не боится взглянуть правде в глаза. Поверьте, сейчас самое время.

Всхлипывая, Даниэль поднял покрасневшее лицо еще с недоверием, но уже готовый смириться.

— Неужели...

— Она уже немолода, — решительно прервал его Сормс. — Она в том возрасте, когда бороться с недугом труднее. При грамотном и своевременном подходе ее можно было вылечить, но она долго игнорировала свое здоровье. Употребление наркотиков и спиртного способствовало прогрессированию болезни. Увы, слишком поздно!

— Тогда... не говорите ей, ладно? Ей лучше не знать.

— Она знает! Она знает это лучше нас! — только и воскликнул старик. Он еще немного постоял подле поверженного горем человека, желая перед уходом напоследок убедиться в его способности здраво мыслить, а потом сказал:

— Позже я зайду к вам. Госпожу Суаль лучше перевезти в более спокойное место. Она, уж простите, всё рассказала мне про побег. Я похлопочу, употреблю все свои связи, привлеку лучших докторов. Не падайте духом.

Сормс вышел, но Даниэль едва ли обратил на это внимание. Через минуту он отпустил из памяти нежданную встречу. Он был оглушен, разбит и подавлен: женщина, которую он вернул себе спустя годы, неизлечимо больна. Драгоценный шанс был потерян еще тогда, когда он, испугавшись слухов, бежал из Сальдаггара. Он добровольно отказался от Эклы; по его вине она более не являлась той неутомимой, жадной на внимание, бесстрашной фантазеркой, кружившей головы и не считавшей ложь постыдным делом...

* * *

А в это самое время, в этой самой гостинице этажом ниже разыгрывалась сцена, имевшая непосредственное отношение к судьбе человека, известного под именем Рэй Гинсбет. Ричард Олсен решительно поднимался по лестнице; позади него двигались не менее красноречивые фигуры: бледная миловидная девушка и усатый, весьма упитанный инспектор полиции.

— Господин Олсен, вы уверены, что не напрасно обвиняете господина Гинсбета в похищении вашей жены? — запыхавшись, прокричал вдогонку последний. — Вы слышите меня? — Инспектор с трудом преодолевал оставшиеся ступеньки. — Ваша версия маловероятна...

— Так проверьте ее! — Олсен круто развернулся, и тот невольно отступил. — Это ваша работа! Я хочу, чтобы вы проверили все версии и в первую очередь — версию с участием Гинсбета. Я чувствую, что этот молодчик нечист. В противном случае докажите мне обратное!

— Папа! Это невысказано! — в свою очередь воскликнула Лилу, в ответ на что получила насмешливый взгляд разгневанного и, по всей видимости, не до конца трезвого отца (Лилу видела, как он с утра распил бутылку портвейна). Исчезновение жены потрясло его не меньше, чем дочь, однако девушка не разделяла подозрений родителя. По ее мнению, события минувших дней и даже показания медсестры, утверждавшей, что в последнюю ночь Экла звала на помощь, — не давали им права натравлять полицию на Рэя. Как он, должно быть, оскорбится недоверию со стороны будущего тестя! Как честный человек, Гинсбет будет очень разозлен, и Лилу пугала подобная перспектива. Еще вчера она чувствовала себя защищенной от всех невзгод, а уже сегодня была вынуждена обороняться в одиночку. И что страшнее всего, Лилу не ощущала прежней поддержки Рэя: он не приходил к ней, не давал о себе знать, не звонил, не передавал никаких сообщений... Объявив дату свадьбы, Гинсбет затих, что выглядело куда более, чем странно.

Между тем Лилу не находила причин для обиды. В ее понимании с Рэем могло случиться что угодно, кроме... связи с ее матерью. Наивная, дочерчивая как дитя, эта добрая девушка готова была без конца обелять поступки любимого, ибо как никто верила ему... Лилу на миг задумалась, к кому бы из них двоих — матери или жениху — она поспешила бы на помощь, случись ей оказаться перед таким выбором. Однозначный ответ так и не был найден... Несмотря на вечное пренебрежение к себе со стороны Эклы, Лилу любила ее, как любила и Рэя.

Именно поэтому сейчас, когда Олсен готовился занести горячий, хмельной кулак над дверью номера, где проживал Гинсбет, Лилу со всей решимостью остановила его.

— Что?! — огрызнулся отец. — Поиски вывели на след! Иначе объясни мне, почему с ним живет женщина? Портье и горничная описали ее: «блондинка не первой свежести». Тебе это никого не напоминает?.. — Олсен смотрел на дочь с презрением, но Лилу была тверда. Кукольными шажками она приблизилась к нему и легонько, как бы невзначай отвела от двери.

— Позволь мне самой во всем разобраться. Если... если догадки подтвердятся, я дам вам знать.

Олсен был настолько озадачен самообладанием дочери, которую всегда считал сентиментальной и чуточку глупой, что даже не смог воспротивиться ее просьбе, а она тем временем уже обыденно стучалась к своему жениху.

— Рэй, это я! — ровным голосом известила девушка.

Олсен, привыкший оставлять последнее слово за собой, даже это решение дочери обернул выгодной стороной, используя Лилу как приманку. Шепотом он подозвал полицейского поближе, и вместе они спрятались за выступом стены.

— Скажи ему, что пришла одна, — подсказал отец натянутой, как струна, девушке. — Когда он выйдет, я сам проверю то, что меня волнует.

— Рэй не преступник, чтобы поступать с ним так подло, — вполголоса возразила Лилу. — Если ты не хочешь потерять меня, предоставь дальнейшее одной мне. Предупреждаю тебя, папа...

Он закусил губу и отступил, сраженный ее непоколебимым тоном.

Тем временем дверь чуть приоткрылась. Рэй Гинсбет отпер замок и отошел вглубь комнаты.

Напоследок кивнув отцу, Лилу решительно ступила за порог номера. Обстановка комнаты была заодно с подозрениями: здесь явно чувствовалось присутствие женщины. Рэй стыдился поднять на невесту глаза... Она верила ему несмотря ни на что. Она неустанно надеялась.

— Рэй! — воскликнула девушка, и всё ее доверие, вся сила ее любви излилась в коротком восклицании.

— Я не Рэй Гинсбет. Мое настоящее имя — Даниэль Элинт. Мне искренне жаль, что я не сказал вам этого раньше.

Теперь он мог прямо смотреть в ее побелевшее, застывшее последними проблесками недоумения лицо, с которого на глазах улетучивалось выражение благородной надежды.

Напрасно Лилу недооценивали. Она всё поняла. Поняла и осознала каждой клеточкой не только мозга, но и души еще до того, как из соседней комнаты вышла ее мать... Поседевшие волосы Эклы были распущены по плечам, худые руки придерживали шаль на обвислой груди, но глаза — впервые Лилу видела это — остановились на ней с любовью. Госпожа Суаль раскаивалась в своем прошлом, сожалела о внимании и ласке, которыми когда-то обделила девочку, но была бессильна что-либо исправить. Жизнь была прожита. И теперь словно в насмешку Экла отнимала у дочери ее возлюбленного, лишала ее самых первых, самых пылких девичьих надежд.

Лилу окончательно повзрослела. Даниэль был последним свидетелем ее простодушных порывов. Отныне она научилась прятать чувства глубоко в себе, как и подобает светской даме, оставляя окружающим лишь выдержку и обходительность. Но тогда, принимая самое важное решение в своей жизни, она еще не понимала, что больше никогда не станет прежней. Лилу вовсе не думала ни о чем. Она поступала так, как считала нужным.

— Позаботься о ней, — без обиды, без насмешки сказала девушка Даниэлю...

* * *

Олсен бросился к дочери, которая медленно вышла из номера и притворила за собой дверь.

— С ним другая женщина. Поищем маму в другом месте.

Отец вспыхнул, хотел что-то возразить, но Лилу добавила:

— Не нужно разбирательств. Если Гинсбет совершил преступление, то понесет ответ перед самим собой: не передо мной, не перед тобой и уж точно не перед законом. Оставим его!

...Она шагала по мостовой, и с небывалой легкостью думала обо всем, что раньше

считала непомерно тяжелым: о матери, о ее судьбе. Теперь-то Лилу знала, что далеко не на всякую любовь следует ждать в ответ такой же любви; что далеко не за каждую жертву, приносимую во благо других, нужно ждать награды. Гораздо важнее оправдать чаяния своей души; своей сокровенной, истинной сути.

— Дурачок! — Он сидел у ее ног, а она ласково перебирала его волосы. — Ты мог бы составить свое будущее... Но отказался от него ради меня, не подумав, что я ровным счетом ничего не стою. Лилу подарила бы тебе наследников, а я... Я скоро уйду — ты знаешь это.

Он приложил палец к ее губам, заставляя замолчать.

— Когда-то мы вместе начали игру — мы вместе должны ее закончить. Поверь, неважно, кто повинен в том, как всё обернулось. Все мы: я, ты, твой муж — в той или иной степени виновны. Важно то, что мы вместе здесь и сейчас. Экла, ты слышишь? Сормс сказал: время, отведенное нам, приравнивается к году... — Даниэль зажмурился, и из-под его ресниц одна за другой скатились слезы. — Но ему не понять, — сдавленно продолжал он, — что год, проведенный с тобой, стоит вечности...

Экла устало просияла. Благодарить было излишне. Вместо каких-либо слов она лишь крепче прильнула щекой к его плечу, вновь улыбаясь сквозь горечь этого запоздалого счастья.

Больше книг на сайте - Knigoed.net